

Центр коммуникативных исследований
Воронежского государственного университета
Центр теории и практики речевой коммуникации
Ярославского ГПУ
Кафедра межкультурной коммуникации
Российского ГПУ им. Герцена

Коммуникативные исследования 2009

Теория коммуникации. Коммуникативное поведение.

Продолжающееся научное издание

Воронеж
2009

Очередной, седьмой, выпуск международного научного сборника «Коммуникативные исследования» (2009, теория коммуникации, коммуникативное поведение) посвящен теоретическим и прикладным проблемам современной коммуникации.

Для филологов, преподавателей русского языка, преподавателей русского языка как иностранного, иностранных языков, специалистов в области коммуникативного поведения, межкультурной коммуникации, обучения эффективному общению.

Редакционная коллегия:

проф. Антонова Л.Г., проф. Лысакова И.П., доц. Козельская Н.А., проф. Стернин И.А. – научный редактор, к.ф.н. Ухова Л.В.

*Компьютерная верстка и оригинал-макет –
И.А. Стернин*

- © Центр коммуникативных исследований
Воронежского ГУ
- © Центр теории и практики речевой
коммуникации Ярославского ГПУ
- © Кафедра межкультурной коммуникации
Российского ГПУ им. Герцена

Коммуникативные исследования 2009. Теория коммуникации, коммуникативное поведение / Научный ред. И.А. Стернин. - Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – 166 с. 200 экз.

Теория коммуникации

Л.Г.Антонова

Отношения «автор» – «адресат» в современном медиапространстве

Статья подготовлена в рамках Гранта МО РФ 6388 «Актуальные процессы социальной и массовой коммуникации» по аналитической ведомственной целевой программе “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

У Осипа Мандельштама в философском эссе «Камень» есть верное объяснение принципов диалога: сложение по общим законам разных «личных миров». Построенное по законам такого диалога, высказывание обретает статус общественного знания – «мирного» опыта. Безусловно, это рассуждение об идеальной, качественной природе интеллектуального «взаимопримирения», дающее основание поиску средств и приемов обнаружения «себя» и «другого» в диалоговом пространстве и в том числе в обновленном сегодня информационном пространстве масс-медиа.

Известно, что современная коммуникативная лингвистика в опытах анализа жанровой природы высказывания оперирует специальными понятиями, которые облегчают поиск и характеристику средств реализации *авторской интенции*, с одной стороны, и приемов *привлечения внимания адресата*, с другой.

К числу таких обобщенных характеристических понятий относятся – *«адресация»* и *«авторизация»* (Н.Д.Арутюнова). За каждым из них, как доказывают опыты анализа большого массива текстов, стоят *конкретные речевые приемы*, многие из которых приобретают в рамках жанра определенный (а часто – стандартизованный) вариант оформления, что помогает решить задачу *«узнавания»* жанрового варианта текста.

Частота использования средств авторской оценки, демонстрирующих субъективные отношения автор-информация, или средств адаптации и комментирования информации, представляющих отношения информации – адресат, создает соответствующий прецедент появления высказываний с повышенным статусом субъективности (статусом автора) и высказываний с повышенным статусом адресации (статусом адресата).

В современных печатных массмедиийных материалах к числу высказываний с повышенным статусом автора относятся прежде всего статьи презентационной направленности, в которых реализуется авторская интенция позиционирования: байланер, имиджевая статья, имиджевое интервью.

В каждом из них по-своему представлены *«авторские знаки»*, но есть наметившаяся тенденция в оформлении *«авторства»*. К числу

сложившихся традиционных приемов можно отнести: представление *опосредованных знаков авторской принадлежности*: указание на логотип организации, лицом которой является автор; оформление его «авторского права» на публикацию с указанием на историю получения доступа к представленной информации, включение дополнительных сведений о биографии автора или организации, фотопортрет автора или фотосессия, дающая представление о контексте событий в авторской интерпретации, что приветствуется сегодняшними законами позиционирования социальных (и медийных, в том числе) субъектов; указание на приобщенность к эталонным контекстам и достоверным редакционным материалам, вплоть до признания авторства через представление подлинной авторской подписи под событийными материалами.

Все эти приемы, безусловно, усиливают субъективную позицию автора и дают читателю указание на достоверность, фактологичность информационного пространства, демонстрируют «ответственность автора» в медийном пространстве «автор» - «адресат-читатель».

Например, в ходе анализа знаков авторской принадлежности в статьях, опубликованных в современных медиаизданиях (в известных читательской аудитории журналах «Компания», «Секретарь», «Дело», «Карьера» и некоторых других) нами отмечена принятая этими медиаизданиями традиция *дискурсивного руководства читательским восприятием*: максимальное внимание при макетировании и представлении материала на журнальной полосе уделяется визуальным и графическим «знакам преварительного оповещения»: каждой статье на странице предшествует на фирменной «подложке» рубрикация (указание на жанр публикации: «Прогнозы недели» «Хроника событий»; «Авторитетное мнение»), дается опосредованная характеристика предлагаемого материала с использованием концептуального цитирования или экспертного заключения, которое может стать презентацией «чужого мнения», хотя редакция и соглашается, что такая позиция может вступать в противоречие с коммуникативным и жизненным опытом читателя.

Нам кажется, эта тенденция не может быть оценена однозначно: положительной оценки заслуживает медийный диалог в направлении облегчения восприятия и удобства чтения (максимальная читабельность текста, не затрудняющая основную мотивацию читателя), а провокационные «установки», с указанием на сильную позицию эксперта или редакционное мнение, требуют от читателя определенной медиаобразованности, которая позволит ему защитить себя от консьюмеризма и ложного «принятия всего на веру» при восприятии прочитанного.

Активно функционируют в медийных жанрах и *традиционные приемы выражения авторского отношения*, формирующие «ожидание» адресата: обращение к приемам концептуального озаглавливания; смысловая «игра»

с заголовками на основе визуальных кодов (подчеркивание, графическое выделение, цветовое маркирование).

Например, к числу концептуальных метафорических находок можно отнести следующие заголовки: «Квадратура денег» (о проблеме ипотечных кредитов населения), «Пещерные люди» (о пензенских жителях, самостоятельно сделавших себя заложниками сомнительной веры и ушедших в пещеры для ожидания конца света); «Скончались от РАН» (о нереализованных возможностях научных начинаний российской научной мысли); «Земное притяжение» (о проблемах земельных кадастров и земельном праве граждан). В каждом из этих заголовков используются приемы аллюзии, обновленного интерпретирования устойчивых выражений, что формирует хороший читательский вкус в вопросах языкового кодирования при чтении, на пороге восприятия текста.

Приемы интимизации диалоговых отношений в рамках публичного высказывания мы тоже можем с полным правом отнести к наметившимся в настоящее время тенденциям в массмедиийном дискурсе. Это, как правило, проявляется в особой устно - разговорной тональности «собеседования» в рамках интервью или при использовании приемов «рассказывания» в имиджевой статье.

Вот несколько примеров диалоговых «поддержек» из названных выше статей в медийных изданиях.

Пример 1. «Разумеется, пребывание в пещере в ожидании конца света не свидетельствует о высоком интеллектуальном потенциале и психической адекватности... И если начистоту – я совсем не убежден, что сектанты из Погановки намного фанатичней и зашоренней других сектантов, которые сегодня так боятся провести обычные выборы и сменить одного президента на другого» (Цитируется по: Дмитрий Быков «Пещерные люди»// Компания – № 44 (489) от 26 ноября 2007 года. – С. 14)

Автор, отвлекаясь от конкретного реального события, позволяет себе достаточно смелое и вольное обобщение, косвенно имеющее социально-политическое основание и требующее определенного интеллектуального умения у читателей идти в диалоге от простого к сложному и пользоваться приемами домысливания вслед за автором.

Пример 2. «Давайте все же попробуем поглубже вникнуть в проблемы рынка жилья и инвестиций в него....Учтите, что 70% россиян ставят собственный дом не первое место среди признаков счастливой жизни...» (Цитируется по статье «Квадратура денег»//Азбука. Газета бесплатных советов. - Ярославль. - 2007. - № 4 - С. 4)

Автор активно пользуется приемами устного диалога, перенося в письменный текст атрибуты живой беседы с советами и рекомендациями.

Такие «диалоговые пассажи» в рамках письменного медийного текста призваны создавать общую доверительность и исповедальную тональность в рамках современного публицистического медийного текста.

Часто используются в медийных публикациях приемы иронического «самобичевания» или намеренного снижения «публицистической пафосности» или откровенного “заигрывания” с читателем при указании на его право оценки факта. В текст статьи включаются такие узнаваемые авторские попутные замечания: «избавляю тебя,уважаемый читатель, от своих любительских рассуждений»; «умный меня без труда поймет»; «я не из тех журналистов, кто обязательно разделяет официальное мнение», «я думаю, что нашему читателю достает жизненного опыта», «чтобы оценить (понять, поддержать), нужно родиться и вырасти в нашей действительности» и подобные этим, обеспечивающие алгоритм рассуждения в медийном диалоге автора и читателя.

Особого внимания исследователей заслуживают особые авторские жанровые образования - личные интернет-дневники (*блоги*). В рамках данного сорта медиатекстов активно используется весь *традиционный арсенал приемов дневниковой прозы*: ролевая подача информации (выполнение роли «хроникера», «спикера», «фаната», «дрянной девчонки», «чайника» и некоторых других узнаваемых социальных типажей); автокоммуникация (обращение к самому себе как «провоцирование» диалога с самими собой как альтер-эго); яркая игра со словом (и на уровне семантическом, и на уровне графическом).

Предметно-смысlovой план этих жанровых вариантов («объективный диктум» – Н.Д.Арутюнова) дается через призму собственного «я» и обретает новые нетипические детали, повороты, дается под неожиданным «углом зрения», то есть происходит субъективизация диктума.

Можно говорить о *тиpичных приемах субъективации диктума*: недопустимое в рамках локального текста «укрупнение» или нетипичная «детализация»; представление предмета высказывания как «предметной метафоры», которая при этом выносится в заголовок, представляется в эпиграфе, или проходит лейтмотивом высказывания. (Ср.: «ФАС на рекламу» (о мерах по определению правовых полномочий российский рекламодателей); «Зарубки времени» (о воспоминаниях «доперестроечных» старшеклассников о школьной жизни); «Маленькие игрушки больших мальчиков» (о планерном спорте и его поддержке).

Так, например, в публикуемых фрагментах блогов известных личностей часто заявленная тема обрастает «мелкими деталями», подробностями, «отследить» которые может только человек, постоянно заходящий на сайты и поддерживающий в долгое время интерес к той или иной проблеме. Таким образом и осуществляется субъективация тематического поля медийного диалога, обеспечивается особая доверительность в проблемном дискурсе.

Очень часто предельная «субъективация диктума» приводит к особой *афористичности высказываний*, и они приобретают характер философско-нравственных обобщений – «формул нравственного бытия», как называл их Д.С.Лихачев.

Следует обратить внимание, что «авторские жанры» в современном массмедиийном пространстве сопровождаются обязательными *репрезентативными визуальными знаками*: специально оформленными материалами фотосессии; сюжетными смысловыми рисунками, включенными и повторямыми в каждой публикации авторскими графическими знаками, метафорическими фотоколлажами.

Адресация в условиях жанров с повышенным статусом субъективности обязательно предполагает актуализацию «*аберрации*» адресата, то есть *домысливания* им предложенной системы сообщения на предметно-смысловом уровне.

В инициативном письме эти домысливания предполагаются с учетом условий и традиций совместной практики общения. В дневниковой записи (в рамках самокоммуникации) они основываются на самоактуализации интеллектуального опыта. В эссе они предъявляются через систему *прецедентных высказываний*, которые предполагают адресата не просто как «человека своего круга», но языковую личность с достаточным уровнем коммуникативной компетентности, в сознании которой осуществляется «замыкание» необходимой «рефлекторной дуги» (Ю.Н.Караулов) и обеспечивается нужная референция, устанавливается нужная для автора и адресата система ожидания, лежащая в основе *коммуникативного диалога*.

Особую значимость диалог приобретает в режиме интернет –общения, где в особом режиме виртуальности и «*ойн-лайновости*» *реакция адресата* бывает незамедлительна, что создает особый режим *публичной адресации*: открытой, провокативной, естественной (часто предельно естественной, ироничной, граничащей с требованиями этической цензуры).

Известно, что многие массмедиийные издания имеют свои сайты, где автор и адресная аудитория могут заново оказаться в пространстве диалоговых отношений. **Автор** получает «реактивные свидетельства» заинтересованности читателя-адресата, представление о его подлинном видении проблемы или идеи (происходит своеобразное «наложение» интенции и экспекции). **Адресат** получает возможность быть услышанным, обретает «право совещательного голоса» в современном публичном диалоге, что укрепляет его позицию «соавтора», повышает его мотивацию как языковой личности современного социума.

Авторизация и адресация, безусловно, обеспечивают не просто диалоговое пространство текста, но дают возможность представить все великолепие и своеобразие «личных миров», что и составляет суть настоящего общения независимо от формы его существования: реальной или виртуальной.

Механизмы и этапы письменного творчества

Письменное творчество – сложный многогранный процесс, рассматриваемый науками гуманитарного цикла с разных точек зрения.

Для психологии это – средство отражения перцептивно-аффективной составляющей сознания, для философии – это процесс, приводящий к открытию (обнаружению ранее неизвестных причинно-следственных объективных закономерностей мироустройства) или к изобретению (созданию принципиально нового, прагматично нацеленного объекта). Для когнитивной лингвистики письменное творчество – совокупность механизмов приема, переработки, использования разного рода информации, поступающей из внешнего мира. При этом под передачей информации понимается не непосредственное получение чего-то извне, а выстраивание в сознании коммуникантов близких (но не идентичных) образно-информационных структур. Для того чтобы «передаваемый» образ был понятен воспринимающей стороне, необходимо, чтобы реципиент располагал близкими образами или обладал бы умением их «расшифровывать» (понимать и соотносить структуру и внутреннее содержание). Следовательно, можно говорить о необходимом наличии в сознании человека некой исходной базы универсальных образных компонентов, а также о работе идентичных механизмов психики, обрабатывающих информацию.

Существующие в психолингвистике схемы процесса любого творчества в целом свидетельствуют о попеременном включении в работу сознательной и бессознательной областей психики. Применительно к письменному творчеству можно представить данный процесс в виде пяти этапов:

- 1) работа области бессознательного – прояснение (или «высвечивание», «выдвижение») интенции;
- 2) работа сознания – формулирование идеи, выбор варианта ее реализации (логический поиск);
- 3) работа области бессознательного – временное отвлечение сознания от логического поиска, опора на перцептивно-аффективную базу психики: (интуитивный поиск);
- 4) отражение, транслирование результатов работы бессознательного в сознание (инсайт);
- 5) сознательная работа – развитие идеи, ее окончательное оформление и проверка.

При этом необходимо заметить, что, в отличие от логического поиска, интуиция не подразумевает нахождение элемента путем подбора, ответ появляется в сознании через уточнение, «наведение резкости» на искомый

ответ. Различие *когнитивной* и *перцептивно-аффективной* составляющих, возможно, позволит снять существующее противоречие в толковании термина «механизм», который иногда описывается как «процесс» (Зимняя 1989, с.166), а иногда как «структура, устройство»² (Залевская 1986, с. с.167) можно предположить, что для когнитивной области механизм является процессом, тогда как для области бессознательного – устройством, поскольку работа бессознательно базируется на активации соответствующих шаблонов (например, ассоциативность, стереотипное восприятие и т.д.).

Механизмы творческой письменной деятельности, соответственно, можно представить в виде четырех типов:

- общефункциональные механизмы,
- когнитивные механизмы (логические операции),
- механизмы области бессознательного,
- механизмы, ответственные за внешнее оформление речи.

Механизмы бессознательного, таким образом, включаются в работу трижды: при зарождении интенции (на первом этапе); при временном отвлечении от логического поиска (на третьем) и при выведении результата работы бессознательного в область сознания (на четвертом). В связи с этим можно говорить о трех механизмах: индивидуализации, эмпатии и рефлексивности.

1. Первый механизм бессознательного - *механизм индивидуализации*: на данном этапе происходит уточнение глобального образа мира через призму текущей ситуации при помощи определения в ней своего положения. Интенциональный механизм индивидуализации является источником оригинальности творческой работы.

2. Второй механизм - включается в работу *механизм эмпатии*: творчество, как способ постижения мира и культуры, тесно связано с адекватностью наблюдений, что, в свою очередь, приводит к «подстраиванию» сознания к познаваемому объекту или явлению. Степень точности понимания оказывается связанный с возможностью частичного перевоплощения наблюдателя, «резонирования» его с обрабатываемым материалом. Каждый творческий образ, разворачиваясь в сознании, имеет свой временной отрезок воздействия, свою динамику и, как следствие, получает именно то языковое выражение, которое поддерживает это перцептивное сходство внутреннего образа с внешним звучанием.

3. Третий механизм - (отражение, вывод результата работы бессознательного в сознание) создания творческой письменной работы действует *механизм рефлексивности*, поскольку рефлексия – «отражение сознанием самого себя, некое удвоение фрагмента в пространстве образов мира, в результате чего сознание приобретает способность оперировать своими собственными образами» (Борбелько 2007, с. 68).

В связи с индивидуальным характером творчества и когнитивные механизмы, и механизмы бессознательного оказываются включены в

процесс в неравном соотношении. Это, в первую очередь, зависит от доминирования в процессе левого (отвечающего за аналитику) или правого (отвечающего за комбинаторную деятельность) полушарий головного мозга автора: ведущими для правополушарных и левополушарных индивидов являются совершено разные этапы работы. Так, например, у левополушарных работы бессознательного оказывается сильно редуцированной, весь продукт представляет собой последовательно раскрываемые логические выкладки. Для правополушарных - напротив, вторична логичность письменной работы.

В когнитивистике данное соотношение стало основанием для выделения многочисленных «когнитивных стилей» мышления – «различий в способе получения, переработки и применения информации» (Мангус 2001, с. 33).

Так, например, согласно классификации когнитивных стилей М.А. Холодной (2004) к левополушарным стилям относят: поленезависимость, узкий диапазон эквивалентности, узость категории, когнитивную простоту и другие; к правополушарным стилям – полезависимость, широкий диапазон, широта категории, гибкий контроль, интуитивность... и т.д. Анализируя единицы данной классификации, нетрудно заметить, что некоторые элементы дублируют друг друга (конкретность – узкий диапазон эквивалентности, полезависимость – холистичность, и т.д.); сканирующий контроль и импульсивность кажутся не соотносимыми друг с другом в рамках одного типа, некоторые характеристики (например, импульсивность – рефлексивность) характеризуют в большей мере темперамент, чем мышление.

В связи с этим можно предположить, что центральным противопоставлением классификации является пара *полезависимость – поленезависимость*: эта характеристика говорит о глобальном или о детальном постижении, то есть о цельности восприятия в противовес дробной аналитичности. Все прочие единицы классификации можно принять в качестве характеристик полезависимого или поленезависимого стилей.

Конечный результат письменного творчества в своей логико-структурной организации оказывается зависимым от когнитивного стиля автора. Особенно ярко это проявляется в жанре эссе, которое существует в двух своих разновидностях: публицистической и художественной. Существующую в лингвистике проблему их разграничения представляется возможным решить при помощи анализа используемого автором когнитивного стиля: в процессе написания публицистического эссе автор работает в поленезависимом стиле, используя соответствующие стратегии воздействия на читателя, поскольку публицистическое эссе ориентировано на выполнение функции убеждения потенциального читателя. В процессе написания художественного – в полезависимом, т.к. его задача – оказание психо-эмоционального влияния.

Доминирование того или иного когнитивного стиля оказывается зависимым не только от нейрофизиологических особенностей автора, но и от сложившейся в культуре традиции: так, применительно к английскому эссе, многими исследователями подчеркивалась преобладание рационально-этических моментов, в то время, как в русском – эстетико-этических. Отсюда тенденция английского эссе к линейному типу композиционного построения эссе (один тезис, аспекты которого пошагово раскрываются в каждом абзаце), русского к циклическому (перечень точек зрения, постоянное возвращение, вращение мысли) и фрагментарному (зарисовки, озарения).

Более детальный и глубокий анализ действия выделенных механизмов, зависимости жанровых и национально-специфических особенностей произведений от когнитивного стиля позволит решить также и некоторые проблемы, связанные с обучением русских и иностранных студентов написанию творческих работ.

Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. - М.: Рус. яз., 1989. – 219 с.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: Сб. науч. тр. (отв. ред. д. филол. н., проф. А.А. Залевская и др.). Калинин: КГУ, 1986. - 167 с.

Борбелько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. - Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Ком Книга, 2007. – 288 с.

Мангус И.Ю. Стратегии овладения языком и развития приемов познавательной деятельности как реализация когнитивного подхода в учебнике русского языка как иностранного (на примере учебников в эстонской школе). – Дисс.... докт. пед. наук. - М., 2001. – 339 с.

А.А. Припадчев

Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «житие»)

В теории речи существенно разграничение понятий «семантика» и «смысл». Системообразование в речи, выявляемое через понятия «факторы» и «принципы», и речевая системность конкретных текстов, выявляемая через понятие «модели», в данных *семантике* уже были предметом нашего внимания и демонстрировались на материале текстов жанра «плач» и жанра «молитва» (Припадчев, 2006, с. 117–121; 2007, с. 66–76; 2008, с. 58–67; 2008, с. 13–24; 2008, с. 3–15). В новой серии статей *системообразование в речи и речевая системность определенных текстов*, в частности, жанра «житие» рассматривается уже в другом аспекте, а именно: в данных **смыслов**.

Потребность в разграничении семантики и смысла возникла не сегодня. Ученые разных направлений в лингвистике при изучении текста и речи стали особенно настаивать на этом в конце XX века.

Необходимость разграничивать понятия «денотат» и «смысл» прослеживается по многим положениям Н.И. Жинкина: «Речевые знаки по требованию значений, вырабатываемых в процессе коммуникации, перестраиваются в эквивалентные для партнеров формы, в которых должно происходить быстрое узнавание и разборчивая реализация языковых единиц. Интеграция этих единиц образует предметный смысл денотата (выделено нами – А. П.) и тем самым возможность выразить его содержание в разных словах, в чем и состоит акт понимания» (Жинкин 1982, с. 68).

«Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам относится, например, роль денотатов, различие между *значением* и *смыслом* (выделено нами – А. П.)» (Жинкин 1982, с. 80).

Углубляя разграничение понятий «значение» и «смысл», Н.И. Жинкин не исключает наличия в тексте не только семантических моделей (идентификация денотатов), но и определенно говорит о присутствии в нем иных – смысловых моделей: «Денотаты (выделено нами – А. П.) интегрируются по ходу развития темы речи, и единство темы держится на идентификации денотатов. <...> Смысловые (выделено нами – А. П.) связи в отличие от грамматических не заданы заранее, их надо найти, открыть и интегрировать в модели. Тогда модель <...> будет смыслом отрезка речи. Иначе говоря, смыслом будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» (Жинкин 1982, с. 80–81).

Сосредоточиваясь на понятии «смысл», Н.И. Жинкин предлагает практические пути обнаружения смысла текста – наблюдать за смежными предложениями, постепенно расширяя радиус смежности до кристаллизации смысловых отношений структур: «Текстовый смысл (выделено нами – А. П.) – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» (Жинкин 1982, с. 84–85).

К прозрению и предсказанию когнитивной лингвистики (Попова, Стернин 2007) можно отнести высказывание Н.И. Жинкина о том, что смысл, формируясь до языка и речи, соотнесен на только с речемыслительной деятельностью, но и прежде всего с ментальностью в широком смысле этого слова: «Говоря о смысле (выделено нами – А. П.), мы попадаем в компетенцию интеллекта. <...> Интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления – это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК)» (Жинкин 1982, с. 88).

Итак, по Н.И. Жинкину, смысл является интегралом значений. Смысл – это внутренняя форма языка, которую старался обнаружить В. фон Гумбольдт (Жинкин 1982, с. 89, 96).

Непосредственно на понятии «смысл», без акцентирования понятия «значение», сосредоточивает свое внимание и нейролингвистика, осмысляя этот термин в приложении к тексту. А.Р. Лурия отмечает, что смысл текста – величина большая, нежели смысл отдельных предложений и их последовательности: «Было бы неправильно думать, что *смысл* (выделено нами – А. П.) воспринимаемого текста исчерпывается смыслами отдельных предложений. Процесс понимания смысла целого текста несравненно сложнее. <...> Анализ понимания смысла целого текста так же не может сводиться к анализу последовательности предложений, <...> как и понимание предложений не сводится к пониманию просто следующих друг за другом отдельных слов» (Лурия 1975, с. 173).

Уводя исследователей от искушения разбить смысл текста на кусочки смыслов, Р.А. Лурия предлагает понятие «модель» в приложении к смыслу: «Быть может, лучше всего <...> сложность *смысловой* (выделено нами – А. П.) структуры текста проявляется в басне (притче), процесс понимания которой может быть оценен как модель любого сложного процесса понимания текста» (Лурия 1975, с. 174).

Для того, чтобы в поисках смысла текста переход от смысла отдельного элемента произведения к смыслу текста как целого был органичным, Р.А. Лурия советует предусмотреть «скрытые смыслы» в любом тексте, а не только в художественном: «Подлинное понимание *смысла* (выделено нами – А. П.) текста предполагает сначала интерпретацию скрытого смысла отдельного фрагмента, а затем – и общего смысла всего текста в целом» (Лурия 1975, с. 175).

Обращая внимание на сложность процесса интерпретации смысла текста, Р.А. Лурия рекомендует учитывать многослойность смыслов текста, его «внешнее содержание» и «внутренний смысл»: процесс понимания текста «выходит далеко за пределы декодирования отдельных грамматических структур, включенных в текст; он требует абстракции от частного значения, выраженного отдельными элементами текста, и от сообщения, которое является его «внешним содержанием»; наиболее существенным звеном понимания текста становится его внутренний *смысловой* (выделено нами – А. П.) анализ» (Лурия 1975, с. 176).

Во избежание претензий на единственную возможную интерпретацию смысла текста Р.А. Лурия допускает разные версии его смысловой структуры, предлагая понятие «глубина прочтения текста»: «Нет сомнения в том, что глубина прочтения текста может быть различной и что она варьируется от одного субъекта к другому, вероятно, в значительно большей степени, чем анализ «внешнего», грамматически оформленного значения предложений» (Лурия 1975, с. 176).

Констатируя состояние дел в психологии и лингвистике в области изучения смысла, Р.А. Лурия пишет: «Мы не можем сказать больше о сложном психологическом процессе декодирования общего *смысла* (выделено нами – А. П.) текста. Эта проблема <...> еще очень мало изучена психологами. <...> Лишь в самое последнее время она стала тщательно изучаться некоторыми <...> лингвистами; однако здесь делаются только первые шаги» (Лурия 1975, с. 177).

И далее: «В отличие от <...> изучения понимания отдельных предложений, понимание целых *смысловых* (выделено нами – А. П.) отрывков, их общей мысли и их внутреннего смысла, почти совсем не располагает сколько-нибудь достаточной литературой» (Лурия 1975, с. 181).

Обращаясь к тексту, авторы «Основ теории речевой деятельности» не используют понятий «семантика» и «смысл», но прибегают к терминам «универсалия речи», «психолингвистическая модель»: «При попытке психолингвистических объяснений речевых явлений необходимо, по-видимому, учитывать три аспекта: сам лингвистический факт, который может быть обнаружен на основе анализа текстов одного языка, его проверку на универсальность и его психологическую интерпретацию» (Основы 1974, с. 139).

«Однако несмотря на некоторые успехи, достигнутые в психологической интерпретации извлеченных из текстов фактов, особенно фактов речи, большинство универсалий до сих пор не нашло психолингвистического объяснения» (Основы 1974, с. 142).

И далее: «Рассматривая текст как материал для психолингвистических исследований, необходимо иметь в виду, что один и тот же текст <...> может интерпретироваться по-разному. <...> Вряд ли можно утверждать априорно, что в основе порождения данного типа высказывания лежит та или иная психолингвистическая модель. <...> В то же время нельзя недооценивать возможностей, которые предоставляет текст для психолингвистических исследований» (Основы 1974, с. 144).

Так долго кристаллизовавшееся различие понятий «семантика текста» и «смысл текста» в увлеченности моделированием процесса понимания текста стало снова уходить на второй план. По существу текст снова исключен из проблематики «язык – речь». А если это так, то потеряны и предметы лингвистики – язык, речь.

Но нет текста вообще. Есть конкретный текст с временными, ареальными, жанровыми и авторскими параметрами. Текст – это единство языка и речи. Основной механизм перехода языка в речь – нейтрализация языкового различительного означивания денотатов и смыслов денотатов сходным речевым. В каждом тексте этот процесс словесно проявляется по-разному. Поэтому и язык, и речь в тексте – величины искомые. Главное для текста – речь. Основное ее доказательство – системность.

Не бывает системности на пустом месте. Речевая системность текста выявляется или в данных семантики (пространство, время, оценка и др.), о чем мы говорили в других работах, или в данных смыслов (универсальный – энциклопедический; национальный – контекстуальный и ситуативный; уникальный – прагматический, образный).

Если данные о речевой системности текста претендуют на статус научных, они должны предъявляться, как писал Ф. де Соссюр (Соссюр 1977, с. 133), через понятия «факторы» и «принципы». Используемые нами и ранее, при обсуждении речевой системности текста в данных семантики, эти понятия применимы и при описании речевой системности текста в данных смыслов, что подтверждает их сущностность и универсальность.

.по трыхъ оубо дныхъ оуведевъши мти его яко съ страньными отъиде. и аbie погъна въ следъ его тъкъмо единого сна своего поимъши иже бе мъни блженааго феодосия. таче же яко гънаста поуть мъногъ. ти тако пристигъша яста и. и от яости же и гнева мти его имъши и за власы и повръже и на земли. и своимъ ногама пъхашети и. и страньныя же много коривъши възврати ся въ домъ свои. яко некоего зълодея ведоуши съвязана. тольми же гневъмъ одръжима яко и въ домъ еи пришъдъши бити и. дондеже изнеможе. и по сихъ же възведъши и въ храмъ и тоу привяза и и затворъши и тако отъиде (Успенский сборник XII–XIII вв. – М.: Наука, 1971. – С. 76).

Типология смыслов текста

Энциклопедический смысл (тема всего произведения): утверждение христианства в Древней Руси (блженааго – блаженный: любящий заповеди бога и исполняющий их, кроткий, жаждущий правды, милостивый, чистый сердцем, миротворец; *съ страньными* – странники: паломники в святые места, монастыри, богомольцы; *страньныя*).

Контекстуальный смысл: (микротема отрывка): протест матери против некоторых проявлений христианской религиозности – странничества, а отсюда нищелюбия, смирения, самоистязания, оставления родителей (*погъна – поимъши – отъ яости – отъ гнева – имъши за власы – повръже – ногама пъхашети – яко зълодея – ведоуши съвязана – гневъмъ одръжима – бити и – привяза*).

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации): возвращение сына домой. В эпизоде участвуют Феодосий (*бе мъни феодосия – Р. п.*), его мать (*оуведевъши мти – И. п.*), ее младший сын (*поимъши сна – В. п.*) и совокупный действователь – странники (*отъиде съ страньными – Т. п.; коривъши страньныя – В. п.*).

Прагматический смысл (цель письменного речевого высказывания): нейтральный. Автор явно не оценивает ситуацию и ее участников. Ярость (*отъ яости*) и гнев (*отъ гнева*) матери праведен, так как ее сын Феодосий без разрешения ушел из дома. Но праведен и путь Феодосия, ведущий его в сонм святых. Конфликт разрешается пострижением в монахини и матери.

Образные смыслы: тоже нейтральные. Автор определенно не индивидуализирует «персонажей»-действователей. Так, жизнь Феодосия подана по схеме жития: детство в учении, тяга к религии, уход в монастырь, смерть, чудеса на могиле, приобщение к святым. Поэтому ярких тропов, кроме сравнения, продолжающего вслед за формами «отъ ярости», «отъ гнева» показывать справедливое возмущение матери уходом сына из дома (*яко зълодея*), и структур экспрессивного синтаксиса в тексте неходим.

Итак, речевые функции текстообразующих средств жанра жития в данных смыслах текста: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанра жития в данных смыслах текста: 1) серия прилагательных и существительных с сакральной семантикой (*блженааго – съ страньными – страньныя*); 2) серия глаголов со значением насильственного действия и существительных отрицательного чувства (*пovръже – бити – ярости*); 3) серия существительных с семантикой единичного или совокупного субъекта в косвенных падежах (*феодосия – Р. п. – сна – В. п. – страньными – Т. п.*); 4) отдельные существительные со значением единичного лица в И. п. (*мти*).

Больший текстообразующий потенциал обнаруживают формы косвенных падежей (причем наиболее древних – Р. п. и В. п.), предъявляющих лицо неактивное, недействующее, пребывающее в пространстве.

Меньшие текстообразующие возможности проявляет форма именительного падежа (менее древняя), представляющего лицо активное, действующее во времени. Следовательно, пространство в житии обнаруживает больший текстообразующий потенциал в сравнении с временем.

Факторы речевой системности текста

Фактор центрации речевого смыслового пространства

(одновременность, параллельность, совмещенность смыслов денотатов)

Данный фактор проявляется в том, что множество смыслов текста объединяются смысловым «фокусом» (доминантным смыслом). В житии доминантный смысл – «вера – блженааго».

Фактор формирования смыслового «разреза»

(смысловой вертикали, смысловой модели)

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном развертывании текста (сверху вниз) смысловой «фокус» (доминантный смысл) многократно соотнесен с одним и тем же денотатом.

В житии доминантный смысл «вера – *блженааго*» и его конкретизаторы – смыслы «поступок во имя веры – *отъиде*», «наказание за веру как искупительная жертва – *привяза*» соотнесены с денотатом «*феодосии*».

Обнаружением вертикального развертывания текста в плане смыслового пространства является смысловая модель «вера» – «поступок» – «наказание».

Компоненты этой смысловой модели организованы отношениями «общее – частное». Поэтому мы имеем дело с логоцентрической смысловой моделью.

Фактор невекторности речевого времени

Данный фактор проявляется в том, что смыслы денотата не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Невекторность обнаруживается в распределенности смыслов по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности «сначала» – «затем» – «потом» или модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих»: «сначала» – вера, «затем» – поступок, «потом» – наказание; «во-первых» – вера, «во-вторых» – поступок, «в-третьих» – наказание.

Фактор тема-рематической модификации синтагмы

Данный фактор проявляется в том, что смысловой «разрез» (смысловая вертикаль, смысловая модель) по положению денотата может соотноситься с темой синтагм (слова до предикатной синтаксемы) или с ремой синтагм (слова после предиката, включая и его).

Тема синтагм темпоральна и абстрактна (*по трыхъ днъхъ – отъиде; и – погъна, и – повръже, и – привяза* = «сначала» – побежала, «затем» – повалила, «потом» – привязала). Рема синтагм локальна и конкретна (*безъ мъни – феодосия*).

По положению денотата «*феодосии*» смысловая модель «вера» – «поступок» – «наказание» соотносится с ремой синтагм. Поэтому она отличается конкретными смыслами: «вера – *блженааго*» – «поступок – *отъиде*» – «наказание – *привяза*».

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе первых четырех факторов в словесных рядах текста обнаруживаются речевые серии полнозначных слов со сходным означиванием смыслов денотата «*феодосии*»: «вера» – энциклопедический смысл, серия: *блженааго – съ страньными – страныя*; «поступок» – контекстуальный смысл, «наказание» – контекстуальный смысл, серия: *повръже – бити – яости*.

Принципы речевой системности текста

Принцип нейтрализации локальных значений слов темпоральными смыслами

Например, конкретность пространственного значения лица слова «феодосии» нейтрализуется абстрактностью темпорально организованных смыслов: «сначала» – вера, «затем» – поступок, «потом» – наказание. Аналогом наречий «сначала» – «затем» – «потом» выступают темпоративы «по трыхъ днъхъ» и союзы «и – и – и» в теме синтагм.

В связи с этим на основе конкретности локальных значений (*феодосии*) и абстрактности темпоральных смыслов (*по трыхъ днъхъ; и – и – и*) между разными сериями полнозначных слов и релятивов выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии.

Принцип нейтрализации разных смыслов единственным содержательным «мотивом»

Например, под влиянием текста смысловая нетождественность слов «съ страньными» (паломники) и «блжсенааго» (милостивый) из-за их отнесенности к разным денотатам нейтрализуется на речевом уровне функцией выражения ими смысла «вера» (энциклопедический смысл).

Смысловая нетождественность слов «отъиде» (неожиданное действие) и «поворъже» (яростное действие) нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими функции выражения смысла «поступок» (Феодосия и матери) (контекстуальный смысл).

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии.

Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами)

Например, серия «отъ ярости» – «поворъже» – «бити» с контекстуальным смыслом «наказание» появилась благодаря нейтрализации языковых значений слов (имя – предметность, глагол – действие) речевым релятивным значением (смыслом) активности – денотат не лишен жизненных циклов; антоним – инактивность: денотат лишен жизненных циклов.

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения нейтрализации.

Принцип нейтрализации языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями)

Языковые значимости (совокупность различающих признаков) отделяют одно слово от другого. Речевые значимости (совокупность отождествляющих признаков) уподобляют одно слово другому.

Например, языковые значимости слов серии «съ страньными» – «блжсенааго» – «страныя» различны: категориальные значения –

предметность, признаковость; грамматические признаки – Т. п., Р. п., В. п., мн. ч., ед. ч.; синтаксические функции – дополнения, определение.

Языковые значимости слов нейтрализуются в тексте речевой значимостью, то есть смыслом активности и выполнением словами серии одной и той же речевой функции – функции обозначения смысла «вера» (энциклопедический смысл).

В связи с возможностью слова входить в разные серии (полифункциональность) между сериями полнозначных слов обнаружаются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения.

Итак, факторами системообразования в речи как в данных семантике, так и в данных смыслов являются:

а) центрация и семантического, и смыслового речевого пространства; различие тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: доминантным значением в тексте выступает семантика лица, а доминантным смыслом – смысл веры; на уровне значения текст может быть полицентричным, а на уровне смысла – всегда моноцентричным в конкретной интерпретации;

б) формирование как семантического, так и смыслового «разреза»: семантический «разрез» в тексте антропоцентрический, а смысловой «разрез» – логоцентрический; на уровне значения текст может быть полимодельным, а на уровне смысла – всегда мономодельным в конкретной интерпретации;

в) невекторность речевого времени и в данных семантике, и в данных смыслов: семантика лица распределяется в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что говорит о его невекторности; смысл веры тоже распределен в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что также говорит о его невекторности;

г) тематическая модификация синтагмы как на уровне семантике, так и на уровне смысла: антропоцентрическая семантическая модель в тексте приурочена к рематической зоне синтагм и характеризуется конкретностью, логоцентрическая смысловая модель в тексте по положению денотата лица тоже соотносится с ремой синтагм и также отличается конкретностью;

д) сходное означивание и на уровне семантике, и на уровне смыслов: в данных семантике выявляется серия релятивов – указательных местоимений со значением замещенного лица, а в данных смыслов – серии полнозначных слов прежде всего энциклопедического и контекстуального смыслов; серия слов ситуативного смысла важна больше для семантике, а серии слов прагматического и образного смыслов еще формируются.

Принципами системообразования в речи как в данных семантике, так и в данных смыслов являются:

а) нейтрализация локальных значений слов темпоральными; различие и тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: на уровне семантики нейтрализуются локальные значения релятивов темпоральными значениями и устанавливаются системные отношения функциональной иерархии между разными сериями релятивов; на уровне смысла нейтрализуются локальные значения полнозначных слов темпоральными смыслами и устанавливаются речевые системные отношения функциональной иерархии между разными сериями полнозначных слов и релятивов;

б) нейтрализация разных смыслов единым содержательным «мотивом»: в первом случае нейтрализуются смыслы релятивов и полнозначных слов и между ними устанавливаются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии; во втором случае нейтрализуются смыслы полнозначных слов и устанавливаются системные отношения функционально-речевой синонимии между элементами одной серии полнозначных слов;

в) нейтрализация языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами): в первом случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнозначных слов, индуцирующих релятивы, во втором случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнозначных слов, не индуцирующих релятивы;

г) нейтрализация языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями): на уровне семантики речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения устанавливаются между сериями релятивов и полнозначных слов, на уровне смысла – между сериями полнозначных слов.

Речевая системность именно текста «Житие Феодосия Печерского» в данных семантики выявляется через семантико-структурный «разрез» (модель) – антропоцентрический (*феодосия – его – и*), а в данных смысла – через смысловой «разрез» (модель) – логоцентрический (*«вера» – бложенааго – «поступок во имя веры» – отъиде – «наказание как искупительная жертва» – привяза*).

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 236 С.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 315 С..

Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева / Основы. – М.: Наука, 1974. -412 С.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 117–121.

Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007. – С. 66–76.

Припадчев А.А. Семиотический аспект речи / А.А. Припадчев // Текст – дискурс – картина мира. Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 58–67.

Припадчев А.А. Речевая картина мира / А.А. Припадчев // Культура общения и ее формирование. Вып. 20. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 13–24.

Припадчев А.А. Модели речи / А.А. Припадчев // Коммуникативные исследования. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 3–15.

Соссюр Ф. Труды по языкоznанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. - 498 с.

Национальное коммуникативное поведение

С.В.Богачев

Особенности делового общения с китайскими партнёрами

Деловое общение и бизнес-переписка с китайской стороной представляет определенные трудности. В силу особенностей культуры и менталитета мышление и логика китайцев далеко не всегда понятны российским бизнесменам, что затрудняет общение с китайскими партнёрами российского предпринимателя. Это приводит к недопониманию между сторонами, порождает различного рода проблемы, нередко вызывает взаимное раздражение и даже может служить причиной разрыва отношений.

Перечислим некоторые особенности ведения бизнес-переписки с китайскими деловыми партнёрами, выявленные нами на базе собственного опыта и в результате осмыслиения опыта других деловых людей, имеющих опыт делового общения с китайцами.

Среди бизнесменов, имевших деловые отношения с китайскими компаниями, сложилось мнение, что китайцы крайне редко заглядывают в свой электронный почтовый ящик. Иногда приходится звонить им и просить проверить почту, так как три дня назад вы отправили им письмо. Есть и такие китайские сотрудники, которые вообще не умеют пользоваться электронной почтой и поэтому предпочитают отправлять письма по факсу.

Следует отметить, что эта особенность давно уже потеряла свою значимость и применительно к настоящему времени данное мнение является ошибочным. Такие ситуации были типичными в торговле с китайцами в конце 90-х - начале 2000 года. За эти более чем 10 лет китайцы в деловых отношениях очень сильно выросли. Практически все современные китайские менеджеры проводят рабочий день, не отходя от экранов своих мониторов, проверяя почту каждые 5 минут. Скорее они вам напишут в день по 2-3 письма, да еще позвонят, чтобы вы наконец-то ответили на их письмо. А о том, что в китайских компаниях некоторые

сотрудники не могут пользоваться электронной почтой, сейчас можно просто забыть, так как они быстро прогрессируют в умении «общаться» с техникой.

Также бытует следующее мнение: получив письмо из России, не все китайцы спешат отвечать на него. Могут прислать ответ только через неделю-две. Бывает, что и не ответят вовсе. Если ответа нет, попробуйте прислать то же самое письмо, но, например, с английского почтового ящика и подписанное английским именем. В большинстве случаев ответ придет незамедлительно, так как китайцы считают сотрудничество с европейцами более выгодным, чем с россиянами.

Это мнение тоже уже давно не соответствует истине. Одним из аргументов является приведённое выше описание того, как работают современные китайские менеджеры. В последнее время можно заметить абсолютно противоположные вещи. Удивляет скорость, с которой китайцы отвечают на деловые письма. На запрос любой сложности можно получить ответ практически в тот же день, в отличие от российской компаний, которые в настоящее время стали работать так медленно, как китайцы работали в 90-е годы. Что же касается мнения о том, что китайцы сотрудничают с европейцами больше, нежели с российскими предпринимателями, то в данное время китайская сторона не оказывает предпочтения представителям европейских государств, в равной мере сотрудничая и с российскими предпринимателями, поскольку им важны рынки всего мира.

Вместе с тем можно отметить и определённые сложности в общении с китайскими партнёрами в настоящее время. Нередки случаи, когда некоторые китайские менеджеры по продажам высыпают российским партнёрам коммерческое предложение, которое, по их мнению, содержит всю необходимую для потенциального покупателя информацию, хотя это не всегда соответствует истинному положению вещей. Если вы просите разъяснить непонятные для вас важные детали, то можете получить в ответ: «Вся дополнительная информация – только после заключения договора». После такого остается только решить, готовы ли вы купить «кота в мешке». И даже уже после детальных разъяснений по вашей просьбе можно получить то неисправный товар, то товар с недостающими деталями и даже получить «холодильник вместо автомобиля». Но в последнее время, к счастью, такие случаи происходят все реже и реже.

Удивляет и такая характерная для современного китайского бизнесмена черта: часто китайские фирмы не высыпают прайс-листы на всю предлагаемую продукцию, а рассчитывают для клиента стоимость только того товара, про который он спрашивает. Если вы отправили китайцам письмо, в котором попросили их выслать вам прайс-лист на всю их продукцию, то в ответ можете получить: «А что конкретно вам надо?» или «А какая продукция вас интересует?». В таком случае, чтобы добиться от

китайцев информации о цене, вам придется выслать им подробное описание товара (все технические данные, характеристики, размеры и т.д.).

Мы проводили интересный эксперимент: отправляли одну и ту же заявку с разных почтовых ящиков в одну китайскую компанию, в заявках изменяли только наименования компаний и страну нахождения. В ответах на разные письма цены различались. Из этого опыта стало ясно, что для компаний из Европы китайцы запрашивают высокую цену, а для компаний из России, а также стран СНГ цена была ниже. Данное явление свидетельствует, что цены у китайских производителей нефиксированные.

Следовательно, с этим можно и даже нужно «играть», надо уметь с ними торговаться, всегда и обязательно просить скидку на их продукцию, постоянно быть недовольными их ценовой политикой и даже намека не давать на то, что вы процветающая компания и обладаете достойными финансами. У нас был такой случай – как-то мы получили ответ от китайской стороны с хорошей низкой ценой на интересующую нас продукцию. Из-за сильной занятости мы не смогли сразу ответить на данное письмо, указав, что «цена нас устраивает», «мы сейчас решаем проблему транспортировки» и т.д. И за последующие два дня нам пришло от них еще два письма, и в каждом письме цена была все меньше и меньше. Поэтому нам даже не пришлось с ними торговаться, они сами спустили для нас цену. Позже мы назвали эту практику «торг без слов».

Также следует учитывать, что на веб-сайтах китайских компаний практически невозможно найти цены на их продукцию. В отличие от веб-сайтов европейских или американских компаний, где практически всегда есть детальная информация по ценам, и которую они, кстати, не забывают постоянно обновлять. Это достойно уважения и говорит о том, что европейские и американские производители уверены в качестве своей продукции, знают реальную цену на свою продукцию, а, как известно, продукцию высокого качества купят и без рекламы.

Выявляется ещё одна негативная особенность китайских предпринимателей. Иногда бывает так, что после заключения сделки или договора, китайская сторона вдруг обнаруживает, что они допустили ошибку в расчетах цены на транспортные услуги, упаковку или вообще в количестве товара, вследствие чего цена на продукцию у них всегда становится выше. Никогда не следует соглашаться с этим и идти на уступки. Такие действия надо пресекать на первых же этапах и предупредить их сразу, что за свою ошибку расплачиваться будут они сами и в случае повторения вы поменяете поставщика. Иначе это станет системой вымогательства дополнительных средств. Таковы особенности общения с китайскими партнёрами.

Следует сказать и о негативных чертах российских предпринимателей и их коллег из стран бывшего Советского Союза в отношениях с китайской стороной. Российские заказчики, а также заказчики из стран СНГ, работающие с китайцами, очень любят по многу раз все менять и вносить

многочисленные корректировки в свои заказы. В нашей деятельности у нас было много случаев, когда уже перед самой отправкой груза российская сторона просила внести изменения и увеличить заказ. Или даже просили, чтобы товар был готов в кратчайшие сроки и груз должен быть отправлен сиюминутно. Это проявление одной из типичных черт русского менталитета - откладывать все на последний момент. Разумеется, китайской стороне такое положение дел не может нравиться, но они вынуждены терпеть его в целях сохранения торговых отношений.

Следовательно, учёт особенностей национального менталитета в деловом общении является важным фактором его успешности и результативности.

Ю.Г.Морозова

Sisu как основополагающая черта финского национального характера

*Суоми – это страна пяти «с»:
сису, сауна, Сибелиус, салмяки.*

Одной из самых важных черт национального менталитета финны считают «сису». Этому финскому слову трудно найти аналог в других языках. Толковый словарь дает такое определение этому понятию: «Мужество, бесстрашие, настойчивость, решимость, характер» (Timo Nurmi 2004, с. 918). Однако эти определения не отражают полностью значения слова *сису*. Можно сказать, что *сису* - это умение достичь цели невероятными усилиями, но при этом сохранять хладнокровие, совершать разумные действия, упорно добиваться «невозможного». В. Сергиевский так охарактеризовал *сису*: «Речь не идет об упорстве, при котором человек готов лбом прошибить стену. Сису – это когда, разрушая стену, человек не забывает о сохранности лба» (Сергиевский 2003).

Жители Страны тысячи озер издревле были вынуждены бороться за свое существование. Они жили в краю с суровым климатом, непроходимыми лесами, каменистыми почвами, болотами - и на этой земле умудрялись развивать земледелие, скотоводство, самобытную культуру. Для этого требовались огромная физическая сила, настойчивость, упорство, изобретательность, смекалка, словом – *сису*.

Р. Шатц писал: «Сису – это сила, позволяющая человеку превышать границы человеческих возможностей ... Спросите столетнего финна, как он это смог? - и он ответит: «С помощью сису». Спросите, как Финляндии удалось устоять во время Второй Мировой войны, и ответ будет: сису. Спросите финна, что его заставляет пробежать на лыжах в воскресенье в тридцатиградусный мороз 50 км – ответ очевиден: сису» (Schatz 2006, с. 29).

Сису финнов проявилось в период Зимней войны (война с СССР 1939 года). Красная армия превосходила финскую по численности и в вооружении, но финны стояли насмерть. «Советам» они противопоставили умелую тактику, неожиданный маневр, изобретательность (оборонительная линия Маннергейма, снайперы-«кукушки», «коктейль Молотова»). Например, в сражении при Суомисалми три полка финских лыжников (11000 человек) уничтожили две советские механизированные дивизии (45000 человек).

После Второй Мировой войны финны не только смогли восстановить разрушенную страну, но и выплатить СССР огромную контрибуцию. В этом им во многом помогло сису.

Независимое государство Финляндия – молодое, ему всего 92 года. За это время было пережито немало (гражданская война 1918 г., Зимняя война 1939 г., Вторая мировая война 1941 – 1945 гг.). Не обошли Финляндию и депрессии, кризис. Во многом благодаря сису финны не только справились с испытаниями, но и заняли шестое место в мире по уровню жизни. Сейчас это наиболее благополучное государство с социальными гарантиями, хорошей экологической обстановкой, низким уровнем преступности.

Финны демонстрируют сису и в мирной жизни, например, в спорте. Виды спорта, в которых они преуспевают, в основном связаны с экстремом: Формула-1 (М. Хаккинен), биатлон (П. Пуурунен), бег на длинные дистанции (П. Нурми), прыжки с трамплина (М. Нюканен) и др. Именно в таких видах спорта можно проявить необычайную выносливость, упорство, смелость, то есть сису.

Слово «сису» очень популярно в Финляндии. Оно считается одним из символов Суоми. В честь него названа автомобильная строительная компания, выпускающая тяжелые грузовые автомобили, известные своей проходимостью. «Sisu» – это леденцы от кашля (салмяки), требуется мужество и выносливость, чтобы «пережить» этот вкус.

Однако сису имеет и свои отрицательные черты. Так, не привыкшие проигрывать финны при неудачах попадают в психологический тупик, уходят в депрессию и даже кончают жизнь самоубийством.

Сису является гордостью финского национального характера. Это способность быть стойким, хладнокровным в чрезвычайной ситуации, добиваться своей цели – дело должно быть доведено до конца. Во многом благодаря этому качеству Финляндия смогла стать такой, какую мы видим сейчас.

Salo-Lee, Liisa ум.: Me ja muut. Kulttuurienvälinen viestintä. Jyväskylä: YLE-opetuspalvelut, 1996.

Schatz R. Suomesta rakkaudella. From Finland with love. Helsinki: Johnny Kniga, 2006.

Sisu, sauna and Sibelius – the three s's as lacunae of Finnish culture. – Igor Panasiuk & Hartmut Schröder (toim.), Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. Berlin: LIT Verlag s.185–200.

Timo Nurmi. Nykysuomen keskeinen sanasto. Jyväskylä: GUMMERUS KUSTANNUS OY, 2004.

Сергиевский, В. Сису – это значит... <http://www.kauppatie.com/12-2003/12-12.htm> .

И.А.Стернин

Заметки о сербском общении

Приведем отдельные наблюдения над общением сербов, сделанные нами во время пребывания в Белграде в сентябре 2008 г.

Сербов удивляет, что в России надо часто говорить тосты. Сербы в городах сейчас мало говорят тосты, хотя в деревнях это еще встречается.

Сквернословие распространилось в Сербии и у детей, некоторые взрослые поощряют его в семье — как признак взрослости.

Сербы уберут бутылку, принесенную гостем - не будут ставить ее на стол. Считается, что хозяин все должен приготовить к приему гостей, и ничего больше не надо, все, что приносят — это для стола лишнее. Если гость принес коньяк, серб может его поставить в шкаф. Если попросить коньяк, возможен ответ: - Коньяка нет. Кроме вашего.

Сербы неправильно понимают русскую вежливую формулу речевого этикета «простите, не скажу» - они полагают, что это демонстрация нежелания ответить, отказ от контакта.

Черногорцы при знакомстве спрашивают — кто вы, откуда, из какого племени?

Улицы часто названы по имени, а не по фамилии человека — например, улица Вука. Хотя в начале 19-го века, когда жил просветитель Вук Караджич, еще не было фамилий, он был Вук Стефанович — по отцу.

Памятник - «Вуку от сербского народа».

Русские при Петре Первом привезли в Сербию учебники русского языка, и сербы несколько поколений учились по русским учебникам.

Пушкина долгое время не переводили на сербский — так понимали.

Черногорец о русском языке: - Русский язык такой женский, он очень мягкий.

Особенности сербского невербального поведения

Объем жестикуляции у сербов и русских не различается — ни в целом, ни в отдельных возрастных и территориальных общностях.

Жест выпьем - изображается «чайничек» растопыренными мизинцем и большим пальцем, который подносится ко рту.

Позвонить по телефону — имитация набора диска, но уже появился западный жест « трубка» (растопыренные мизинец и большой палец подносятся к уху).

Большой палец вверх — остановка машины («я один»). Значения *отлично* не имеет, только у русистов этот жест так понимается..

Большой палец вниз как обозначение *плохо* нет.

Отрицание — кивок вверх, западных болгар, южных сербов, македонцев. *Не в своем уме* — проворачивается около виска указательный палец правой руки, описывая маленькую окружность.

Немного — как в русском общении: двумя пальцами - большим и указательным показывается небольшое расстояние

Потише: большой и указательный палец обращены к собеседнику и слегка сводятся и разводятся

Детская дразнилка — две ладони к носу, а также постукивание кулаком правой руки сверху по кулаку левой руки

Оскорбительный жест «средний палец» - заимствовали, его стали показывать и женщины.

Давай посмейся — показывают мизинец.

Они хорошие друзья — сцепляются указательные пальцы обеих рук.

Они помогают друг другу — вытянутые вперед указательные пальцы обеих рук трутся боком друг об друга

Я очень доволен — имитация поглаживания бороды, сопровождаемая словами «я очень доволен».

Выбрасывание вперед и вверх большого, указательного и среднего пальцев - патриотический жест «мы православные сербы». Возник в начале 90-ых гг. в политической практике одной из радикально-националистических партий, но стал общесербским. Символизирует святую троицу.

Поглаживание сверху по голове - допустимо только для священников и родителей. Обозначает превосходство. Сербского профессора его маленькая дочь погладила по голове - дети вокруг замерли от страха.

Стыдно — опускание головы и закрывание лица козырьком.

Демонстрация цифр:

- 1 - большой палец
- 2 - указательный и средний
- 3, 4 - как у русских
- 5 - ладонь, все равно тыльной стороной кисти или ладонью вперед
- 6 - добавляется большой палец и т.д.

Можно показать 15, дублируя движение вперед открытой ладони правой руки, но это чрезвычайно редко, мало распространено.

О некоторых особенностях сербского языка

Сербские кошки на *кис-кис* не реагируют, а на *мац-мац* — реагируют. Брысь — *шиц!*

Ксс-ксс — обращение к девушке нагловатых парней.

Кафана — ранее — мужской междусобойчик на всю ночь, потом — традиционное национальное кафе.

Инат (ударение на первый слог) сербский дух стойкости и противоречия, много производных слов от этого корня. От «назло»: делать *инат* — делать *назло*. Чаще отрицательная коннотация, но иногда это *стойкость*.

В Сербии одно время были радиопередачи о сербском языке. Потом прекратились, но выходят книги по их результатам.

А.К. Сычев

Из наблюдений над коммуникативным поведением и характером американцев

В пятницу тринадцатого июня поезд, начавший свой путь со станции «Воронеж-1», повез меня сквозь беспокойную ночь в столицу. Шестнадцатого июня две тысячи восьмого года самый большой в мире пассажирский лайнер, Боинг-747, напряг свои четыре мощных двигателя и перенес меня через Атлантику. Погода в тот день была весьма пасмурная, и это добавляло неясного волнения, когда я садился в самолет. Я чувствовал, как отрываюсь от родной земли, и некоторое время с легкой грустью смотрел на беспокойную пелену тумана, окутывавшую наш самолет по мере того, как он набирал высоту. Стоит заметить, что до этого я летал

лишь в своих лучших снах, и поэтому мои ощущения были особенно живыми.

Однако когда мы поднялись выше, в вечные владения солнца, и я увидел бескрайние поля чистых и пушистых облаков, залитые белым светом, я почувствовал, что все будет хорошо. Через пятнадцать часов мой самолет приземлился в аэропорту Нью-Йорка. Нас сразу повезли в общежитие Колумбийского университета, где я коротал первую, душную и бессонную американскую ночь. Мучимый жаждой, я несколько раз просыпался и, не зная, где можно попить, прикладывался к бутылочке святой воды, заботливо положенной в мою сумку мамой.

На следующее утро нас повели в столовую, где впервые вкусили еду Нового Света. Выбора не было и пришлось есть жаренный бекон, доведенный до состояния антрацита и картофель неопределенной формы. В заключение всего, мой новый знакомый, не очень хорошо разбирающийся в тонкостях английского языка, предложил мне стаканчик вина из столовой. Я очень удивился, но сделал глоток. К счастью, я остановил едкую жидкость на уровне гортани. Это было не вино. "RED WINE VINEGAR"- прочитал я на емкости минутой спустя, осознав, что иногда незнание языка может оказаться на твоем здоровье.

После завтрака меня и некоторых других людей повезли в лагерь на озере, где мы должны были пройти курсы спасателя. Сразу же после нашего приезда всех представителей мужского пола заставили проплыть пятьсот метров - сдать первую часть экзамена. Я был далеко не первым, однако, в отличии от одного англичанина, корчившегося от судорог после заплыва, пришел к финишу без потерь. На протяжении четырех дней мы смотрели видеоматериалы, изучали различные способы спасения утопающих и делали резиновыми куклами искусственное дыхание. Наши учителя очень любили повторять одно и то же, вполне очевидное, по пять, а то и десять раз подряд с такой важностью, будто они профессора Гарвардского университета. Именно тогда я отметил высокую, несколько завышенную для русского глаза, самооценку американцев, уважающих себя и других. Поняв это, я перестал удивляться тому, что пешеходам всегда уступают дорогу, что в магазине с тобой здороваются и что прохожие готовы даже в письменном виде объяснить тебе дорогу.

Итак, я сдал экзамен и более легкий самолет понес меня в Сан-Франциско. Я очень устал и, отказавшись от наушников за два доллара, предложенных стюардессой для просмотра фильма про любовь, предался сну. В городе имени Святого Луиса наш самолет совершил посадку, где в течение семи часов мы прождали наш следующий самолет. Он должен был давным-давно вылететь из Майами, но там разыгралась сильная гроза, не давая ему взлететь. Со своими новыми знакомыми -худощавой и вдумчивой англичанками - я пошел в кафе отведать мексиканской кухни. Я заказал "buffalo wings", не подозревая, что за этим скрывались ужасно острые куски чего-то мясного. Я хотел заказать что-то другое, но десять

родительских долларов, выложенных за блюдо, не дали мне этого сделать. Наконец, объявили посадку и с облегчением мы зашли на борт.

В Сан-Франциско мы были встречены директором лагеря, который при свете луны отвез нас на место будущей работы. Проснувшись наутро, я принялся осматривать лагерь. Нас познакомили с работниками кухни - все оказались очень доброжелательными и открытыми. На следующий день начались всевозможные тренинги и собрания, где я и познакомился с американской натурой еще ближе.

Поначалу я чувствовал себя очень неловко и неуютно. Велосипедисты, которых я встречал, катаясь в парке, здоровались со мной, ставя меня в тупик. В лагере от меня требовали невозможного - смеяться, когда я не хотел, хлопать в ладоши по каждому пустяковому поводу и все время улыбаться. Также меня заставляли отчитываться перед директором каждый раз, когда я хотел поехать покататься на велосипеде. Некоторые англичане пытались запугать меня дикими зверями и лесными пожарами, чтобы я не ездил кататься в парк. Хотя, и в парке спасения не было: велосипедисты, которых я встречал, опять здоровались со мной, ставя меня в абсолютный тупик. Единственными людьми, которые меня понимали, были чехи и поляк. С ними я всегда мог поделиться своими ощущениями.

Больше всего мне не нравилось, что американцы были готовы смеяться над каждой глупой шуткой. Более того, они учили нас, как будущих вожатых, выдавливать из себя этот смех. Однажды в столовой мне подали графин с жидкостью цвета апельсинового сока. Я обрадовался, но, отхлебнув, испытал разочарование. Потом мне сказали, что это смесь воды, лимонада, сахара и лишь небольшого количества натурального сока. И я понял, что такое американский смех и американская улыбка.

Особенно примечательными были еженедельные собрания вожатых, возглавляемые директором лагеря. На них задавались стандартные, покрытые пылью рутины вопросы. «Как ваши дети? Есть какие-нибудь проблемы?» Потом все плавно переходило - по крайней мере, директору такой переход казался плавным - в своего рода викторину.

Директор задавал элементарные вопросы типа «Когда нужно вставать?» «Когда начинается завтрак?» «Когда заканчивается завтрак?» Все вожатые - и английские, и американские с армейской охотой давали глупые правильные ответы, сидя на диванчике перед столом, на котором восседал директор. За каждый правильный ответ полагался приз - мороженое или сувенир из магазина в лагере взмывал в воздух, а выигравший должен был поймать его со счастливым выражением лица. Мне сразу вспоминалась моя старая добрая собака - именно такая она и есть со своей готовностью поймать и проглотить кусок чего-нибудь повкуснее.

На ум приходили смутные картины из советских книг про военных, проявивших гордость за страну, не купившихся на «фашистское барахло». Я сидел и чувствовал негодование. «Я же не собака и не собираюсь ей становиться» - думал я. Еще я понимал, что являюсь жертвой какого-то

стереотипа, какого-то шаблона поведения, но ничего не мог с этим поделать. Стоит заметить, что у директора было много призов, но специально меньше, чем вожатых. Он хотел навязывать мне какую-то борьбу, которой я не хотел, сломать что-то внутри меня, но я не сломался.

В целом пребывание в лагере мне понравилось. Дети вели себя в основном хорошо, хотя заработать авторитет мне было достаточно сложно. Американским детям нравилось, когда их вожатый громче всех кричит на собрании или кривляется. Мне пришлось брать готовностью помочь, юмором и вниманием. Один раз мне пришлось нести на себе одного одиннадцатилетнего мальчика, когда он упал с велосипеда в лесу и не мог даже идти. Это помогло мне поднять свой авторитет и у директора лагеря.

Путешествие после лагеря также принесло мне много интересного. Бродя по растрескавшемуся голливудскому бульвару, я слышал русскую речь. Сев в автобус, чтобы доехать до общежития, я вновь услышал знакомые звуки. Это меня очень удивило. Кто-то в автобусе назвал себя москвичом, что развеселило меня. На следующий день таксист кавказского происхождения отвез меня в аэропорт.

Лас-Вегас показался мне праздным жарким городом. Толпы выпивших людей бесцельно бродят там по вечерам, разбавляя немного остывший воздух пустыни своим хмельным дыханием. Больше всего мне запомнилась поездка на Большой Каньон на автобусе с водителем-мексиканцем.

Далее я посетил Вашингтон и Нью-Йорк. Очень запомнились телефонные звонки с публичных телефонов, так как связь была исключительной и во многие компании можно было звонить бесплатно. Очень много народа выходит на пробежки в Вашингтоне, чего не скажешь о русских людях. Стоит отдать дань уважения американцам и за преемственность и, опять же, за уважение.

По всему Вашингтону молодые военные возят ветеранов в инвалидных колясках, общаются с ними, показывают им достопримечательности. Мне сразу стало ужасно стыдно за свою страну. У нас эти больные несчастные люди по большому счету никому не нужны. Они, победители, вынуждены собирать бутылки и, слив опивки, сдавать их, чтобы купить кусок хлеба.

Я сразу вспомнил Задорнова: «Американцы – тупые» Ну и в чем же их тупость? Только за любовь к старшему поколению их можно уважать. Можно их уважать и за уважение к друг другу, за велосипедные дорожки. Конечно же, у их культуры есть свои недостатки, но в целом страна сделана для людей.

Прилетев в Москву, я испытал очень интересные чувства. Я как бы посмотрел на русских людей со стороны. Первое, что я заметил, было то, что женщина на паспортном контроле не поздоровалась со мной. Затем бросились в глаза угрюмые лица и холодный воздух. Затем общественный транспорт. Всем почему-то хотелось опереться о мой чемодан, вторгаться в мое личное пространство. Запомнился еще и общественный туалет на

вокзале, водитель автобуса, заявивший, что ему все равно, что будет с моим багажом. Я чувствовал себя чужим. Три раза меня чуть не сбила машина. Словно раненый зверь, я хотел добраться до своей берлоги и отдохнуть.

Так, через три месяца и пять дней после моего отъезда я, втачив семьдесят пять килограммов багажа на десятый этаж (лифт как всегда не работал), наконец открыл дверь своей квартиры и решительно шагнул вперед. Путешествие завершилось.

Д.Р.Умерова

Из наблюдений над турецким коммуникативным поведением

История народов, некогда населявших территорию современной Турции, насчитывает около 10 000 лет. На этой благодатной земле, по праву названной «перекрестком цивилизаций», можно обнаружить следы таких народов как хетты и греки, персы и римляне, турки-сельджуки и монголы. Предками современных турок считаются представители тюркских племен огузской ветви.

Можно сказать, что турецкий менталитет формировался под влиянием культурных традиций как Востока, так и Запада. Турция — единственная светская страна из 53 мусульманских стран в мире. По словам турецкого писателя Халдуна Танера: «...Мы, турки, представляем собой узел, средоточие противоречий между восточным мистицизмом и западным рационализмом, часть одного и часть другого».

Население Турции несколько неоднородно. Жители крупных городов (Анкара, Стамбул, Измир) более европеизированы в отличие от населения регионов, ментальность которых регламентируется более традиционными религиозно-социальными установками и нормами поведения.

Независимо от места проживания (большой город или провинция) турки уделяют огромное внимание вежливости и этикету. Беседа всегда начинается с религиозных форм приветствия, вопросов о здоровье близких и добрых пожеланий. Истоки многих традиционных форм общения между людьми кроются в исламе. Турки отличаются обходительностью и честностью.

Русскому наблюдателю бросается в глаза подчеркнутая вежливость турок в общении между собой, особенно в провинциальных городах. Они очень предупредительны друг с другом в уличной толпе, магазинах, кинотеатрах: не толкаются, не лезут напролом. А если кто и будет задет нечаянно плечом или локтем — тут же происходит взаимный и вежливый обмен извинениями. Шоферы уступают дорогу друг другу и пешеходам даже тогда, когда могли бы спокойно продолжать свой путь. Все дорожные недоразумения разрешаются быстро, без крика и ругани, путем взаимных

уступок. Но в больших городах, с их толчей и бешеною суматохой, особенно в Стамбуле, эта традиция почти исчезла.

Так как туркам свойственна восточная созерцательность, темп общения например немцу или англичанину может показаться чрезвычайно низким. Турецкая пословица гласит: «Спешка – от черта», поэтому не стоит торопить собеседника или напоминать ему о пунктуальности, дабы вас не сочли невежливыми. Считается также неприличным направлять на собеседника открытую ладонь или палец, показывать подошву обуви, пользоваться носовым платком при всех. Согласие у турок означает кивок головой вниз, а жест отрицания это запрокидывание головы назад и цоканье языком.

Уважение к семье, особенно к родителям и старшим родственникам – одна из традиционных турецких ценностей, поэтому в Турции невозможно встретить дома или приюты для пожилых людей. Исчезновение в городах больших деревянных домов, современная квартирная система отражают и новую семейную структуру. В городах идет быстрая атомизация семей – разделение их, отказ от кланов и больших семейных групп. Но если даже молодые и не живут с родителями, они часто навещают друг друга. Даже отношения между соседями согреты взаимным вниманием, не говоря уже о моральных обязательствах родственников.

Авторитет мужчины, главы семьи, непререкаем. Мать и дети беспрекословно подчиняются главе семьи, младшие братья – старшему, а сестры – старшей сестре и всем братьям. В семье мужчины обычно солидарны против женщин, как и женщины против мужчин. Но отношения между матерью и сыновьями крепкие и теплые.

Мужья не говорят с посторонними о своих женах. Считается неприличным спрашивать о здоровье жены или передавать ей привет. В деревнях и маленьких городках супругов редко можно увидеть вместе. Считается неприличным, если мужчина на людях проявляет внимание или нежность к жене.

Жена, взрослые дочери, сестры находятся как бы под постоянной опекой родственников. Девушку до замужества опекает брат, замужнюю женщину – муж. Многие турки не позволяют своим женам отлучаться из дома в одиночку даже днем хотя бы на несколько минут. Часто женщины ходят по своим делам группами, компаниями – несколько родственниц, соседок или знакомых.

После кемалистской революции в судьбе турецкой женщины произошли огромные перемены. В своих правах она была приравнена к мужчине. Среди турчанок есть и депутаты парламента, и профессора университета, писательницы, журналистки, судьи, адвокаты и врачи; имеются среди них и певицы, балерины, драматические актрисы. Хотя еще совсем недавно, в конце XIX - начале XX в. турецкие женщины обо всем этой не могли и мечтать. Официально существовавшие гаремы, полигамия, затворничество женщин – все это уничтожено революцией в

законодательном порядке. Но прежние нравы живучи. Представление о том, что мужчины и женщины - это два обособленных мира, все еще крепко сидит в умах консервативно настроенных турок.

Нравственное поведение как мужчины, так и женщины регламентируется строгим кодексом приличий. Мужчина, не соблюдающий этих норм, пытающийся вне рамок этого кодекса установить какие бы то ни было связи с женщиной - от простого знакомства до дружбы, преследует, по мнению блюстителей исламской морали, лишь низменные цели. А женщина легко становится объектом сплетен и пересудов, если увидят, как она перекинулась, хотя бы несколькими словами с незнакомым мужчиной. Знакомство юноши с девушкой, если она ему понравилась и намерения его серьезны, происходит только через ее родственников. И его родители обычно выступают при этом посредниками. Если семья девушки не против этого знакомства, то юноше разрешают приходить в дом, ходить со своей подругой в кино, на прогулку. Они считаются как бы помолвленными. А если дело пойдет к свадьбе, то устраивают и официальную помолвку.

В турецких городах существует особая полиция - полиция нравов, стоящая на страже морали. Поэтому в Турции, никогда не увидишь целующуюся или обнявшуюся парочку - полиция нравов немедленно пресекает эти прегрешения. Шофер такси обычно не выключает свет в машине, если вечером к нему садится парочка. Ведь он не знает, кто его пассажиры - законные супруги, брат с сестрой или просто влюбленные. И лучше - блюсти нравственность. В турецкой праздничной толпе, особенно вечером, очень мало женщин и девушек - почти одни мужчины, юноши, подростки. А если и есть представительницы другого пола, то обычно - в сопровождении родственника.

В турецких кофейнях «алатурка» никогда не увидишь женщину. Здесь чисто мужские собрания. Лишь в кафе европейского типа, ресторанах среди посетителей есть женщины. Но если кто-нибудь посторонний, хотя бы с соседнего столика, вздумает пригласить на танец незнакомую турчанку, в лучшем случае он получит решительный отказ и встретит всеобщее осуждение; в худшем - нарвется на скандал. Впрочем, турку така мысль и не придет никогда в голову.

В ресторанах для посетителей с женами, сестрами или взрослыми дочерьми имеется отдельный зал, так называемый "семейный салон" - "айле салон". Слово "айле" значит не только "семья"; оно имеет и более узкое значение - "жена" или "женская половина семьи", куда входят дочери, другие родственницы и малолетние сыновья. В кинотеатрах провинциальных городков и сейчас имейся отдельные "семейные места", отгороженные от остальной части зрительного зала. Здесь располагаются женщины, девушки, дети. Мужчинам вход сюда воспрещен. В крупных городах - Стамбуле, Анкаре, Измире этого уже нет. Но все, же в летних

открытых кинотеатрах, где места не нумерованы, женщины всегда садятся обособленно от мужчин.

Когда в турецкий город приезжает популярный певец или певица, кроме обычных концертов "для всех" устраивают и "айле консери" - "семейный концерт", на который вход разрешен только прекрасному полу. Мужчинам на эти концерты билетов не продают. Единственные представители мужского пола на них - дети до 16 лет, пришедшие с матерями или сестрами.

Все эти пережитки мусульманских и патриархальных взглядов отрицательно сказываются на развитии многих общественно важных сфер деятельности. В Турции не хватает врачей. Еще более острый недостаток испытывает страна в среднем медицинском персонале: одна медсестра приходится на трех-четырех врачей. Родители, как правило, не одобряют выбор дочери, если она захочет стать медиком. Также предосудительно в их представлении работать медсестрой вместе с врачом-мужчиной: она должна работать в паре только с врачом-женщиной и обслуживать только женщин. Вот почему в турецких поликлиниках и больницах чаще встречаешь медицинских братьев, а не сестер.

Традиционалисты выдвигают разные доводы против того, чтобы женщины работали. "Женщина - это семья, - говорят одни, используя семантику слова "айле", - ее место только дома, с мужем и детьми". Другие высказывают опасения насчет сохранения ее чести: ведь она будет общаться с чужими мужчинами. Третьи видят в этом подрыв экономической базы мужского авторитета.

Тем не менее, в Стамбуле, Анкаре, Измире и других крупных городах эмансипация женщин зашла довольно далеко. Открыто существуют в Турции и публичные дома. Целоваться на улице запрещено, но в каждом городе есть особый квартал домов терпимости. Их полуобнаженные обитательницы днем и вечером зазывают в гости мужчин. Но это в глазах турок всего лишь падшие женщины. Они вовсе недостойны мужской опеки и защиты, так как давно "потеряли свою честь".

Характер турка противоречив. В эту переходную эпоху он, по крайней мере, раздваивается и не только потому, что в нем есть и Восток, и Запад, и Азия, и Европа. Его чрезвычайная национальная гордость соединяется с острым комплексом неполноценности. Как мусульманин и турок, он в глубине души считает себя выше других народов, но едет чернорабочим в Западную Европу, где им командуют и помыкают. Бессчетное число раз он слышит слова «Великая Турция», но на каждом шагу с горечью убеждается, как далеко стране до подлинного величия. Отсюда невероятная амплитуда – от порицания всего турецкого до прославления всего турецкого, с достоинствами и недостатками. У турок есть грубоватая, но точная пословица, которая говорит об их вполне определенной национальной и человеческой черте: «Харкаешь кровью, а говори, что пил вишневый шербет».

Каждый раз, когда на востоке Турции во время перестрелок с курдскими боевиками умирают турецкие солдаты, по телевидению показывают родителей умерших ребят. И всегда отец или мать солдата хоть и критикует государство за то что "проблема турецкого востока" продолжается, говорит одно: "Vatan sağ olsun" (tr. Спасибо стране!) смысловой перевод - "Я родил/а сына для того чтобы он защищал родину. Смерть за родину - его долг".

Чтобы вызвать уважение турецкого собеседника, желательно владеть приемами «восточной» дипломатии. Если турку кто-то не нравится, то не нравится. Если он друг, то без обиняков и оговорок. Своего отношения он не будет менять по несколько раз на день.

Турки постоянно критикуют себя. Они понимают и ценят юмор. Но турки отвергают любую критику со стороны иностранца. Давление со стороны иностранцев приводит турка в ярость, и они инстинктивно сопротивляются, даже если бы им было выгоднее отступить. Эмоциональные споры и явное проявление недоверия воспринимаются турками как личное оскорбление. И наоборот: ясно и подчеркнуто выраженное доверие накладывает на турка какое-то моральное обязательство. Но это не означает безусловную верность данному слову. Фаталистическое «я сделаю, если пожелает Аллах» списывает и нерасторопность, и халатность, и отсутствие чувства времени. Турция осовременилась, но здесь по-прежнему считают, что «спешка – от черта», а точность бессмысленна. Если турок говорит «завтра», чаще всего это означает «может быть, завтра». К этому приходится приоравливаться.

Гостеприимство турок выше всяких похвал. После одной-двух встреч иностранца могут пригласить домой. Если вас пригласили в гости, то в турецком доме следует оставлять обувь на пороге и надевать домашние тапочки, предложенные хозяином дома. Как правило, гостю дарят небольшой памятный подарок. «Правила хорошего тона по-турецки» предписывают не отказываться от угощения, если вас сажают за стол.

В последнее время в Турции, как и во всем мире, происходят различные экономические и политические изменения. Основная тенденция этих перемен выражается в усилении европеизации, или точнее американизации образа жизни, в ускорении темпа жизни, её динамики, постепенном исчезновении истинно турецкого колорита.

Профессиональное коммуникативное поведение

Ксения Кончаревич

Литургическое возрождение и актуальные изменения в сербской сакральной коммуникативной культуре

Вопросы сакральной коммуникативной культуры являются одним из наименее изученных аспектов коммуникативного поведения славянских народов. В нескольких предыдущих публикациях мы попытались рассмотреть нормы и традиции сакральной коммуникативной культуры народов *Pax Slavia Orthodoxa*, преимущественно русских и сербов, в историческом (Кончаревич 2007, Кончаревич 2008 а, Кончаревич 2009) и современном аспектах (Кончаревич 2006 а, Кончаревич 2006 б, Кончаревич 2008 б).

Предлагаемая работа представляет попытку систематизации и разъяснения актуальных изменений в литургической культуре¹ Сербской Православной Церкви, происходящих под влиянием идей движения литургического возрождения², получивших распространение в сербской среде с начала 80-х годов XX века. Поскольку эти изменения касаются, с одной стороны, ревизии богослужебных текстов, а с другой, переосмыслиния норм и традиций коммуникативного поведения в сакральной, прежде всего литургической, церковно-певческой культуре и в нормах и традициях христианского быта (ортопраксии), они представляют

¹ О коммуникативных аспектах Литургии см. нашу работу, написанную в соавторстве с Р. Баич: *Язык сакрального в зеркале современной коммуникологии (опыт функционального анализа литургического дискурса в церковнославянском языке)*. – Сборник трудов Нижегородской Духовной Семинарии, вып. 5. Изд. Нижегородской Духовной Семинарии, Новгород, 2007, с. 335-348.

² Движение литургического обновления (литургическое движение) имеет своей основной целью обновление активного участия верующих в богослужении Церкви. Мотивированные пастырскими соображениями и результатами респектабельных богословских исследований, в первую очередь в сфере литургики, церковной археологии, библейских наук, патрологии, ревнители литургического движения выступают за активное, осознанное участие всех членов Церкви в ее священодействиях. Движение возникло в лоне Римско-Католической Церкви в середине XIX века (основоположниками его являются дон Проспер Геранже, дон Индефольс Хервеген, дон Одо Казелль и дон Ламбер Бодуан), достигнув полного признания своих начал на Втором Ватиканском соборе (*Constitutio de sacra Liturgia*, 1963). В православной среде идеи литургического возрождения были выведены виднейшими богословами современности, такими, как прот. С. Булгаков, прот. Н. Афанасьев, прот. А. Шмеман, Б. Сове, хотя инициаторами литургических реформ в Православной Церкви считаются свят. Макарий Коринфский, преп. Никодим Святогорец и свят. Нектарий Эгинский (подробнее см. Вукашинович 2001, 5-130).

несомненный интерес для языковедов и с точки зрения объективной действительности, и сквозь призму ее субъективного отображения в сознании наших современников - духовенства и мирян.

В публикациях современных сербских авторов по этой теме обозначились два течения.

На одном полюсе – реформаторские тенденции, представленные в публикациях виднейших богословов, среди которых особое место занимают Патриарх Сербский г. Павел (Стойчевич), архиереи – доктора богословских наук Афанасий (Евтич), Амфилохий (Радович), Ириней (Булович), Артемий (Радосавлевич), Игнатий (Мидич), виднейшие литургисты священник Владимир Вукашинович, проф. Н.Милошевич и др. (авторитетнейшие источники монографического типа – Вукашиновић 2001, Вукашинович 2007, Јевтић 2007, Јевтић 2007-2008, Мидић 1995, Стојчевић 1998).

Противоположный полюс – консерватизм, представленный в работах епископа Ефрема (Милутиновича), публициста В. Димитриевича и др. (см., напр., Димитријевић 2008, Димитријевић 2009)³. Богословские полемики вызвали большие разнообразия в богослужебном порядке разных епархий (так, наиболее последовательно идеи движения литургического возрождения претворяются в жизнь в Митрополии Черногорской и Приморской, Архиепископии Белградской и Карловацкой, епархиях: Жичской, Бачской, Рашской и Призренской, Шумадийской, Враньской, Баничевской, Далматинской, Захолмской и Герцеговинской, Западноамериканской, Австралийской, а также в Автономной Охридской Архиепископии).

Среди верующих и низших клириков, однако, в последние несколько лет заметны большие разделения между ревнителями традиционной практики, которых оппоненты называют «псевдозилотами», с одной стороны, и «новаторами», с другой: оказывается, что в Сербской Церкви сегодня, по пословице, «в каждом монастыре свой устав и каждый молодец на свой образец». В 2008 году Священный Собор тщательно занялся проблемами, связанными с разномыслиями в Церкви и путями их преодоления, учредив особую Синодальную комиссию по богослужению, которой поручено заняться упорядочением богослужебной практики и серьезным обсуждением ключевых вопросов состояния и путей улучшения сербской литургической культуры с учетом ее актуального состояния во вселенском Православии (отметим, что идеи литургического возрождения давно уже восторжествовали в Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской Патриархии, в Елладской Архиепископии, в Кипрской, Албанской Православной Церкви, на Святой Горе Афонской,

³ Полемике по вопросам литургической жизни была посвящена, среди прочего, и серия статей в журнале «Православие», органе Белградского Патриархата, на протяжении 2007-2009 гг.

и что постепенно они вводятся и в практику Румынской и Русской Православных Церквей⁴).

Остановимся на важнейших моментах столкновений «архаистов» и «новаторов»⁵, вызвавших поляризацию в нормах современной сербской сакральной культуры и представляющих интерес как для сугубо богословских, так и для филологических и культурологических исследований.

Упорядочение богослужебного устава. Среди главных недостатков современной лiturгической культуры, состояние которой вызывает глубокое неудовлетворение у многих членов Сербской Православной Церкви «сверху донизу», упоминается произвол в исполнении уставных предписаний. Дело в том, что на приходской практике устав существует почти номинально, нигде не выполняясь во всей полноте и точности. При соблюдении общей схемы богослужебного устава, частности его подлежат сокращениям и изменениям по личному усмотрению священников. Так, например, в некоторых церквях на всенощной поют «Блажен муж» (Пс. 1), в других опускают; в некоторых на «Господи, воззвах» поют одну стихири, а в некоторых десять; в одних читают кафизмы (больше или меньше), в других их полностью пропускают; в некоторых на каноне читаются все тропари, в других только три, в иных один, а в некоторых ничего не читают; то же самое относится и к стихирам на стиховне и хвалитным стихирам. Примеров множество.

Корень проблемы состоит в том, богослужебный устав был первоначально составлен для монастырей в Палестине (Савва Иерусалимский, в VI в.) и Византии (Феодор Студит, в VIII в.) с целью распределения отдельных частей богослужения так, чтобы монастырские насельники могли освящать соборной молитвой полночь и утренний рассвет, полдень и вечерние сумерки. Этот самый устав позднее был введен и в приходские церкви. Это давно уже породило необходимость

⁴ В Русской Православной Церкви идеи лiturгического возрождения получили наиболее глубокую разработку на Соборе 1917-18 гг. (подробнее см. Н. Балашов, *На пути к лiturгическому возрождению*. Москва, 2001, 508 с.). Отметим, что Архиерейский Собор РПЦ еще в 1994 г. принял решение о продолжении начатых, но не завершенных Поместным Собором 1917-18 годов трудов по упорядочению богослужебной практики и редактировании богослужебных текстов (см. *Архиерейский Собор РПЦ 29 ноября – 2 декабря 1994. Документы, доклады*. Москва, 1995, с. 176-177).

⁵ Обозначения эти имеют более чем условный характер, поскольку «архаисты» ратуют за сохранение практики, вошедшей в обиход в XVIII в., тогда как «новаторы» по сути дела выступают за актуализацию практики, зафиксированной в священном Предании вселенского Православия начиная с раннехристианской эпохи, а также традиций, выработанных в Сербской Церкви с XII по XVIII в. О коллизиях двух лiturгических концептов в СПЦ (исконно православного и схоластического концепта, наследованного в XVIII в. под западноевропейским и русским влиянием) с исторической и богословской точки зрения подробнее см. Вукашиновић 2008, 34-237.

приспособления содержания и продолжительности служб к составу молящихся, к изменившимся условиям жизни прихожан.

В каждой приходской церкви сокращения и отступления от устава выработаны самой жизнью, приспособлены к потребностям данного прихода и молящихся. Однако вследствие отсутствия однообразия в богослужебной практике появилась необходимость указания минимальных требований или границ в сокращении богослужений суточного круга, переступать которые не следовало бы. Сторонники богослужебной реформы на деле проводят сокращение и серьезную переработку действующего богослужебного устава (это отражено и в некоторых Синодальных изданиях, напр. в *Служебнике* 1986 года, *Великом требнике* 1993 года), ссылаясь на теоретические (историческая изменяемость устава) и практические аргументы (во-первых, несоответствие норм монашеского быта, на которые ориентирован существующий устав, радикально отличным от них условиям современной жизни мирян, и во-вторых, наличие на приходской практике произвольных, бесконтрольных и часто безграмотных сокращений).

Оппоненты «реформаторов», предлагающие сохранение *status quo*, не отрицают исторической изменяемости уставных предписаний и признают тот факт, что по уставу, строго говоря, богослужение почти нигде (даже в большинстве монастырей) не совершается. Однако, пересмотр уставных норм они считают опасным (из-за возможности возмущения «ревнителей благочестия» - псевдозилотов, в сознании которых формы и порядок богослужения, определяемые уставом, принимают догматический авторитет) и бесполезным (богослужебная практика привычно отступает от нормы и развивается не по писанным узаконениям). «Консерваторы» обычно дают такие практические рекомендации: если кому-либо из прихожан тяжело отстоять всю службу, тот ведь может прийти на часть ее. Однако с экклесиологической точки зрения такой выход едва ли можно считать более целесообразным, чем разумный пересмотр устава: участие в богослужении призвано выявлять молитвенное единение церковной общины, а не просто служить удовлетворению индивидуальных религиозных потребностей.

Один из аспектов несоответствия между реальной жизнью и уставными нормами – это расхождение существующих богослужебных текстов с изменившимся временем изменения богослужений. В самом деле, можно ли при каких угодно обстоятельствах примириться с традиционалистским совершением Литургии Преждеосвященных Даров в 6 или 7 часов утра при пении *Да исправится молитва моя яко кадило пред Тобою, воздеяние руку мою жертва вечерняя?* (напомним, что эта Литургия первоначально совершалась вечером, и что в соответствии с этим она начинается вечерней). Нечто подобное представляют всенощные, на которых еще при последних, а иногда даже и не последних лучах заходящего солнца чтец при чтении шестопсалмия возглашает: *Боже, Боже мой, к Тебе*

утреннюю... Поминах Тя на постели моей, на утренних поучахся в Тя... Утро молитва моя предварит Тя... Слышану соторви мне заутра милость Твою... Потом священник возглашает: Слава Тебе, показавшему нам свет, и, наконец, при наступлении ночи, диакон приглашает: Исполним утреннюю молитву нашу Господеви!, а затем, в Великом славословии, верующие просят от Бога дне всего совершенна, в день сей (вместо логичного: в вечер сей) без греха сохранитися нам, и т. п.

Поэтому в реформированной практике совершения богослужений на приходах воскресное и праздничное бдение не совершается, а взамен него служат вечерню и утреню в положенное для этих служб время. Но поскольку утремя – служба довольно продолжительная, и в воскресный или праздничный день вслед за ней служится Литургия, приходской устав в этом отношении претерпел существенные изменения. Те части утрени, которые читаются – кафизмы, часы, тропари канонов – сокращаются, но все то, что положено петь, неопустительно выпевается. Например, поются все седальны, степенны, антифоны, катафасии по каждой песни канона и все положенные стихиры. Опускаются также некоторые ектении в конце утрени и на Литургии. На воскресной утрене после Великого славословия поется положенный тропарь, сразу же следует возглас: *Благословенно Царство..., и начинается Литургия.*

В монастырях же никаких сокращений не бывает. И когда в монастырях, придерживающихся реформированной богослужебной практики, говорят «Всенощное бдение», то имеется в виду действительно богослужение, которое совершается всю ночь. Такое всенощное бдение состоит из повечерия, великой вечерни, утрени, часов и Литургии. Все это служится непрерывно. При этом на таком бдении читаются и уставные (синаксарные) чтения; обычно в конце вечерни читается слово какого-либо святого Отца, посвященное празднику, или творение того святого, память которого в этот день празднуется. Всенощные бдения в монастырях совершаются на все великие (двунадесятые) праздники и в дни памяти особо чтимых святых, а также в дни престольных праздников. Служение всенощных бдений начинает возрождаться в духовных школах (на Православном богословском факультете БГУ и в духовных семинариях), в кафедральных храмах и во многих, преимущественно городских, приходах епархий, епископы которых выступают за идеи литургического движения. Отметим, что в современной сербской богослужебной практике, опять-таки в некоторых епархиях, произошло и возрождение совершения Преждеосвященной Литургии вечером, не только в монастырях, но и в городских храмах.

В монастырской практике специфические коррективы вводятся, например, и в последование чтения *Псалтири*. «Архаисты» довольствуются чтением 17-й кафизмы за повседневной утренней, 9-й кафизмы – за утренней субботы, тогда как остальные кафизмы читаются лишь за келейным правилом. В реформированной практике обеспечено

полное прочтение всех псалмов в течение седмицы, причем на утреннях великих праздников чтение рядовых кафизм заменяется антифонным пением избранных праздничных псалмов. Пение псалмов (по возможности антифонное) вместо чтения их практикуется в некоторых монастырях и в седничные дни.

Особо следует отметить, что «реформаторы» не настаивают на введении строгого уставного единообразия на основе новой нормы совершения богослужений. История Церкви показывает, что полного единообразия в отправлении богослужений на самом деле никогда не существовало. Попытка его внедрения, по мнению сторонников идей литургического возрождения, могла бы привести к утрате тех элементов здоровой и допустимой вариативности богослужебных обычаяев, которая только обогащает церковно-литургическую культуру.

Совершение Божественной Литургии. Этому центральному по своему значению христианскому богослужению, вполне естественно, в актуальных попытках литургического возрождения в Сербской Православной Церкви уделяется наибольшее внимание. Внесены некоторые существенные изменения в практику совершения Литургии, суть которых состоит в стремлении ярче выявить сущность этой службы и вернуть мирянам – народу Божию – права активно участвовать в священнодействии. Обзор их мы представим по порядку чина совершения Литургии.

Литургия оглашенных. В первой части Литургии на приходской практике нередко имеет место сокращение блаженн и полное игнорирование стихов к ним или тропарей от канонов, почти полное игнорирование антифонов «по вся дни», а также сокращение праздничных антифонов до двух стихов.

Сторонники литургического возрождения настаивают на исполнении антифонов Господских праздников, антифонов изобразительных (при невозможности пропеть оба псалма полностью рекомендуется читать их), вседневных (в положенные дни) и блаженн со стихами к ним без сокращений. Кроме того, они настаивают на том, что по входе тропари и кондаки следует петь полностью и в уставном порядке, вместо порой их беспорядочного исполнения.

Относительно чтения *Апостола* «новаторами» введен обычай, принятый в греческих церквях, чтобы оно исполнялось на особо приготовленном возвышении, с обращением читающего лицом к народу. Такой способ чтения представляется вполне правильным, так как при нем все слова апостольских посланий явственно слышатся молящимися, и может считаться самым плодотворным, напоминая собой проповедь самих апостолов. Более того, невозможно найти сколько-нибудь убедительное богословское обоснование тому странному факту, что в традиционном порядке совершения Литургии читающий увещевания святых Апостолов стоит спиной к народу Божию, коему обращено это чтение. Отметим, что в

сербской Церкви *Апостол* почти повсеместно читается на современном сербском литературном языке⁶, так же, как и *Евангелие* (в сербской Церкви оно читается так же, как и у греков: священником – в царских вратах, лицом к народу, диаконом – на солее). Унификация практики исполнения апостольских и евангельских чтений представляет, на наш взгляд, еще один убедительный довод «реформаторов» ко внесению данного корректива в практику совершения Литургии.

Чтение поминаний на сугубой ектении и особенно на ектении заупокойной, тем более в воскресные и праздничные дни, в реформированной практике богослужения не практикуется. Возглашаются только имена тех, о которых сознательно может молиться вся приходская община (в первую очередь новопреставленных членов прихода).

Предлагается исключить, по примеру греческой Церкви, ектению об оглашенных, а на Преждеосвященных Литургиях и «о еже к просвещению» (Стојчевић 1998, 122) вместе с соответствующими возглашениями об удалении этой категории молящихся из храма (тем более, что оно нигде и никем не исполняется на деле). Оставить соответствующие ектении в богослужебном употреблении предлагается только там и тогда, где и когда оглашенные и готовящиеся к просвещению (крещению и миропомазанию) налицо в собрании верующих. После ектении, преклоненные пред священнослужителем, они могут выслушать читаемую вслух молитву Церкви о них и тогда удалиться. Только таким образом, по мнению «новаторов», молитва об оглашенных опять получила бы свое настоящее значение, теперь совершенно утраченное.

Литургия верных. На великом входе, при иерейском служении, «новаторы», в отличие от «традиционистов», поминающих епархиального архиерея, «благочестивый и христолюбивый род христианский», «весь священнический и монашеский чин и весь причт церковный», «благоверный многострадальный род наш сербский, властей и воинство», «ктиторов и приложников святого храма сего» («святыя обители сея» – в монастырях), «души от нас представившихся рабов Божиих» (с перечислением имен), «вас (присутствующих на Литургии – прим. *наше*), сродников ваших и всех православных христиан», делают только одно поминование – «Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» (для диакона) или «Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» (для священника). При архиерейском же служении и в реформированной богослужебной практике сохраняются поминования Патриарха, преосвященных Митрополитов, Архиепископов и Епископов и

⁶ В Сербской Православной Церкви еще в 1964 году сербский литературный язык официально, определением Священного Собора, приобрел статус богослужебного, наряду с церковнославянским. Подробнее об этом см.: К. Кончаревич, *Дискуссии о богослужебном языке в Сербской Православной Церкви: исторический обзор и современное состояние*. – Церковь и время, Москва, 2004, 1(26), с. 29-52.

всего священнического и монашеского чина, «вас и всех православных христиан».

Вопрос о чтении вслух молитв анафоры вызывает крупные споры между «реформистами» и «консерваторами». Первые считают, что без участия всего собрания в молитвах евхаристического канона нет литургии как подлинно общего дела. Чтение вслух этих молитв, по их мнению, дает возможность предстоящим иметь полное представление не только о составе Литургии во всей ее целости и последовательности, но и о ее смысле, который состоит именно в принятии всеми членами собрания святых Христовых Таин.

В результате тайного чтения молитв, как утверждают поборники литургического возрождения, Литургия распалась на две параллельные части – одну, предоставленную народу и другую, отправляемую священником. Народ вместо цельных молитв слышит лишь возгласы, то есть окончания молитв или краткие извлечения, отрывочные фразы, между которыми нет видимой связи, и нелегко восстановить ее тому, кто не знаком с полным текстом Литургии.

Совершенно обратное явление представляет в этом отношении практика гласного произнесения молитв анафоры, готовящего всех участников литургического собрания к причащению (одно из ключевых положений движения литургического возрождения – необходимость регулярного принятия Таинств Тела и Крови Христовых для всех, кто не имеет каких-либо канонических препятствий к этому, будь то клирики или миряне). «Консерваторы» же считают, что священнику недопустимо приобщать все собрание молящихся к тому священнодействию, которое ему одному предоставлено призвано на него в рукоположении благодатию Святого Духа. Следует отметить, что сторонники этого взгляда обычно выступают за практику более редкого причащения, как правило после специальной подготовки («говения»), о чем речь пойдет ниже.

Текст Литургии верных в некоторых местах претерпевает изменения, отраженные и в новых Служебниках, изданных Белградским Патриархатом. Так, тропарь третьего часа (*Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый...*), введенный по полемическим, антилатинским соображениям в славянские служебники лишь с XVI века (Вукашиновић 2001, 159), в Синодальном Служебнике 1986 года помещается в скобках, что указывает на его факультативный характер. «Реформистами» этот тропарь, помещенный между эпиклезой и самим освящением Даров, не произносится. В тексте Литургии св. Василия Великого, соответственно тому же Служебнику, третье благословение Даров при словах *Преложив их Духом Твоим Святым* полностью отсутствует. Имеет место и инициатива, поднятая самим Патриархом Серbsким, об исключении двух ектений верных перед великим входом, а также просительной ектении перед произнесением Молитвы Господней (см. Стојчевић 123-125).

Таинство Крещения с сопутствующими чинопоследованиями.

Важное изменение в богослужебной практике, относящееся не только к Крещению, но и к прочим Таинствам (относимым, согласно позднейшей традиции, к «частному богослужению»), состоит в соединении их совершения с общественными богослужениями – главным образом с Литургией. Восстановлению древнецерковного восприятия Таинства как дела всей Церкви особенно способствовало бы рекомендуемое сторонниками литургического возрождения публичное совершение крещения и миропомазания перед Литургией, сопровождаемое объяснением обрядов этих Таинств и поучением новокрещенных. В храмах и монастырях, в которых практикуется реформированное богослужение, за Литургией новые члены Церкви обязательно приступают к причастию святых Христовых Таин.

Таинство Покаяния. Изменения в совершении этого Таинства касаются как тайносовершительной формулы, так и частотности и предварительных условий приступления к нему. Сторонники литургического возрождения проблематичной считают традиционную формулу отпущения: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо (имя рек) вся согрешения твоя, и аз, недостойный иерей, властию Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь...».

Эта формула имеет весьма позднее происхождение и заимствована из католических последований (Вукашинович 2001, 159). Поэтому в *Великом требнике*, изданном в 1993 году, она полностью отсутствует. Вместо нее произносится прежняя молитва, смысл которой не в отпущении грехов священником, «властию, данною ему Христом», а в воссоединении кающегося с Церковью.

Что же касается частотности исповедания грехов, традиционалистами считается, что каждый раз перед принятием святых Таин Тела и Крови Христовых верующий обязан приступить к исповеди. На практике же это приводит к тому, что во время постов и в крупнейшие праздники, когда несколько десятков, а в городских приходах – и сот человек готовились к причащению, в силу чисто физических причин исповедь сводится к накрытию главы каждого кающегося епитрахилью и чтению разрешительной молитвы. В таких условиях об открытии не только помыслов и повседневных грехов и прегрешений, но даже тяжких грехов, требующих наложения епитимии, не может быть и речи.

Таким образом, исповедь нередко становится формальной, и поэтому не удивительно, что тайносовершительные слова воспринимаются верующими как своего рода магическая формула, стирающая все грехи, даже неосознанные. Поборники литургического возрождения выступают за то, чтобы верующие регулярно встречались со своими духовниками, примерно раз в месяц (причем от полностью воцерковленных христиан, за исключением периодов многодневных постов, не требуется говение перед

исповедью), и исповедовались с такой периодичностью, хотя, конечно, если человек имеет нужду, он может встречаться с духовником и чаще. В таких условиях каждый может исповедоваться за прошедшее время, открыть не только грехи, содеянные делом и словом, но и помыслы, а духовник на основании услышанного налагает епитимию или дает советы. При такой практике верующие обычно получают благословение причащаются за каждой Литургией, если, конечно, они не совершают каких-то тяжких грехов, отлучающих от причастия. Непосредственно же перед самим причащением исповеди или только разрешительной молитвы от них не требуется. В некоторых храмах и монастырях, в которых введена реформированная практика, перед Литургией для всех читается молитва о прощении грехов, которая, разумеется, касается лишь мелких повседневных грехов (серьезные же надо обязательно исповедовать лично).

Таинство Евхаристии. Традиционный и реформированный подход к таинству Евхаристии различаются по критериям подготовки мирян к причащению и рекомендуемой частотности принятия Святых Таин. «Консерваторы», по сути дела, выступают за сохранение практики, введенной в Сербской Церкви XVIII веке (архимандрит Иоанн Раич, епископ Дионисий Новакович) под влиянием католицизма и русского богословия (Феофан Прокопович, Петр Могила) (Вукашиновић 2008, 42-187). Согласно этой концепции, миряне причащаются лишь в четыре Церковью установленных многодневных поста, а условиями для принятия святых Таин являются очищение тела строгим постом (причем «говение», согласно этой концепции, подразумевает воздержание не только от скромной пищи, но и от рыбы и растительного масла), очищение совести исповедью и прочтение соответствующего домашнего молитвенного правила (*Последования ко причащению*).

В понимании поборников литургического возрождения, основанном на правилах святых Апостолов и священных Соборов, отражающих многовековую практику Православной Церкви, а также на самих словах, священнодействии и чине Божественной Литургии, цель и назначение этой службы состоит именно в причащении всех верных – и клириков, и мирян – животворящих Таин Христовых (ведь литургическое «общение» и «собрание» значат именно то, что посредством причащения все верные собираются, общаются и соединяются со Христом, и делаются с Ним и между собой одно тело и один дух). Так, например, в 9-м Апостольском правиле предписывается: «Всех верных, входящих в церковь и писания слушающих, но не пребывающих на молитве и Святом Причащении до конца, яко бесчиние в церкви производящих, отлучати подобает от общения церковного» (Милаш 1996, 68-69), в то время как Антиохийский собор своим 2-м правилом повелевает, чтобы все те, которые «по некоему уклонению от порядка», присутствуя на Божественной Литургии,

отказываются от причащения, отлучались до тех пор, пока не исповедаются и не покажут плодов покаяния (Милаш 1996, 58).

Таким образом, возрождается частое причащение верующих, желательно на каждой Литургии. Однако такая практика применяется лишь к полностью воцерковленным верующим, соблюдающим все однодневные и многодневные посты, регулярно посещающим церковные службы и периодически приступающим к исповеди. Именно поэтому специального поста и исповеди перед причащением от них не требуется, так же, как не требуется ни обязательного прочтения домашнего молитвенного правила перед причащением, поскольку сам текст Литургии, от начала до конца, указывает на причащение собравшихся как на цель и назначение этой службы.

Это наиболее отчетливо видно при гласном чтении молитв анафоры. Так, в молитве, которая называется молитвой верных второй, и которая в традиционном богослужении читается тайно, написано: «Даждь им (то есть верным), всегда со страхом и любовию служащим Тебе, неповинно и неосужденно причаститься святых Твоих Таин». В молитве, которая находится перед причащением, говорится: «И сподоби державною Твою рукою преподать нам пречистое Тело Твое и честную Кровь, и нам и всем людем». Понятно, почему консервативный подход к Таинству исключает гласное чтение молитв евхаристического канона, и наоборот. Другими словами, сторонниками литургического возрождения сам текст Литургии используется в качестве средства назидания верующих, их подготовки к регулярному принятию Святынь.

Брак. Таинство брака в реформированной практике богослужения совершается за Литургией, перед лицом всей приходской общины. В ходе венчания брачующиеся обязательно приступают к причастию Святых Таин, что нашло отражение и в *Великом требнике*, изданном в 1993 г. В традиционном же подходе совершение брака практикуется обычно после Литургии, а нередко и вечером.

Монашеский постриг. Традиционно, монашеский постриг совершался вечером, тогда как в реформированной практике он совершается за Литургией, перед лицом всей Церкви, и коронуется причащением новопостриженных. Вместо двух ступеней пострига – чина принятия малой и чина принятия великой схимы (ангельского образа) – вводится единый обряд монашеского пострига.

Упорядочение богослужебного пения. Пение за богослужением в современной литургической культуре Сербской Церкви также претерпевает существенные изменения. Во-первых, поощряется соборное пение всеми присутствующими хотя бы наиболее известных песнопений. В этих целях во многих храмах каждый прихожанин имеет при себе книгу «Одговарања на Литургији», содержащую текст Литургий св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и св. Григория Двоеслова

(Преждеосвященных Даров), с добавлением праздничных тропарей и кондаков.

В связи с этим на некоторых приходах и в духовных школах возвращается древний вид исполнения богослужебных песнопений, сохранившийся в греческой Церкви - пение с канонархом: канонарх возглашает текст песнопения, фраза за фразой, псалmodируя на одном тоне, тогда как певцы (и за ними прихожане) исполняют возглашенный таким образом текст певчески. При общенародном пении такой вид исполнения богослужебных песнопений получает большой практический смысл.

Во-вторых, вместо многоголосного пения западного типа вводится (т. е. возвращается) унисон, бывший в употреблении в Сербской Церкви вплоть до конца XVIII века. Это сопровождается и отменой хорового пения (устав, впрочем, и предусматривает лишь «ликовое» - клиросное и соборное, общенародное богослужебное пение).

В-третьих, все более популярным становится византийское пение, при сохранении традиционных сербских напевов восьми гласов в обработке С. Мокраняца, Н. Баракчого и С. Ластавицы. И, наконец, отменяется так называемое паралитургическое пение (исполнение песнопений, не указанных уставом и даже популярных народных духовных стихов, не имеющих никакого отношения к богослужению данного дня), которое практиковалось во время причащения священнослужителей в алтаре, и взамен того исполняется указанный уставом причастен (стих из псалма или, реже, какой-либо другой текст из Священного Писания, заканчивающийся протяжным пением «аллилуйя», повторяемым иногда несколько раз).

В заключение отметим, что коллизии двух подходов – «консервативного», вдохновленного идеями схоластического богословия XVIII-XIX вв., и «реформаторского», возникшие в русле идей движения литургического возрождения, имеют двойственный богословско-филологический характер при ведущем значении богословских аспектов данной проблемы. Именно поэтому их решение поручено высшим церковным органам и ведущим специалистам, которые при обсуждении состояния и перспектив современной сербской сакральной культуры будут учитывать соответствие норм, введенных поборниками литургического возрождения, вековым традициям Сербской Церкви (начиная с эпохи Средневековья) и ее сегодняшним нуждам. Неудивительно, что в сербском Православии проблемы, связанные с изменениями в нормах и традициях сакральной культуры, сегодня обсуждаются более интенсивно и остро, чем традиционные темы публичных дискуссий о состоянии церковной жизни. Острота этих проблем обусловлена тем, что они затрагивают, с одной стороны, религиозные чувства людей, а с другой – взаимоотношения сербского со вселенским Православием и с инославными Церквами. Однако, в Сербской Церкви имеются условия как для преодоления коллизий в области норм сакральной коммуникации в духе терпимости, так

и для углубленных богословских, филологических и культурологических исследований этой проблематики.

Вукашиновић В. *Литургијска обнова у XX веку. Историјат и богословске идеје литургијског покрета у Римокатоличкој цркви и њихов узајамни однос с литургијским животом Православне цркве*. Београд – Нови Сад – Вршац, 2001.

Вукашиновић В. *Литургија и култура*. Београд, 2007.

Вукашиновић В. *Српско барокно богословље: библијско и светотајинско богословље у Карловачкој митрополији XVIII века*. Београд – Краљево – Нови Сад, 2008.

Димитријевић В. *Реч на реч. Одговор епископу Атанасију Јевтићу*. Чачак, 2008.

Димитријевић В. *Светосавље и литургијска реформа*. Чачак, 2009.

Епископ Атанасије (Јевтић). *О Цркви и Литургији*. Врњачка Бања, 2007.

Епископ Атанасије (Јевтић). *Христос – нова Пасха. Свештенослужење, причешће, заједница Богочовечанског Тела Христовог*. Т. I-III. Београд, 2007-2008.

Кончаревич К. *Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа)*. [В сб.:] И. А. Стернин, П. Пипер (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов*. Воронеж, 2006 а, с. 28-54.

Кончаревич К. *О некоторых аспектах коммуникативной культуры старообрядцев*. [В сб.:] И. А. Стернин, П. Пипер (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов*. Воронеж, 2006 б, с. 97-120.

Кончаревич К. *Уставы российских монастырей XI-XVII вв. как материал для изучения коммуникативной культуры монашествующих*. [В сб.:] И. А. Стернин, Л. Шипелевич (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов: русские, украинцы, белорусы, поляки, сербы*. Warszawa, 2007, стр. 75-95.

Кончаревич К. *Нормы коммуникативного поведения клириков и мирян в священных канонах и в законодательстве Православной Церкви*. [В сб.:] И. А. Стернин (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов*. Воронеж, 2008 а. (in press)

Кончаревич К. *Церковно-певческие традиции как составляющая литургической коммуникативной культуры Pax Slavia Orthodoxa*. [В сб.:] И. А. Стернин (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов*. Воронеж, 2008 б. (in press)

Кончаревич К. *Типици светог Саве као извор за проучавање српске аскетске коммуникативне културе*. – Стил, Београд, 2009, бр. 7 (in press)

Епископ Игнатије (Мидић), *Православна духовност данас*. [У књ.:] *Сећање на будућност*. Београд, 1995.

Епископ Никодим (Милаш), *Правила Православној Цркви с толкованијами*. Т. I-II. Москва, 1996.

Патријарх Павле (Стојчевић). *Да нам буду јаснија нека питања наше вере*. Т. I-III. Београд, 1998.

Ю. В. Сметанина-Болдин

Межкультурные коммуникативные различия и сфера здравоохранения в США

До сих пор лишь единицы ученых-лингвокультурологов при изучении коммуникативных проблем в области медицины рассматривают здоровье, процесс коммуникации и культуру как составляющие единого целого, влияющие на конечный результат – выздоровление пациента. Несмотря на

то, что в США уже более 25 лет вопросы дискурса в здравоохранении выделяются как одно из самостоятельных научных направлений социальной коммуникации, межкультурные проблемы внутри медицинского дискурса и их влияние на процессы лечения стали областью исследования сравнительно недавно.

В большинстве ситуаций, где пациент принадлежал к одной культуре, а доктор представлял другую культуру, рассматривался только первичный слой – профессиональное общение на уровне «врач-больной» без учета менталитета и национальных особенностей участников дискурса.

Однако же основания для межкультурного непонимания, неприятия, шока и конфликта создаются именно способностью «разного национального менталитета по-разному воспринимать одни и те же предметные ситуации» (Попова и Стернин, 2007, с. 10)

Например, русскоязычная пациентка перед приемом в американской клинике «по секрету» поделилась с переводчиком, что прописанное от давления лекарство она не принимает, чтобы себя «не гробить» химией, а пьет привезенную с Украины травяную настойку. В кабинете врача оказывается, что у нее по-прежнему повышенное давление. На вопрос доктора: «Вы пьете лекарство?», она отвечает «Ну, да» Врач без расспросов заключает, что данный препарат ей не помогает и предлагает попробовать новый. Выйдя из кабинета, переводчик, не имеющий права делиться информацией без согласия пациента, спрашивает, почему она не сказала правду. «Да что, я и этот пить не буду,» - раздается в ответ.

Очевидно, что продуктивный диалог не состоялся и в результате здоровье пациента может быть под угрозой. Результат мог бы быть иным, если бы доктор разговорил пациентку, выяснил принимает ли она прописанный препарат постоянно, объяснил, какие могут быть последствия повышенного давления, как важно принимать лекарства, и т.д., или если бы больная поделилась своими страхами по поводу приема химических препаратов, рассказала бы о предпочтении, которое отдается народным средствам в ее культуре, и т.д.: но один предположил, что второй должен быть грамотным и все знать сам, а второй посчитал, что доктору бесполезно свои проблемы объяснять (из опыта автора).

Джери-Энн Галанти, одна из ведущих исследователей межкультурных конфликтов в здравоохранении США, приводит следующий пример: «Шестидесятилетняя китаянка была госпитализирована с острым сердечным приступом. По выписке доктор назначил ей прийти на прием через две недели. Женщина утвердительно кивнула, но на прием не пришла. Скорее всего она и не собиралась приходить, но согласилась с доктором как с авторитетной фигурой из вежливости. Китайцев с детства учат не спорить, идти на компромисс. Отказаться в лицо доктору то же самое, что нанести ему оскорблениe, поэтому госпожа Ли согласилась» (Galanti, 1991, с. 21).

Исследователи коммуникативных конфликтов, вызванных национальными и культурными особенностями, определили, что большинство межкультурных коллизий универсальны и являются следствием культурной некомпетентности участников общения.

Наиболее заметно фундаментальные различия, связанные со спецификой данной этнокультуры, проявляются в социальных коммуникативных ситуациях, где каждый участник, словно по заданному сценарию, разыгрывает свою роль, основанную на принятой иерархии общения, символизме кинетических средств коммуникации - мимического языка и языка жестов, молчания, пауз, и пр.; используя или избегая разрешенные и запрещенные темы, проявляя различные степени культурной экспрессивности и речевой эмоциональности.

Изучения культуры различных народов может происходить при помощи различных исследовательских методов. Но, как указывает Стернин И.А., контрастивный принцип позволяет наиболее надежно выявить и описать как общие, так и несовпадающие признаки коммуникативного поведения народов (Стернин 2000).

В данной статье при помощи контрастивного анализа рассматривается стандартная коммуникативная ситуации «на приеме у врача» и межкультурные особенности, в основе которых лежат национальное понимание концепта «здоровье», этнические традиции и верования, связанные со здоровьем и болезнью.

Очевидно, что наиболее распространенный вид общения в медицинском окружении – это диалог, в большинстве случаев происходящий между медработником и пациентом. В работе приводятся некоторые межкультурные различия, способные вызвать конфликт у коммуникативной пары «медработник и пациент», где пациент – представитель одной из следующих лингвокультурных общностей, проживающих на территории США: а) американской (европейской, белой; англоязычные), б) латиноамериканской (выходцы из Латинской Америки, латинос; испаноязычные) и в) восточнославянской (русские, украинцы и белорусы; русскоязычные).

Коммуникативный конфликт в данной ситуации может быть вызван, во-первых, разным национальным и социокультурным менталитетом в вопросах здоровья, во-вторых, профессиональным групповым менталитетом медперсонала, в-третьих, в некоторых случаях, языковым барьером. Для восточно-славянской группы «специфичность данной коммуникативной ролевой ситуации заключается в том, что она происходит вне привычной лингвокоммуникативной обстановки – в другой стране, США; таким образом, шаблонные представления одного культурного социума (славянского) переносятся в условия другой, уже имеющей характерные эталоны поведения, культуры (американской) (Сметанина-Болдвин 2008).

Контрастивный анализ межкультурных различий вышеуказанных этногрупп в условиях системы здравоохранения США в данном исследовании проводится по технологии Гигера и Давидизара - изучение специфики менталитета и коммуникативного поведения культурной общности по шести социокультурным параметрам, характерным для каждой культурной группы и влияющим на межкультурное общение:

1) *степень контроля внешних условий (environmental control);* 2) *биологические различия (biological variations);* 3) *социальная организация (social organization);* 4) *особенности общения (communication);* 5) *понятие дистанции и личного пространства (space);* 6) *временная ориентация (time orientation)* (Geiger and Davidhizar 1995).

1. **Степень контроля внешних условий** – это способность представителей данной культурной общности планировать свою деятельность, контролировать внешние условия и изменять окружающую среду по сравнению с верой в неотвратимость происходящих событий.

К данной категории относятся существующие системы традиционных верований, касающихся здоровья и процесса лечения, практики народной медицины и обращения за помощью к целителям. Данные факторы играют исключительно важную роль в том, как пациенты реагируют на проблемы, связанные со здоровьем и лечением; куда они обращаются за помощью; как используются существующие здравоохранительные ресурсы и социальная поддержка; каким образом данная культура определяет, что такое «здоровье» и «болезнь».

В работе «Особенности лингвистического и социокультурного менталитета, влияющие на здоровье людей (*на примере американской, афроамериканской, латиноамериканской и восточнославянской коммуникативных общностей*)» (Сметанина-Болдин 2009) автор пишет: «Белые американцы уверены, что при помощи современной медицины они контролируют состояние своего здоровья и, соответственно, свою жизнь и будущее. В целом, США считаются оплотом «химической» медицины, основанной на синтетических препаратах, медицинских процедурах и хирургическом вмешательстве, и большинство белых американцев полагаются на ее достижения. К культурным ценностям западной медицины относятся – эффективность, своевременность, высокие технологии, современное оборудование и наука. Вместе с тем среди белых американцев растет популярность лекарств из растений и биодобавок, возрождается интерес к гомеопатии и альтернативной медицине, применяемых скорее для профилактики заболеваний, а не для лечения. Народных методов лечения не так уж и много: для поддержания здоровья предлагается ежедневно пить соки, есть овощи и фрукты («One apple a day keeps the doctor away»), вести активный образ жизни, не курить. В случае болезни *в дополнение* к лекарственной терапии из традиционных методов популярен куриный суп, ромашковый чай, следование поговорке «Feed a

«cold, starve a fever» (ешь много во время простуды, голодай при высокой температуре).

Рэйчел Спектор, говоря о народных средствах, указывает: «Американцы ирландского происхождения считают, что простуда проходит быстрее, если пить много чая и темного пива «Гинесс», или съесть целую луковицу, запив её рюмкой виски; при высокой температуре – привязать лук к запястьям или обвязать шею грязным носком. Выходцы из Нидерландов при головной боли рекомендуют помыть полы с аммиаком» (Spector 2004, с. 32, 33). В целом, доверие к народным средствам среди белых американцев невысокое, они не являются заменой прописанному врачом лечению и предпочтение отдается методам современной медицины.

Испаноязычные американцы в целом доверяют докторам, но ценят *personalismo* (персонализм) – доверие и взаимопонимание, основанные на теплых дружеских и личных отношениях. Поэтому в большинстве своем они предпочитают врачей, которые активно интересуются жизнью своих пациентов. В свою очередь латиносы любят проявлять благодарность доктору, принося в подарок еду или небольшие сувениры. Представители этой культурной группы следуют традиционным верованиям и широко используют средства народной медицины как для профилактики, так и для лечения болезни.

Многие хозяйки наряду с овощами и фруктами выращивают различные целебные травы на своих огородах. В специализированных мексиканских магазинах в США продаются натуральные лекарственные препараты, травяные сборы, настойки и т.д. Считается, что избавиться от болезни помогают свечи и молитва, уборка дома, ритуальные ванны, фиточай.

В книге «Кросс-культурная медицина» приводятся данные, что «тридцать один процент испаноязычного населения США прибегает к народным методам лечения на регулярной основе» (Bigby 2003, с. 73). Это достаточно консервативная цифра, по отзывам многих врачей самолечение при помощи народных средств и целителей характерно для более чем 70% латиноамериканцев. Многие из них полагают, что современная медицина – ненатуральная и химическая - приносит больше вреда, чем пользы здоровью, в отличие от народной натуральной медицины - *curanderismo* - основанной на исцелении тела и духа одновременно.

Латиносы довольно часто пользуются услугами народных целителей (например, таких как *curandero* – целитель-шаман, исцеляющий при помощи трав, настоев и сверхъестественных сил; *espiritista* – человек, занимающийся спиритизмом; *partera* - повитуха). Самая большая проблема среди испаноязычных американцев – это фатализм, так как многие считают, что некоторые болезни, например, рак, неизлечимы, а посему с самого начала отказываются от лечения.

Иммигранты из стран бывшего Советского Союза имеют смешанное отношение к современной медицине, практикуемой в США. С одной стороны, нельзя отрицать очевидное – люди живут дольше и выглядят

лучше, больницы и клиники прекрасно оборудованы и опрятны, отношение персонала вежливое и внимательное. С другой стороны, существующий биомедицинский подход, основанный на медикаментозном и хирургическом лечении, чужероден для русскоязычной коммуникативной группы.

Славянской общности присуще врожденное недоверие к лекарственной терапии: если прописанное лекарство и применяется, то зачастую прием не доводится до конца и прекращается, как только наступает улучшение; порой самостоятельно снижается дозировка препарата – полтаблеточки вместо целой; увеличивается промежуток между приемами – вместо шести восемь часов; лекарство принимается не систематически, как прописал врач, а «когда заболело».

Директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева, академик РАМН Лео Бокерия в интервью газете «Аргументы и факты» (№ 8, 2009 г., с. 3) сказал: «Мои зарубежные коллеги, которым доводилось оперировать россиян, говорили, что наши больные по степени запущенности могут сравняться лишь с пациентами из Африки. Во многом это объясняется нашими национальными особенностями. Губит нас и такая чисто русская черта, как непоколебимая вера в чудеса. Даже при наличии серьезных заболеваний у нас не любят обращаться к врачам, а консультироваться предпочитают у знахарей и целителей» (Бокерия 2009, с. 3).

Широко распространенная вера в народную медицину является, без сомнения, отличительным культурным фактом наших людей: применение лекарственных препаратов почти всегда подкрепляется (и часто заменяется) употреблением различных народных средств – настоек, отваров, примочек, компрессов, и т.д. Из наиболее популярных – чай с малиной при первых признаках простуды; травяные ингаляции, молоко с медом, полоскания с содой или солью при больном горле; горчичники или горчичный пластырь при заболеваниях верхних и нижних дыхательных путей; «отвар листьев бруслики пьют при отложении солей, артrite, подагре, суставном ревматизме, отеках» (Rin.ru, 2005) и т.д.

Пожалуй, самый популярный журнал среди русскоязычных иммигрантов – это «ЗОЖ» («Здоровый образ жизни»), наполненный рекомендациями, советами, рассказами о чудодейственности того или иного народного средства. Очень популярны ТВ передачи о здоровье и походы к целителям. Интересно заметить, что на приеме у американского врача факт дополнительного приема народных средств обычно не афишируется, вероятно, из-за боязни, что доктор усмотрит в этом некую старомодность, «отсталость» от современности.

2. Биологические различия. Люди, принадлежащие к одной этнической группе часто отличаются биологически (физически и генетически) от представителей другой группы. Установлено, что биологические различия и особенности питания предопределяют

заболевания, характерные для различных этнических групп. Среди американцев европейского происхождения большой процент рака груди, сердечно-сосудистых заболеваний и диабета. «Латиносы подвержены диабету, паразитическим заболеваниям, непереносимости лактозы» считают Максимова, Какорина и Королькова (Maximova, Kakorina and Korolkova 2000). Восточно-славянские народы (русские, украинцы, белорусы) чаще всего умирают от повышенного давления, сердечно-сосудистых болезней, заболеваний верхнего дыхательного тракта (пневмония, бронхит, бронхиальная астма), заболеваний желудочного тракта, диабета.

Маркез П.В. приходит к выводу, что «традиционная русская кухня ведет к потреблению большого количества жиров, соли и углеводов, результатом чего является то факт, что 60% взрослого населения страдают повышенным давлением, высоким содержанием холестерина в крови и излишним весом» (Marquez 2005).

3. Социальная организация. Семья (*нуклеарная семья, неполная семья, расширенная семья*), социальные организации (религиозные или этнические), к которым принадлежит пациент.

Среди белых американцев превалирует нуклеарная семья, состоящая из родителей (родителя) и детей, либо только из супружеских. Связи между поколениями и родственниками некрепкие. Переход от сложной семьи к нуклеарной наблюдается при переходе от традиционного к более современному обществу. Как замечает Дж. Лакманн: «Белые американцы, в отличие от других культур, склонны скорее соперничать друг с другом, чем сотрудничать» (Luckmann, 2000, с. 24). Дети рано становятся независимыми (после окончания школы), родители предпочитают жить отдельно от выросших детей; считается нормальным, когда престарелые родители (старше семидесяти-восьмидесяти) живут либо самостоятельно либо в домах для пенсионеров и пр. Связи между дальними родственниками еще более слабые, ограничивающиеся редкими телефонными звонками и днями «воссоединения семьи» (family reunions). Заболевший член семьи, как правило, окружается кратковременной заботой и вниманием, но для долговременного ухода либо нанимаются сиделки, либо специализированные службы – уход на дому, хоспис и пр.

Жизнь в одном доме с парализованной матерью будет скорее исключением из правил в современной белой семье. Стереотипно культура белых американцев классифицируется как индивидуалистическая, т.е. по определению Роджерса Е.М. «такая, в которой личные цели ценятся выше, чем совместные, коллективные» (Rogers, Steinfatt 1999, с. 86).

Основные религии данной культурной группы – христианство и иудаизм. Церковь является не только религиозным заведением, но и своеобразным клубом по интересам, предлагая все, начиная от занятий хоровым пением, вышиванием, лекций по здоровому образу жизни, до занятий йогой и садоводством. Среди белых американцев, как более

преуспевающей части общества, широко распространено отношение «give back to society» через участие в общественных организациях и волонтерство. С другой стороны, церковь и общественную работу принято рассматривать, в том числе, и как возможности для завязывания связей и установления деловых контактов.

Латиноамериканские культуры – ярко выраженные коллективные культуры. Нуклеарная семья доминирует среди испаноязычных американцев, более того, к семейному ядру добавляются более дальние родственники как по восходящей линии (прапородители, прапрапородители), так и по боковым линиям (различные родственники каждого из супругов). Расширенная семья почти всегда также включает и некровных родственников – *comadrazzo* (крестные отец и мать). Так как семья занимает центральное место в жизни латиноамериканцев, то у постели больного обычно собираются многочисленные родственники, окружая его постоянной заботой и вниманием. Основная религия – католицизм, соблюдение религиозных обрядов и традиций характерно для большинства представителей общности. Латиносы все более активно участвуют в общественных организациях, в основном, направленных на улучшение жизни испаноязычного населения и решения проблем сообщества.

Большинство семей *восточно-славянской коммуникативной общности* состоит из супружеских пар и их детей (нуклеарная семья) и связи между поколениями очень крепки – считается нормальным, когда несколько поколений живут вместе под одной крышей и помогают друг другу. В классической семье мужчина считается главенствующей фигурой, хотя ситуация меняется с ростом благосостояния населения. Исторически восточнославянские народы классифицируются как коллективная культура.

Внутри общности высока жертвенность ради семьи/детей и зависимость от семьи. Многие вопросы, включая образование и работу, решаются совместно с родителями. Ожидается, что родители должны определить будущее детей – платить за образование, помогать с жильем и т.д. Широко распространена взаимопомощь и поддержка между членами семьи. Крайне отрицательное отношение к «сдаче» родителей в дома для престарелых. Активная забота о заболевших членах семьи и родственниках: посещение в больнице, цветы, приготовление «вкусненького», эмоциональная поддержка. Исторически доминирующая религия – православие; среди религиозных беженцев наиболее распространена баптистская вера. В основе обеих – жертвенность, фатализм («как Богу угодно», «на все Божья воля»), терпение («Бог терпел и нам велел»). Очень низкое участие в общественных организациях, практически полное отсутствие волонтерского духа.

4. Общение. Коммуникативные особенности проявляются в различных языках, на которых говорят участники общения, в их вербальном и невербальном поведении, экспрессивности и прямоте речи, а также в

молчании. *Языковой барьер* между различными культурами представляет собой одну из самых серьезных коммуникативных проблем. Как заметил великий Сервантес в бессмертном «Дон Кихоте»: «Перевод с одного языка на другой... это словно взгляд на фламандские gobelены с обратной стороны; потому что хотя все фигуры и различимы, но они полны узелков и нитей, делающих их почти неузнаваемыми, они не передают ни гладкость ни яркость лицевой стороны полотна.»⁷ Таким образом, «от профессионализма переводчика – важного звена в цепи «врач-пациент» - непосредственно зависит достижение удовлетворительного результата как для здравоохранительного учреждения, так и для пациента» (Сметанина-Болдин 2008)

В условиях здравоохранения перевод и общение осложняются наличием медицинской терминологии, технических терминов, сленга, аббревиатур, идиом и пр. Кроме того, каждая коммуникативная общность имеет собственные стандарты вербального общения – выбор слов, громкость и скорость речи, прямота высказывания, допустимая степень эмоциональности.

Речь американцев отличается неформальностью, обилием сокращений, сленга и жаргона. Язык восточно-славянской коммуникативной общности многоуровневый и выбор лексики зависит от ситуации, определяющей степень формальности языка – «Вы/ты», употребление просторечий и сленга, высокопарная речь, вежливость и т.д. Диалог с врачом относится к категории официального общения, где явно выражается уважение и признание авторитета врача. Известное докторское «мы» - *на что мы жалуемся, что у нас болит, давайте попробуем уколычики* – содержит в себе коммуникативный сигнал, что доктор не вполне доверяет пациенту, обращаясь с ним как с ребенком, а также берет часть ответственности за здоровье пациента на себя (Сметанина-Болдин 2007, с. 43).

Традиционно, культуры отличаются степенью *экспрессивности и эмоциональности речи*. Например, американцы европейского происхождения следят за тоном голоса и ценят сдержанность в выражении своих эмоций. В книге «Русские: коммуникативное поведение» отмечается: «Эмоциональная речь занимает очень заметное место в структуре русского общения, причем много разговаривают эмоционально все категории коммуникантов, независимо от их возраста, пола и социального положения. Для русского человека характерно эмоционально реагировать на замечания»(Прохоров & Стернин, 2006, с. 182).

Национальные культуры также отличаются степенью *прямоты речи*. Еще в 1976 в работе «Beyond culture» Эдвард Холл (Hall, 1976, с. 102)

⁷ “Translation from one language into another ... is like looking at Flemish tapestries on the wrong side; for though the figures are visible, they are full of threads that make them indistinct, and they do not show with the smoothness and brightness of the right side.” (Cervantes. Don Quixote)

разделил культуры на культуры *многозначительного и малозначительного контекста* (high and low context), в зависимости от прямоты высказывания и степени значения контекста, т.е. какой объем информации подразумевается контекстом в коммуникативном сообщении в сравнении с тем, какой объем передается открыто и явно.

Коллективные культурные общности, такие как латиноамериканские и восточнославянские народы, относятся к культурам многозначительного контекста, где большое значение придается метакоммуникации – невербальным сигналам, недомолвкам, собеседник должен догадаться сам об истинном значении фразы, многое подразумевается или предполагается. Например, доктор спрашивает: «Можете ли Вы быть беременной?», пациентка-белоруска, вздернув брови, отвечает: «Мне уже 55 лет» Врач должен догадаться, что у нее уже был климакс и о беременности не может быть и речи.

Американцы - представители культуры малозначительного контекста - переходят непосредственно к делу, избегая недомолвок, намеков и «хождения вокруг да около». В переводческой практике автора (Сметанина-Болдин, 2007, с. 12) был случай, когда американский доктор после нескольких вступительных слов объявил русскоязычной пациентке, что у нее рак груди с поражением лимфатической системы и в случае, если также поражена костная система, надежды практически нет никакой. После приема, привыкшая к тому, что русские врачи более тактичны, дипломатичны и обнадеживающи (т.е., многое подразумевается, но не говорится напрямую), присутствующая взрослая дочь больной, обвинила переводчика: «Зачем Вы маме все так прямо сказали, что нельзя было как-то по-другому, не всю правду? Посмотрите, как она расстроилась».

Конечно, переводчик был ни при чем и не мог ни смягчить, ни «придумать» более культурно приемлемый перевод. Однако, из-за незнания американским врачом различий между культурами, коммуникативных допущений, его прямолинейный диагноз прозвучал скорее как смертный приговор, а не как медицинский прогноз о состоянии больной.

Американцы свободно говорят о своих болячках и проблемах даже с незнакомыми людьми, обсуждая вставленные или выпавшие зубные протезы, результаты колоноскопии и частые ночные позывы. Тогда как у русских многие аспекты личного здоровья представляют собой коммуникативные табу при общении с незнакомыми людьми.

Молчание как вербальный коммуникативный сигнал воспринимается по-разному различными культурами: для одних – это вакуум, который необходимо немедленно заполнить словами (американцы), для других – «молчание - золото», «молчание – знак согласия» (латиноамериканцы, славяне). Если русскоязычный пациент молчит, задумавшись над словами американского доктора, то последний воспринимает это как чужеродный сигнал и либо смотрит недоуменно на переводчика – «мол, все ли

понятно», либо начинает повторять только что сказанное, давать дополнительные детали, не осознавая, что молчание – это «мысленный разговор», процесс обдумывания и приемлемый многими культурами элемент общения.

Невербальные сигналы, посылаемые от одного собеседника к другому посредством языка тела, жестов, мимики, пр., по предположениям исследователей (Luckmann 2000, с. 54) составляют более двух третей общения. В арсенале каждой культуры есть набор невербальных коммуникативных признаков, большинство из которых достаточно стандартны. Например, при помощи рта и бровей люди выражают удивление, гнев, удовольствие и страх; руками показывают открытость или угрожают. Русские говорят, что «глаза – это зеркало души», американская поговорка вторит «the eyes are the windows of the soul». И американцы и русские считают, что если человек избегает смотреть в глаза собеседнику, то человек либо что-то скрывает, либо обманывает. В обеих культурных общностях есть выражение «Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю!» (Look at me when I talk to you!)

При проведении психологического тестирования, медики обычно указывают как отрицательный признак: «Избегает смотреть в глаза.» Однако же в некоторых азиатских, мусульманских культурах, а также среди индейского населения прямой долгий взгляд считается грубостью и вторжением в личную жизнь. В западной культуре долгий безотрывный взгляд, особенно сопровождающийся прикосновением, может трактоваться как интимный сигнал, поэтому американским врачам рекомендуется, производя процедуры или осмотры, требующие контакта с телом пациента, избегать подобного долгого взгляда.

5. **Дистанция.** Личное пространство и территориальность подразумевает отношение людей к пространству вокруг них и определяется стандартами данной культуры. Существует, как минимум, несколько зон, определяющих различные виды дистанций-пространств и указывающих на приемлемое коммуникативное поведение в данных зонах:

а) *Интимная зона*: до 0,5 метра. В этой зоне обычно находятся очень близкие люди. Медработники приближаются на данное расстояние, когда проводят медпроцедуры, кормят, купают, ухаживают за пациентом.

б) *Личная*: от 0,5 до 1,2 м. Эта зона отведена для друзей. Доктор, беседуя с пациентом, часто находится на данном расстоянии.

в) *Социальная*: от 1,2 м до 3,6 м. Социальная зона отведена для ежедневного делового общения.

г) *Общественная*: от 3,6 м и более. Это зона для лекций и публичных выступлений.

Американцы европейского происхождения обычно следуют правилу вытянутой руки: внутри – личная зона, за вытянутой рукой – социальная. Нарушение общепринятой дистанции воспринимается как вторжение в личное пространство и вызывает дискомфорт и даже раздражение.

Американцы начинают пятиться назад, пока не оказываются загнанными в угол. Латиноамериканцы часто воспринимают подобное поведение как высокомерие, неприязнь, недружелюбие. Русские, украинцы, белорусы при общении находятся намного ближе к собеседнику, чем американцы, и считают в порядке вещей «дышать в затылок» друг другу в общественных местах, таких как очереди или общественный транспорт. У пациентов, незнакомых с правилом вытянутой руки, может возникнуть впечатление, что американский доктор брезгует или боится заразиться.

6. Временная ориентация. Восприятие времени в настоящем, прошлом и будущем отличается среди различных социокультурных общностей.

Ориентированные на будущее культуры ставят долгосрочные цели и принимают меры по укреплению здоровья сегодня для профилактики и предотвращения заболевания в будущем. К этой категории относятся большинство американцев европейского происхождения.

Представители *ориентированных на настоящее* культур больше заняты настоящим, чем будущим, могут опаздывать на приемы к врачу, так как не планируют визит заранее. В целом, испаноязычные американцы и восточные славяне – общности, живущие настоящим днем, не склонные к долговременному планированию.

Разное отношение ко времени у двух различных коммуникативных общностей очень четко передано, с одной стороны, американской пословицей «time is money» (время - деньги) и, с другой стороны, русским выражением «море времени». Медперсонал должен понимать, что многие культуры воспринимают время как неиссякаемый источник, поэтому не всегда могут вписаться в отведенные 10-15 минут приема, так как, во-первых, могут опоздать на прием, во-вторых, приходят на прием неподготовленными (какие вопросы задать доктору, что конкретно беспокоит, какие медикаменты уже принимаются, и т.д.), в-третьих, любят долгие вступления, восходящие порой ко временам младенчества, и имеют тенденцию к «разговору по душам». Однако, как замечают И.А.Стернин и З.Д.Попова: «Вместе с тем, такие русские коммуникативные категории как *общение, разговор по душам, выяснение отношений* отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайнем мере, европейских)» (Попова, Стернин 2007, с. 34). Американский доктор, каждая минута времени которого дорога, пытаясь добраться до сути дела как можно скорее, в глазах русскоязычного пациента выглядит невнимательным, равнодушным, торопливым, и даже непрофессиональным.

Представленный контрастивный анализ коммуникативного поведения сосуществующих этнокультур - американской, латиноамериканской и восточнославянской общин - в сфере здравоохранения США подтверждает, как важна культурная компетенция и знание особенностей национального и менталитета сторон, вступающих в общение, для

успешного преодоления коммуникативных барьеров и достижения ожидаемого результата от дискурса.

Цитируя З.Д.Попову и И.А.Стернина: «Коммуникативное сознание народов демонстрирует значительное национальное своеобразие, обуславливающие особенности коммуникативного поведения. Знание этих особенностей дает возможность лучше понять ... и эффективнее решать проблемы межкультурной коммуникации, потребность в которой в наше время становится все более актуальной» (Попова, Стернин 2007, с. 57).

Galanti, G. Caring for patients from different cultures: Cases studies from American hospitals. Philadelphia, PN: University of Pennsylvania Press, 1991. 296c.

Geiger J.N., Davidhizar R.E. Transcultural Nursing Assessment and Intervention. St. Louis: Mosby, 1995. 102 c.

Hall E. T. Beyond Culture. New York: Doubleday, 1976. 320 c.

Kaiser H. J. Race, Ethnicity and Medical Care: A Survey of Public Perceptions and Experiences. Menlo Park, CA: Henri J. Kaiser Family Foundations, 1999. <http://www.kff.org/>.

Luckmann Joan. Transcultural Communication in Health Care. Canada: Delmar, Thomson Learning, 2000. 320 c.

Marquez P.V. Dying too young: Addressing premature mortality and ill-health due to non-communicable diseases and injuries in the Russian Federation// Washington, DC: World Bank, 2005.

Maximova T.M., Kakorina E.P., Korolkova T.A. Morbidity of Russia's population and its regional peculiarities//Tripod. 07 октября 2000 г. <http://tokourov.tripod.com/progntr.htm> (дата обращения: 2 декабря 2008 г.).

Rin.ru. Здоровье //2005. <http://health.rin.ru/>

Rogers Everett M., Steinfatt Thomas, M. Intercultural Communication. Prospect Heights, IL: Waveland Press, Inc., 1999. 292 c.

Smetanina-Baldwin Y. Interpreter use in patient-doctor communication / Y. Baldwin//Panorama Charlotte. USA. - 2007. - № 6. - С. 43-45.

Spector Rachel E. Culture Care Guide to Heritage Assessment and Health Traditions// Upper Saddle River, NJ: Pearson Education LTD, 2004. 49c.

Бокерия, Л. Спите, ешьте и пейте! //Аргументы и факты. – Москва: ЗАО «Аргументы и факты», 2009. - № 8 (1477). - С. 3.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. - Москва: Флинта. Наука, 2006. - 326 с.

Сметанина-Болдин Ю.В. Кросс-лингвистическое межкультурное общение и роль медицинского переводчика в преодолении вербальных и невербальных коммуникативных барьеров // Вестник МГУ/ Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Москва: МГУ, 2008. - № 4.

Сметанина-Болдин Ю.В. Особенности лингвистического и социокультурного менталитета, влияющие на здоровье людей (на примере американской, афроамериканской, латиноамериканской и восточнославянской коммуникативных общностей) // Вестник НГУ/ Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Новосибирск: Из-во Сибирского отделения РАН, 2009. - № 1.

Сметанина-Болдин Ю.В. Медицинский переводчик как участник межкультурной коммуникации // Коммуникативные исследования 2008. - Воронеж: «Истоки», 2008. - С. 83-93.

Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования// Русское и финское коммуникативное поведение. -Вып.1. Воронеж, 2000.- С. 4-20.

А.О. Стеблецова

Коммуникативное взаимодействие врача и пациента в англоязычном медицинском дискурсе

Медицинский дискурс – речемыслительная деятельность в профессиональной сфере медицинской практики, осуществляемая непосредственными участниками этой сферы в соответствии с устойчивыми формами, жанрами и другими параметрами коммуникации.

Врачи как непосредственные участники медицинского дискурса идентифицируют себя с этой системой, их профессиональные социокультурные и коммуникативные знания во многом обуславливают выбор определенных дискурсивных стратегий в рамках тех или иных дискурсивных событий. Пациенты, которые в свою очередь также являются участниками большинства дискурсивных событий медицинского дискурса, отличаются от врачей уже тем, что являются членами других профессиональных дискурсивных систем, а дискурсивная роль пациента не является маркером их самоидентификации.

Таким образом, эта явная асимметрия дискурсивных позиций участников требует особых усилий по достижению коммуникативного взаимодействия в медицинском дискурсе. И в настоящей статье мы рассмотрим, какими способами и какими стратегиями достигается коммуникативное взаимодействие «врач–пациент» в англоязычном медицинском дискурсе.

Следует отметить, что коммуникативная компетенция врача в Соединенном Королевстве является необъемлемой частью его профессиональной компетенции. Так, некоторые категории врачей-иностранцев, получивших образование на родине, но желающие практиковать в Соединенном Королевстве, должны сдать Professional and Linguistic Assessment Board (PLAB) test – экзамен, тестирующий клинические и лингвистические навыки врача. Первая часть этого экзамена проверяет языковую и коммуникативную компетенцию специалиста, а вторая - его медицинскую подготовку (Glendinning 2007.)

На наш взгляд, это свидетельствует о большом значении, которое придается коммуникативной компетенции врача в англоязычном медицинском дискурсе.

Устный медицинский дискурс реализуется в частности в таких дискурсивных жанрах как медицинская консультация (первичная и вторичная) medical interview, медицинский осмотр medical examination и др. На примере этих дискурсивных жанров можно наблюдать некоторые

особенности коммуникативного взаимодействия «врач–пациент» в англоязычном медицинском дискурсе (Tannen 1999).

Воспользуемся традиционными для теории дискурсивного анализа параметрами описания дискурсивного события (Scollon R., Scollon S. 2001) для рассмотрения медицинской консультации medical interview.

Медицинская консультация medical interview происходит в пространственном и временном **контексте**: в определенном *месте* – медицинском учреждении (кабинет врача общей практики General Practitioner (GP)'s surgery, поликлиническое отделение больницы Outpatient Department и др.) в заранее назначенное *время*. Стоит отметить, что в англоязычном медицинском дискурсе особое значение имеет какой проксемический параметр как *положение коммуникантов* по отношению к друг другу. Так, в британской медицинской культуре наиболее оптимальным считается положение врача и пациента, находящихся друг напротив друга на расстоянии 4-6 футов (120 - 180 см) и не разделенных преградой (в виде стола, например). В американской медицинской культуре минимальное расстояние между врачом и пациентом может быть значительно короче, около 3-х футов (около 1 метра, McCullagh M., Wright R. 2008)

Цель медицинской консультации medical interview зависит от ее типа (первичная или вторичная, плановая или экстренная) и от других особенностей. Так, в случае первичной медицинской консультации целью является сбор информации по истории болезни, выявление основных симптомов заболевания. **Темой** медицинской консультации medical interview является заболевание и его симптомы, а **жанром** – беседа врача с пациентом. Медицинская консультация medical interview проходит, как правило, в доброжелательной, дружелюбной и уважительной по отношению к пациенту **тональности**, создание которой во многом зависит от врача. Основные **участники** медицинской консультации medical interview – врач и пациент; возможные участники – коллеги врача, студенты – интерны, родственники пациента.

Данное дискурсивное событие проходит в **устной форме**, однако в течение беседы врач заполняет историю болезни пациента, таким образом, создается текст. Первичная медицинская консультация medical interview имеет определенную **последовательность** интерактивного взаимодействия, а также **тематическую организацию**, т.е. сбор информации по истории болезни обязательно включает в себя следующие тематические фрагменты (Glendinning E. H., Howard R. 2007):

- личные данные - personal details
- жалобы в настоящий момент - presenting complains
- прошлая медицинская история - past medical history (PMH)
- история приема медицинских препаратов - drug and medication history
- медицинская история семьи - family history
- социальная история - social history

- обсуждение мыслей, тревог, ожиданий пациента, связанных с заболеванием - patient ideas, concerns and expectations (ICE)
- обсуждение состояния здоровья - review of systems.

Отдельным этапом является медицинский \ физический осмотр пациента -physical examination, который может считаться отдельным дискурсивным событием и заслуживает особого рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

В случае первичной медицинской консультации перед врачом стоит ряд сложных коммуникативных задач: установить контакт с пациентом, расположить его к себе, постараться вызвать к себе доверие, снять психологическое напряжение, разрушить коммуникативные барьеры, например, заставить говорить о болезненных, неприятных, трагических моментах своей медицинской истории или истории своих близких. Как свидетельствуют практикующие врачи, пациенты могут забывать о детских болезнях или скрывать некоторые неприятные или трагические факты относительно своего здоровья. Поэтому компетентный врач использует определенные дискурсивные стратегии и приемы для решения вышеназванных задач.

В начале консультации часто используется *introductory «small talk»* - короткая интеракция, целью которой является установление контакта с пациентом (т.е. *breaking the ice*).

1.

Doctor. Good afternoon, Mrs. Cavernough. *Am I pronouncing your name (you) correctly?*

Patient. Yes, that's right.

Doctor.. Dr. Simpson has referred you to me for further investigations. I would like to spend five minutes with you to ask you some questions. *Is that OK?*

2.

Doctor. Ah, good morning, *Mr. McCarter, isn't it? Come in and have a seat.*

Patient. Yeh, right.

Doctor. *Sorry to have kept you waiting, Mr. McCarter.*

Patient. Thank you, Doctor. You know, I've been sitting here for nearly an hour.

Doctor. *Yes, I do apologise.* We are running a little late this morning.

Patient. That's right, can't be helped, Doctor.

3.

Doctor. Ah, good morning, Mr. Hudson. *I see from your card that you've just moved into the area.* Perhaps, you could tell me a little about your previous health, as I won't get your record for another month or two and then we can do with you present problem.

Patient. Well, yes. I ...

В ходе такого фатического обмена с помощью речевых \ дискурсивных актов уточнения (*Mr. McCarter, isn't it?*), РА приглашения *Come in and*

have a seat , констатирующих речевых актов *I see from your card that you 've just moved into the area* доктор снимает психологическое напряжение пациента, настраивает его на коммуникативное взаимодействие.

В ходе самого интервью для сбора анамнеза доктор использует широкий диапазон *реквестивных речевых актов*, среди которых часто используются вопросы- побуждения и вопросы – разрешения.

Вопросы–побуждения их семантические варианты:

Could you tell me what you think started it (the pain) off?

Can you describe the pain?

Could you tell me about any illnesses you might have had in the past ?

Perhaps you could tell me a little about your previous health.

Perhaps you could start by telling me about you living situation.

If you could just describe your work for me.

Вопросы–разрешения и их семантические эквиваленты:

Can I ask you how old where you when you gave birth?

Can I ask you to elaborate on those tests a little?

Can I ask you why ? (*you 've been taking antibiotics*)

If you don't mind, Janet, I'm just going to ask you a few questions about your family life.

Do you mind if I take notes while we are talking?

Регулярное использование модальных глаголов *could* и *can* обусловлено принципом вежливости, подчеркнуто уважительным отношением к пациенту. Безусловно, прямые вопросы также используются в ходе беседы. Однако именно косвенные вопросы являются социокультурным и дискурсивным маркером коммуникативного поведения британского врача. В ходе беседы доктор широко использует неполные вопросы и предложения, что помогает ему избегать повторов при однотипных вопросах и создает неформальную дружескую атмосферу.

And what about pets? (= Do you have any pets?)

And any other childhood illnesses?

Когда врач сталкивается с некооперативным поведением пациента (уклонение от ответа, отказ отвечать и т.п.), ему приходится прибегать к особым дискурсивным стратегиям \ приемам.

Рассмотрим фрагмент следующего диалога:

4.

(1) Doctor. Any other visits to the hospital?

(2) Patient. Yes, for the birth of my son... And *a couple of years ago I had to go in for some kind of tests* (произносит очень быстро как нечто не заслуживающее особого внимания)

(3) Doctor. Yes, what kind of tests, Mrs. M/?

(4) Patient. *Don't remember exactly.* (категорично, без колебаний)

(доктор явно не удовлетворен ответом «не помню», однако слегка меняет тему)

(5) Doctor. Can I ask you how old were you when you gave birth?

(6) Patient. Yes, it was just about my forties, so I celebrated it surrounded by diapers that year! (без напряжения, слегка насмешливо)

(7) Doctor. *And back to those tests. Can I ask you to elaborate on them a little?* (быстро, твердо, но вежливо)

(8) Patient. Oh, well, yes, I can. I lost my child, a little girl, apparently ... (как бы сдаваясь, четко, отрывисто, с большим внутренним напряжением)

(9) Doctor. I am sorry to hear that, but I have to ask... (очень сочувственно, мягко, эмоционально)

В данном случае попытка уклониться от коммуникативного взаимодействия со стороны пациентки (4) вызвана ее нежеланием обсуждать трагические моменты жизни (смерть новорожденного ребенка). Дискурсивным приемом доктора является *смена темы*, для чего используется вопрос, стимулирующий приятные воспоминания (5), а затем повторение в перифразированном виде вопроса (7), на который ранее не был получен ответ.

Получив нужную информацию, доктор использует РА извинения (9) и выражает сочувствие пациентке.

В ходе беседы доктор активно использует сигналы, свидетельствующие, что он внимательно слушает пациента: Ah-ha, Yes, I see, Go on. Это является необходимым для успешного коммуникативного взаимодействия, так как в это время доктор заполняет историю болезни, и между ним и пациентом отсутствует визуальный контакт.

Еще одним дискурсивным приемом, способствующим созданию доброжелательной атмосферы, является шутка.

5.

Doctor. Any food allergies?

Patient. Oh, strawberries... weird, isn't it?

Doctor. No, I suppose they are your favourite fruit, too.

Patient. Hah-hah, yeh.

Уточнения, уточняющие повторы также способствуют коммуникативному взаимодействию. Для того чтобы убедиться, что он правильно понял пациента, доктор прибегает к перефразированному повтору слов пациента. Например:

6.

Doctor. What sort of pain?

Patient. Uh, it's like a *pneumatic drill*...

Doctor. So, you have a *constant throbbing sensation*.

В ходе беседы доктор активно использует такую форму аргументации, как объяснение, например - объяснение своих коммуникативных действий. Это также способствует достижению лучшего коммуникативного

взаимодействия, так как позволяет пациенту чувствовать себя полноправным участником профессионального дискурса, а доктору – проявить уважение к своему дискурсивному партнеру.

It'll help me to better assess your current situation.

I'll have to sum up your history briefly to make sure I have all the details correct before we proceed. So, you had...

В целом необходимо отметить, что успешное коммуникативное взаимодействие является залогом достижения основной цели рассматриваемого дискурсивного события - медицинской консультации, а именно, получения достоверной информации по истории болезни пациента. Для достижения этой цели врач – инициативный участник дискурса решает две группы задач: 1) информационные и 2) интеракционные.

Под первыми понимается получение наиболее полных и достоверных сведений по всем темам истории болезни. Под вторыми понимается создание такой коммуникативной и психологической атмосферы, при которой пациент способен предоставить врачу всю необходимую информацию, несмотря на коммуникативные, когнитивные, психологические и другие барьеры.

Для решения первой группы задач врач использует дискурсивную стратегию получения информации (Жура 2008, с. 196), включающую в себя целый спектр риторических приемов:

- вопросы разных видов и типов (прямые, косвенные, вопросы-побуждения, - разрешения, неполные, эхо-вопросы и др);
- уточнения, пояснения, повторы.

Для решения второй групп задач врач использует дискурсивные стратегии солидарности, вежливости, реализующиеся в использовании:

- контактоустанавливающей вводной беседы (introductory «small talk»);
- выражении сочувствия, эмпатии по отношению к пациенту;
- вопросов-побуждений, вопросов-разрешений;
- риторических приемов повтора, перифраза, смены темы.

Легко заметить, что ряд приемов задействуется для решения обеих групп задач, и это совершенно естественно. Используемое нами разделение дискурсивных задач и стратегий для их решение необходимо в целях теоретического анализа, тогда как в естественном дискурсе один и тот же прием может служить реализации нескольких стратегий. Это можно заметить в представленном выше примере диалога 4, когда дискурсивный прием смены темы служил для решению как информационной (получение информации), так и интеракционной (преодоление коммуникативного барьера) задачи.

Таким образом, эффективное коммуникативное взаимодействие в медицинском дискурсе во многом зависит от наличия в коммуникативном арсенале врача целого набора дискурсивных стратегий и приемов, с

помощью которых он инициирует коммуникацию, контролирует ее ход и достигает желаемых результатов.

Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19/ Жура Виктория Валентиновна. – Волгоград: Волгоградский гос. пед.ун-т, 2008. – 407 с.

Scollon R., Scollon S. W. Intercultural Communication. A Discourse Approach. Sec. ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2001.- 316 с.

Tannen D., Wallat C. Interactive Frames And Knowledge Schemas in Interaction: Examples from A Medical Examination / Interview // The Discourse Reader, ed. Jaworsli A. , Coupland N. London and New York: Routledge, 1999. – P. 346 -366.

Glendinning E. H., Howard R. Professional English in Use. Medicine. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

McCullagh M. , Wright R. Good Practice. Communication Skills in English for Medical Practitioner/ Student's Book, Audio CD set. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Milner M. English for Health Sciences. Student's Book, Audio CD. USA: Thomsom, 2006.

Возрастное коммуникативное поведение

Ю.И.Долгополова

Развитие коммуникативного поведения дошкольника

(на материале развития общения ребёнка от 2 до 5 лет)

Исследование проводилось на материале включенного наблюдения за коммуникативным развитием Дениса К., начиная с 2 и до 5 лет.

Е.Б.Чернышовой и И.А.Стерниным (Чернышова, Стернин 2004) было описано в параметрической форме коммуникативное поведение старших дошкольников. Мы сопоставили данные Е.Б.Чернышовой и И.А.Стернина с наблюдениями над коммуникативным поведением Дениса К.

Результаты наблюдений представлены в таблицах, разработанных Е.Б.Чернышовой.

Общительность (контактность)

Название параметров, признаки	Старшие дошкольники	Денис К.
1	2	3
Общительность со сверстниками	очень высокая	высокая
Общительность с близкими взрослыми	очень высокая	очень высокая
Общительность с посторонними взрослыми	заметная	заметная
Свобода вступления в контакт со сверстниками	очень высокая	высокая

Свобода вступления в контакт с близкими взрослыми	высокая	очень высокая
Свобода вступления в контакт с посторонними взрослыми	пониженная	заметная
Свобода подключения к общению ровесников и близких взрослых	очень высокая	очень высокая
Допустимость подключения к общению посторонних взрослых	невысокая	невысокая

Поддержание коммуникативного контакта

1	2	3
Контакт взглядом	факультативен	желателен
Допустимость длительных пауз в диалоге и полилоге	достаточно высокая	достаточно высокая
Допустимость длительных пауз в монологе	достаточно высокая	заметная
Внимательное слушание сверстников	мало характерно	мало характерно
Внимательное слушание близких взрослых	мало характерно	мало характерно
Внимательное слушание старших детей	мало характерно	мало характерно
Внимательное слушание младших	мало характерно	мало характерно
Внимательное слушание воспитателя	характерно	_____
Внимательное слушание посторонних взрослых	характерно	характерно
Заинтересованность во внимательном слушании	очень высокая	заметная

Коммуникативная приветливость

1	2	3
Доброжелательность приветствия сверстников	пониженная	высокая
Доброжелательность приветствия взрослых	заметная	высокая
Бытовая	пониженная	высокая

Этикетность

1	2	3
Вежливость к сверстникам	низкая	пониженная
Вежливость к младшим детям	пониженная	заметная
Вежливость к старшим детям	низкая	пониженная
Вежливость к родителям	заметная	очень высокая
Вежливость к бабушке и дедушке	пониженная	высокая
Вежливость к знакомым взрослым	высокая	высокая
Вежливость к воспитателю	высокая	_____
Вежливость к незнакомым	заметная	заметная

1	2	3
взрослым		
Допустимость грубости	высокая	невысокая
Допустимость перебивания сверстников	очень высокая	высокая
Допустимость перебивания взрослых	высокая	высокая

Тематическая направленность общения

1	2	3
Круг тематики общения	достаточно широкий	очень широкий
Круг обсуждаемой информации с матерью	достаточно широкий	очень широкий
Круг обсуждаемой информации с отцом	достаточно широкий	достаточно широкий
Круг обсуждаемой информации с бабушкой	достаточно широкий	достаточно широкий
Круг обсуждаемой информации с дедушкой	неширокий	достаточно широкий
Круг обсуждаемой информации со сверстниками	достаточно широкий	достаточно широкий
Круг обсуждаемой информации с младшими детьми	неширокий	неширокий
Круг обсуждаемой информации со старшими детьми	неширокий	неширокий
Круг обсуждаемой информации со знакомыми взрослыми	неширокий	достаточно широкий
Круг обсуждаемой информации с воспитателем	достаточно широкий	_____
Круг обсуждаемой информации с посторонними взрослыми	узкий	неширокий
Стремление к постоянному получению новой информации	очень высокое	очень высокое
Стремление к передаче полученной информации	высокое	очень высокое
Недоверие к информации, полученной от сверстника	выраженное	выраженное
Инициативность в получении новой информации от взрослых	высокая	очень высокая
Доля тематических табу в общении со сверстниками	заметная	незначительная
Доля тематических табу в общении со взрослыми	заметная	незначительная
Речевые табу в общении со взрослыми	наличие	наличие
Речевые табу в общении со сверстниками	наличие	наличие
Возрастные формы табу	наличие	наличие

1	2	3
Невербальные формы табу	наличие	наличие
Доля табу в общении мальчиков	заметная	незначительная
Оценочность общения со сверстниками	очень высокая	очень высокая
Оценочность общения со взрослыми	заметная	заметная
Невербальные формы оценки	наличие	наличие
Комплиментарность общения с близкими взрослыми	пониженная	высокая
Комплиментарность общения с посторонними взрослыми	пониженная	пониженная
Комплиментарность общения со сверстниками	пониженная	пониженная
Доля юмора в общении	заметная	высокая
Принятая тематика анекдотов	достаточно широкая	узкая
Принятая тематика весёлых историй	неширокая	неширокая
Любовь к рассказыванию анекдотов сверстникам	ярко выраженная	невыраженная
Любовь к рассказыванию анекдотов взрослым	заметная	невыраженная
Стремление к творческой переработке известных анекдотов	высокое	отсутствие
Интимность обсуждаемой информации с матерью	очень высокая	очень высокая
Интимность обсуждаемой информации с воспитателем	высокая	_____
Интимность обсуждаемой информации с отцом	пониженная	заметная
Интимность обсуждаемой информации с бабушкой	высокая	высокая
Интимность обсуждаемой информации с дедушкой	пониженная	пониженная
Интимность обсуждаемой информации с посторонними взрослыми	низкая	отсутствие
Интимность обсуждаемой информации со сверстниками	низкая	низкая
Стремление к разговору "по душам"	высокое	высокое
Дискуссионность общения со сверстниками	очень высокая	заметная
Дискуссионность общения с близкими взрослыми	заметная	высокая
Дискуссионность общения с посторонними взрослыми	низкая	низкая
Сосредоточенность спора на решении проблемы	низкая	низкая
Широта обсуждаемой проблематики с ровесниками	низкая	заметная
Широта обсуждаемой проблематики с близкими	высокая	очень высокая

1	2	3
взрослыми		
Широта обсуждаемой проблематики с посторонними взрослыми	низкая	низкая
Искренность в общении	очень высокая	очень высокая
Откровенность в общении со сверстниками	заметная	высокая
Откровенность в общении с близкими взрослыми	высокая	очень высокая
Откровенность в общении с посторонними взрослыми	заметная	заметная

Регламентированность

1	2	3
Стремление к неформальному общению в официальной обстановке	высокое	высокое
Приоритетность неформального общения со сверстниками	выраженная	заметная
Приоритетность неформального общения с посторонними взрослыми	выраженная	выраженная
Эффективность официального общения со сверстниками	невысокая	невысокая

Коммуникативная самоподача

1	2	3
Выраженность самоподачи со сверстниками	агрессивная	заметная
Выраженность самоподачи с детьми старшего возраста	достаточно агрессивная	отказ от самоподачи
Выраженность самоподачи с детьми младшего возраста	заметная	заметная
Выраженность самоподачи с близкими взрослыми	заметная	заметная
Выраженность самоподачи с посторонними взрослыми	диффузная	заметная
Невербальные формы самоподачи	наличие	наличие
Выраженность самоподачи у мальчиков	агрессивная	_____
Самопрезентация при общении с близкими взрослыми	активная	активная
Самопрезентация при общении с посторонними взрослыми	активная	активная
Самопрезентация при общении со сверстниками	агрессивная	сдержанная

Коммуникативное давление

1	2	3
Стремление к модификации	очень высокое	высокое

поведения сверстника		
Стремление к модификации поведения близких взрослых	пониженное	высокое
Стремление к модификации поведения посторонних взрослых	низкое	низкое
Стремление к изменению у собеседника представлений о мире	заметное	заметное

Коммуникативная доминантность

1	2	3
Выраженность коммуникативной доминантности	ярко выражена	высокая
Допустимость вмешательства в общение сверстников	очень высокая	заметная
Допустимость вмешательства в общение близких взрослых	достаточно высокая	очень высокая
Стремление к паритетности в общении	очень высокое	пониженное

Конфликтность

1	2	3
Стремление к достижению компромисса в общении со сверстниками	низкое	низкое
Стремление к достижению компромисса в общении с близкими взрослыми	заметное	высокое
Стремление к достижению компромисса в общении со старшими и младшими братьями и сестрами,	пониженное	пониженное
Публичное обсуждение разногласий	допустимо	допустимо
Любовь к критике	выраженная	ярко выраженная
Допустимость критики взрослых	невысокая	невысокая
Допустимость эмоционального спора со сверстниками	очень высокая	высокая
Допустимость эмоционального спора с близкими взрослыми	заметная	высокая
Допустимость эмоционального спора с посторонними взрослыми	отсутствие	низкая
Категоричность выражения несогласия	высокая	высокая
Антиконфликтная тематика в общении со сверстниками	редко используется	редко используется
Антиконфликтная тематика в общении с близкими взрослыми	достаточно широко используется	очень широко используется
Антиконфликтная тематика в общении с посторонними взрослыми	очень широко используется	очень широко используется
Настаивание на своей позиции	очень широко	достаточно широко

	используется	используется
Категоричность формулирования проблем	очень широко используется	достаточно широко используется
Допустимость инакомыслия в кругу сверстников	осуждается	допускается
Допустимость инакомыслия при общении со взрослыми	допускается	допускается

Фактор выхода из коммуникации

1	2	3
Ориентация на сохранение лица собеседника-сверстника	низкая	низкая
Ориентация на сохранение лица собеседника-взрослого	высокая	ярко выраженная
Возможность внезапного выхода из коммуникации	заметная	пониженная

Эмоциональность

1	2	3
Эмоциональность общения со сверстниками	очень высокая	высокая
Эмоциональность общения с близкими взрослыми	очень высокая	очень высокая
Эмоциональность реагирования на замечания и требования сверстников	очень высокая	очень высокая
Эмоциональность реагирования на замечания и требования близких взрослых	высокая	заметная
Эмоциональность реагирования на замечания и требования посторонних взрослых	пониженная	низкая
Стремление к эмоциональной оценке	очень высокое	очень высокое
Стремление к гиперболизации выражения своих чувств	очень высокое	очень высокое
Эмоциональность реагирования на неадекватное поведение сверстников	очень высокая	высокая
Эмоциональность реагирования на неадекватное поведение близких взрослых	низкая	пониженная
Эмоциональность реагирования на неадекватное поведение посторонних взрослых	низкая	низкая

Коммуникативный самоконтроль

1	2	3
Допустимость критики собственного поведения	низкая	заметная
Допустимость критики своей	низкая	заметная

1	2	3
речи		
Стремление к положительной самооценке	очень высокое	очень высокое
Прогнозирование результатов собственного коммуникативного поведения	низкое	высокое

Предпочитаемый круг общения

1	2	3
Предпочтение общения со сверстниками	ярко выражено	ярко выражено
Предпочитаемые группы общения	один собеседник	малая группа
Стремление к общению с постоянным кругом сверстников	мало характерно	характерно
Стремление к общению с близкими взрослыми	характерно	характерно
Стремление к общению с детьми старшего возраста	ярко выражено	заметное
Предпочтение определённого пола собеседника	ярко выражено	не выражено

Коммуникативная дистанция

1	2	3
Стремление к сокращению дистанции общения	очень высокое	высокое
Дистанция общения в ситуации предметной игры	сверхкороткая	сверхкороткая
Дистанция общения в стандартных коммуникационных ситуациях	диффузная	средняя
Стремление к сокращению дистанции в ситуации подвижной игры	ярко выражено	ярко выражено
Дистанция общения при дружеских отношениях со сверстниками	сверхкороткая	сверхкороткая
Дистанция общения при нейтральных отношениях со сверстниками	средняя	средняя
Дистанция общения при негативных отношениях со сверстниками	диффузная	большая
Дистанция общения девочек и мальчиков	диффузная	сверхкороткая
Дистанция общения с взрослыми	диффузная	короткая
Зависимость выбора дистанции общения от эмоционального состояния	ярко выражена	ярко выражено

Зависимость выбора дистанции общения от физического состояния	ярко выражена	ярко выражена
---	---------------	---------------

Физический контакт

1	2	3
Частота физического контакта на различных этапах взаимодействия коммуникантов	высокая	высокая
Стремление к использованию физического контакта как индикатора типов отношений	характерно	мало характерно
Использование физического контакта как средства выражения отношения к собеседнику	достаточно часто используется	редко используется

Жестикуляция

1	2	3
Интенсивность жестикуляции	очень высокая	низкая
Размах жестикуляции	широкая амплитуда	неширокая амплитуда
Эмоциональность жестикуляции	высокая	пониженная
Модальность жестикуляции	наличие	наличие
Возрастные эмоциональные жесты	наличие	наличие

Мимика

1	2	3
Интенсивность мимики	высокая	высокое
Искренность мимики	очень высокая	очень высокая
Стремление к использованию мимических масок	заметное	заметное
Спонтанность мимики	заметная	заметная

Громкость

1	2	3
Громкость ведения разговора	повышенная	очень высокая
Возможность повышения громкости речи	очень высокая	очень высокая

Темп

1	2	3
Темп ведения разговора	заметный	средний
Возможность повышения темпа речи	высокая	невысокая

Участие невербальных средств в общении

1	2	3
Допустимость использования зрительного контакта вместо стандартных этикетных формул	заметная	достаточно высокая
Стремление к замене речи жестами	заметное	пониженное
Стремление к замене речи мимическими сигналами	заметное	низкое

Проведённое сопоставление показывает, что различия в развитии коммуникативных навыков у младшего и старшего дошкольника есть, но не очень большие. Они проявляются в основном в общении с взрослыми и сверстниками. В целом эти различия таковы:

у младшего школьника несколько ниже общительность со сверстниками, свобода вступления в контакт со сверстниками, допустимость длительных пауз в монологе, заинтересованность во внимательном слушании, допустимость грубости и перебивания сверстников;

меньше доля тематических табу в общении со сверстниками, взрослыми, в общении мальчиков;

уже тематика анекдотов, весёлых историй;

ниже любовь к рассказыванию анекдотов сверстникам и взрослым; стремление к творческой переработке известных анекдотов; интимность обсуждаемой информации с посторонними взрослыми; дискуссионность общения со сверстниками, приоритетность неформального общения со сверстниками;

меньше выраженность самоподачи со сверстниками, с детьми старшего возраста; ниже самопрезентация при общении со сверстниками; меньше стремление к модификации поведения сверстников;

ниже выраженность коммуникативной доминантности, допустимость вмешательства в общение сверстников, стремление к паритетности в общении, допустимость эмоционального спора со сверстниками, категоричность формирования проблем, эмоциональность общения со сверстниками, эмоциональность реагирования на замечания и требования близких и посторонних взрослых, эмоциональность реагирования на неадекватное поведение сверстников;

меньше стремление к общению с детьми старшего возраста, предпочтение собеседника определённого пола, стремление к сокращению дистанции общения, меньше дистанция общения в стандартных коммуникационных ситуациях, дистанция общения девочек и мальчиков и со взрослыми, дистанция общения при негативных отношениях со сверстниками и взрослыми;

ниже возможность внезапного выхода из коммуникации, стремление к использованию физического контакта, интенсивность жестикуляции,

эмоциональность жестикуляции, темп ведения разговора, возможность повышения темпа речи, стремление к замене речи жестами и мимическими сигналами.

У Дениса. К. выше свобода вступления в контакт с близкими и посторонними взрослыми, контакт взглядом, коммуникативная приветливость; вежливость к сверстникам, к старшим и младшим детям, к родителям, бабушке и дедушке;

больше круг тематики общения, круг обсуждаемой информации с матерью, с дедушкой, с посторонними взрослыми;

выше стремление к передаче полученной информации, инициативность в получении новой информации от взрослых, комплиментарность в общении, интимность обсуждаемой информации с отцом, дискуссионность общения с близкими взрослыми, широта обсуждаемой проблематики и откровенность в общении с ровесниками, с близкими взрослыми;

выше стремление к модификации поведения близких взрослых, стремление к достижению компромисса в общении с близкими и посторонними взрослыми, любовь к критике, допустимость эмоционального спора с близкими и посторонними взрослыми, антikonфликтная тематика в общении с близкими взрослыми, допустимость инакомыслия в кругу сверстников, ориентация на сохранение собеседника-взрослого;

Больше допустимость критики собственного поведения, своей речи, прогнозирование результатов собственного коммуникативного поведения, стремление к общению с постоянным кругом сверстников, громкость ведения разговора, допустимость использования зрительного контакта.

Наше исследование показало, что развитие общения ребенка в этом возрасте возможно только в тесной связи с взрослыми. Недостаток такого общения существенно сказывается на развитии у детей речи и психики. При этом в развитии речи ребёнка участвуют все окружающие, а в развитии коммуникативных навыков наиболее важной оказывается семья.

Основные черты динамики коммуникативного развития Дениса в течение 3 лет таковы. В ситуации обращения в возрасте от 2 до 3 лет у Дениса К. преобладали краткие формы слов (*ба, ма, па, дед*). От 3 до 4 лет начал называть собеседников по имени, иногда с отчеством, (*Алёха, Танюш, Надюха, Ванюха, Серёга, Зоя, Нина Еголовна, Алексей Иванович*). С 4 до 5, когда речь уже практически сформировалась, Денис обращается к своим сверстникам по имени, к людям старшего поколения (а именно к бабушкам и дедушкам) чаще всего тоже по имени. К своим родителям он обращается с помощью своих придуманных слов: *милух, кисмет, киташа* (к маме), папу называет *папусёк, папулёк*. К родным тётям обращается при помощи присоединения уменьшительно ласкательного суффикса: *Танечка, Олечка, Танюшка, крёсенка*.

В ситуации приветствия также наблюдалась динамика развития коммуникативных навыков. Изменения происходили следующим образом:

сначала он говорил *привет* или *как дела* (от 2 до 3 лет), позже стал приветствовать вопросами *а где Надюха? ты где так долго была* (от 3 до 4 лет). С папой и дедушками здоровается рукопожатием.

В 4 года он чаще всего бежит навстречу, обнимает, иногда целует. В возрасте от 4 до 5 лет его приветствие практически не изменилось. Он также здоровается рукопожатием, может обнять и поцеловать при встрече, но чаще всего приветствует уже словом *привет*. Никогда при встрече уже не использует вопросительные конструкции (*а где Надюха?*).

В ситуации приветствия по телефону выполняет следующие действия: берёт трубку, говорит *алё*, потом *привет*. До 4 лет Денис поднимал трубку и спрашивал *хто это*. На этом примере видно, что коммуникативное развитие ребёнка не стоит на месте.

В ситуации просьбы Денис пользуется различными способами: от простого *пожалуйста* до *косвенной просьбы* (уже в три с половиной годика). Невербальное общение тоже присутствовало при просьбе. Чаще он использовал мимику и поцелуй. Реже обнимал + *пожалуйста*.

От 4 до 5 лет он тоже использует слово *пожалуйста*, но чаще всего применяет многократное повторение междометия *ну*, при этом смотрит грустным взглядом. Косвенная просьба в этом возрасте также осталась *а нельзя ли было бы к Зое пойти кино посмотреть?*

С каждым годом становится разнообразнее круг его вопросов. Сначала его интересовало как что называется или почему надо делать так, а не по-другому (от 2 до 3 лет). С 3 лет он начал делать самостоятельные выводы на основе полученной информации и интересовался родословной (а именно как звали мам, пап, бабушек и дедушек, есть ли у них братья и сёстры, где они находятся в данный момент), откуда он у нас появился. В возрасте от 4 до 5 лет проявлял интерес к будущему (как будут звать его жену, кем он будет работать). В 3 года появилась потребность кого-то учить, делать замечания (как детям, так и взрослым). Начинает хвалить (*ты больше всех умеешь супчик варить*), делать комплименты (*кис, какая ты у меня красивая*), пожалеть (*мам, успокойся всё будет хорошо*), интересоваться здоровьем (*ты как себя чувствуешь?*). В возрасте от 4 до 5 лет его рассуждения и вопросы стали более серьёзными. Чаще всего он задумывается на тему своего будущего (где он будет жить, как жену будут звать, кем станет работать, когда у него появится братик или сестричка, кто такой Бог).

В ситуации извинения в возрасте от 3 до 4 лет преобладали слова *прости, извини*. С 4 до 5 лет (и на данный момент) его извинение сопровождается каким-либо действием (объятия, поцелуй).

Тематика общения Дениса разнообразна. От 2 до 3 лет разговаривал в основном о том, как что делать (куда поставить чашки, куда надо позвонить). С 3 до 4 лет основная тема в общении у него была тема будущего (когда у него появится братик или сестричка, как будут звать его жену). От 4 до 5 лет с друзьями он в основном обсуждает мультики, игры,

друг друга, кому что покупают родители. С людьми старшего поколения Денис может поговорить буквально обо всём. Для него нет запретных тем, которые он не мог бы с нами обсудить. Он всегда рассказывает нам о своих переживаниях, чувствах, каких-то детских проблемах.

Сопоставление с коммуникативным поведением старших дошкольников позволяет представить пути дальнейшего коммуникативного развития младшего школьника. В период старшего дошкольного возраста у него должны:

- повыситься общительность со сверстниками;
- повыситься свобода вступления в контакт со сверстниками;
- снизиться свобода вступления в контакт с близкими и посторонними взрослыми;
- повыситься темп речи;
- повыситься эмоциональность в общении со сверстниками;
- снизиться интимность обсуждаемой информации с близкими и посторонними взрослыми.

Нами проводилось наблюдение за общением ребенка преимущественно с взрослыми людьми и некоторые наблюдения над общением с ровесниками (Денис не ходил в детский садик). Исследование показало, что общение со старшим поколением способствовало более быстрому становлению речи и серьёзности его рассуждений, более эффективному освоению Денисом правил общения.

Исследование и описание коммуникативного поведения Дениса даёт возможность проследить динамику формирования коммуникативного сознания ребенка от 2 до 5 лет: к 4 годам сформировались его основные речевые навыки, а к 5 годам – основные коммуникативные навыки, связанные с общением в социуме. Следовательно, коммуникативные навыки формируются примерно на год позже речевых.

Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. - Воронеж: «Истоки», 2004. - 212с.

К.И.Османова

Экспериментальное исследование взрастных особенностей речи носителей языка

Важной проблемой лингвокриминалистических исследований при выполнении идентификационных и автороведческих экспертиз является установление возраста автора текста.

Лингвокриминастика обладает незначительным объемом сведений о возрастных особенностях речи, и необходимы прежде всего экспериментальные исследования в этой области, тем более что каждое

поколение носителей языка привносит в язык свои особенности и многое сведения о возрастных словах, выражениях и оборотах речи быстро устаревают. Эксперимент позволяет выявить особенности современной речи отдельных возрастных групп.

Мы использовали для исследования метод выявления типичных высказываний, разработанный Еленой Владимировной Харченко, профессором Челябинского ГУ (Харченко 2003). Метод заключается в проведении эксперимента в форме опроса носителей языка, которые получают задание следующего содержания: «Вспомните три наиболее типичных высказывания (фразы), характерные для людей возраста»

Мы исследовали речь носителей языка, принадлежащих к следующим возрастным категориям: школьники - от 13 до 17 лет, молодёжь - от 18 до 25 лет, взрослые - от 26 до 60 лет, пожилые - старше 60 лет.

Респонденты должны были указать в анкетах свой пол и возраст, что давало возможность не только выявить сами языковые выражения определенных возрастных групп, но и определить представления отдельных возрастных групп о языковых особенностях своей и других возрастных групп.

Всего нами было опрошено 113 человек, из которых 23 человека относились к возрастной категории от 13 до 17 лет (11 мальчиков и 12 девочек), 28 человек от 18 до 25 лет (15 парней и 13 девушек), 38 человек от 26 до 60 лет (17 мужчин и 21 женщина), 24 человека старше 60 лет (14 мужчин и 10 женщин).

По итогам проведённого анкетирования школьники от 13 до 17 лет наиболее типичными выражениями первой (своей) возрастной категории (13-17 лет) считают следующие: «круто!», «в рот мне ноги!», «полный отстой», «совсем жопа», «клёво всё!», «потусим?», «ну ты гений прям!!!», «облом», «официально всё», «красавец».

По их мнению, наиболее характерные выражения молодёжи от 18 до 25 лет: «пипец», «ну ты жжёшь», «не базарь так!», «жесть», «приорали», «всё ровно», «ну чё очкуешь», «м..дец», «бля», «пупсик мой».

Типичные выражения взрослых от 26 до 60 лет: «прелестно», «где мои 17 лет...», «пицца ты», «блин горелый», «пошёл на х.», «засранец», «иди учись», «радость моя», «всё для детей», «не такие дела заваливали».

Выражения, свойственные пожилым людям старше 60 лет: «вот раньше...», «чаво?», «вот я в тои годы...», «помянешь мои слова ещё», «демократы с..ные», «скоро пенсия», «ЖКХ дорожает», «ну и времена пошли...», «хвораю сильно», «как дела, милок?».

Молодёжь от 18 до 25 лет выделяет следующие характерные выражения (фразы) школьников от 13 до 17 лет: «кул (круто)», «клёво», «офишель можно», «в рот мне ноги», «вот это жесть», «школа», «пипец», «а мне это надо?!», «у нас на районе», «клёвая киношка».

Молодёжь от 18 до 25 лет, по мнению опрашиваемых этой возрастной категории, часто употребляет такие выражения: «это жесть», «движняки

погонять», «пойдём бухнём?!», «пи...ец какой-то!!!», «так прикольно», «замутить», «не парься», «я в шоке», «я спешу, потом созвонимся», «тусим».

Наиболее типичными выражениями взрослых от 26 до 60 лет анкетируемые 18-25 лет считают следующие: «работать, работать, работать», «дети – цветы жизни», «заработка плата», «финансовый кризис», «мой родненький», «а хрен его знает», «так себе», «ужас какой-то», «деньги – время», «думай, что делаешь».

Для пожилых людей, по их мнению, наиболее характерны такие фразы: «что за молодёжь», «в наше время культуры было больше», «вот это поколение пошло», «в лоб твою мать», «сериал начинается», «вот я в твои годы...», «послушай старших», «пора на похороны копить», «да потихоньку», «развалили страну».

Следующая группа опрашиваемых – это взрослые от 25 до 60 лет. Они выделяют такие типичные выражения школьников от 13 до 17 лет: «прикольно», «клёво», «поиграть в стрелялки», «офишель», «забей на всё», «пипец», «классно», «крутого», «ништяк», «хавать».

Для молодёжи от 18 до 25 лет, по мнению испытуемых, характерны следующие высказывания: «погонять движняки», «блин», «завис в компе», «завис на весь день», «обалдеть выше», «всё зашибись», «клёво», «ёлки-палки», «пипец», «охренеть можно». Для взрослых от 25 до 60 лет, по мнению данной группы испытуемых, свойственны такие фразы: «после вчерашнего как?», «ни хрена себе», «поживём-увидим», «смотреть тошно», «обалдеть можно», «замечательно всё», «на рогах пришёл», «хреновина с морковиной», «блин», «вот это да».

Пожилые люди, по мнению этих испытуемых, чаще всего употребляют следующие выражения: «эх, в наше время...», «Стильна на вас нет», «а вот при коммунистах было лучше», «молодёжь не та», «вот мы, бывало...», «житься от вас нет», «раньше жилось лучше», «ёлки-палки», «квасоль (фасоль)», «Господи! Спаси и сохрани».

Пожилые люди (старше 60 лет), по мнению испытуемых возрастной группы 25-60 лет, выделяют следующие типичные выражения школьников: «вот это клёво», «сидел в компе», «офишель можно», «класс», «крутого всё», «мне до балды», «прикольнулись чуть-чуть», «щас как дам», «училка», «не гони ты».

Для молодёжи, по их мнению, характерны такие фразы: «не лечи», «всё будет супер», «забей на них», «пошли движняки погонять?!», «иди ты туда», «всё круто», «ёлки-палки», «ну, блин, приехали», «мы вчера оторвались», «оторваться помаленьку».

Взрослые люди, по мнению опрашиваемых, часто употребляют такие выражения: «смотреть тошно», «это что-то с чем-то», «пошёл на хрен», «сплошной базар», «фильтрой помаленьку», «ну, блин, приехали», «офишель», «как жизня?», «а хрен его знает!», «ну надо же!».

Для пожилых, по их мнению, наиболее свойственны такие высказывания: «ну его на клеп!», «ну и молодёжь пошла!», «Сталина на вас нет!», «ядрён твою мать!», «скоро пенсия», «молодо-зелено», «ну и времена пошли...», «вот вам и Юрьев день!», «вот в наше время...», «дожить бы...».

По итогам проведённого анкетирования можно сделать следующие выводы.

У школьников от 13 до 17 лет наблюдается жаргонизация языкового сознания, то есть они часто заменяют слова жаргоном (например, говорить – «базарить», весёлый – «прикольный», хорошо – «кайф», думать – «не тупить», еда – «хавчик», друг – «кореш», много – «до фига», обман – «гнать», маленький – «децл», чувство радости от приятных ощущений – «кайф», «завис», испытать наслаждение – «торчать», «кайфовать», «отрываться», похвала – «ништяк», «крутого», «клёво», «классно»). Кроме того, они широко употребляют разговорные и просторечные лексические единицы («придурок», «дурак»), бранную лексику («лошара», «чмо», «дебил»), предельно оценочные высказывания («полный отстой», «оfigенно», «крутого», «улётно», «отпад»). Также могут использовать в своей речи нецензурные выражения.

Молодёжь от 18 до 25 лет также часто употребляет жаргонные лексические единицы («приорали», «не очкуй», «постебались», «гонять движняки», «халява пошла»). Но, по сравнению со школьниками, они гораздо чаще употребляют нецензурные выражения. Кроме того, молодёжь часто употребляет выражения, связанные с принятием алкогольных напитков («надо выпить сёня...», «пойдём бухнём?!», «давай нажрёмся?!») и фразы, экспрессивно оценивающие их отдых и развлечения («приорали», «постебались», «оторвались», «это жесть», «так прикольно», «о, супер», «всё ништяк», «фигово»).

Для взрослых характерно широкое употребление фраз, связанных с заработной платой (деньгами): «маленькая заработка плата», «как бы побольше заработать», «откуда взять денег», «дай денег до получки», «финансовый кризис». Часто встречаются выражения, связанные с семьёй, детьми («мой сын (дочь)...», «всё лучшее детям», «всё для детей», «дети – цветы жизни») и высказывания с сожалением о возрасте («стареем...», «где мои 17 лет?», «старость – не радость», «кризис среднего возраста»). Также люди от 26 до 60 лет, по мнению анкетируемых, употребляют нецензурные выражения.

Для пожилых носителей языка характерны фразы, связанные с отражением их личного опыта и воспоминаниями о молодости («с нас надо брать пример», «вот я в твои годы...», «у меня больше опыта», «послушай старших»), жалобы на жизнь и современную политику («вот раньше...», «ну и времена пошли», «Сталина на вас нет», «вот при Советском Союзе...», «молодёжь ныне не та», «в наше время культуры было больше», «развалили страну», «раньше жилось лучше»), жалобы на

здоровье и условия жизни («хвораю сильно», «ох, голова болит», «всё болит и ломает», «болею очень», «устала, мочи нет», «не живём, а выживаем», «скоро помирать...», «старость не радость, молодость – гадость»), а также выражения, отражающие дорожившую современной «жизни»: «на нашу пенсию ничего не купишь», «ЖКХ дорожает»,

Кроме того, был проведён обобщенный подсчет частотности употребления фраз (выражений) определенной возрастной группы по всему массиву опрошенных - 113 человек, 57 человек мужского пола и 56 человек женского. Получены следующие результаты.

Наиболее характерными выражениями школьников (13-17 лет) являются следующие: «круто» (57 человек), «во блин» (55 человек) «офишеть можно» (51 человек), «в рот мне ноги» (47 человек), «забей на всё» (45 человек), «поиграть в стрелялки» (40 человек), «клёво всё!» (40 человек), «ну ты гений прям» (32 человека), «пипец» (28 человек), «классно» (27 человек), «красавец» (24 человека), «полный отстой» (23 человека), «совсем жопа» (20 человек), «офишенно всё» (20 человек), «ништяк» (18 человек), «хавать» (16 человек), «у нас на районе» (15 человек), «не гони ты» (15 человек), «училка» (12 человек), «облом» (10 человек), «потусим!» (10 человек), «вот это жесть» (10 человек), «сидел в компе» (9 человек), «мне до балды» (7 человек), «щас как дам» (7 человек), «облом» (6 человек), «школа» (6 человек), «мне до балды» (4 человека), «лошара» (4 человека), «в натуре» (3 человека), «дебил» (3 человека), «вот это да!» (3 человека).

Типичными выражениями молодёжи от 18 до 25 лет являются следующие: «пипец» (65 человек), «движняки погонять» (65 человек), «не лечи» (60 человек), «охренеть можно» (58 человек), «офишеть можно» (49 человек), «всё будет супер» (47 человек), «забей» (45 человек), «приорали» (39 человек), «всё ровно» (33 человека), «не парься» (30 человек), «пойдём бухнём» (22 человека), «клёво» (18 человек), «всё зашибись» (14 человек), «обалдеть ваще» (12 человек), «всё круто» (9 человек), «оторвались» (6 человек), «ну ты жжёшь» (6 человек), «не базарь так» (6 человек), «я в шоке» (5 человек), «так прикольно» (5 человек), «вынос мозга» (4 человека), «ёлки-палки» (3 человека), «по хрену» (3 человека), «не по понятиям» (3 человека), «лохануться» (3 человека), «в компе завис» (2 человека).

Для взрослых от 26 до 60 лет наиболее характерны такие фразы: «дети – цветы жизни» (58 человек), «а хрен его знает» (45 человек), «деньги – время» (45 человек), «иди учись» (34 человека), «всё для детей» (32 человека), «засранец» (27 человек), «офишеть» (25 человек), «смотреть тошно» (25 человек), «блин горелый» (19 человек), «откуда взять денег?» (17 человек), «как бы побольше заработать» (17 человек), «житься от вас нет» (12 человек), «после вчерашнего как?» (9 человек), «клёво» (8 человек), «обалдеть» (6 человек), «ёлки-палки» (3 человека), «ну надо же» (3 человека), «где мои 17 лет?» (3 человека), «так себе» (3 человека).

Пожилым старше 60 лет свойственны следующие выражения: «вот я в твои годы...» (69 человек), «а вот раньше...» (66 человек), «ну и времена пошли» (54 человека), «что за молодёжь» (42 человека), «развалили страну» (31 человек), «молодо-зелено» (21 человек), «Стилина на вас нет!» (19 человек), «вот это поколение пошло» (12 человек), «вот вам и Юрьев день!» (8 человек), «житься от вас нет» (8 человек), «на нашу пенсию ничего не купишь» (6 человек), «старость не радость» (6 человек), «послушай старших» (4 человека), «пошла на клеп» (4 человека), «ЖКХ дорожает» (4 человека), «не учится» (3 человека), «с нас надо брать пример» (3 человека).

Наличие в том или ином представленном на экспертизу тексте соответствующих выражений, характерных для представителей определенного возраста, позволяет примерно диагностировать возраст автора текста.

Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. - 336 с.

Гендерное коммуникативное поведение

Е.Ю.Гетте

**Методики исследования
гендерного коммуникативного поведения**

До последнего времени в фокусе внимания лингвистов-гендерологов были отдельные аспекты гендерного коммуникативного поведения носителей языка и практически не предпринималось попыток комплексного моделирования коммуникативного поведения мужчин и женщин с использованием различных методик.

Между тем в ряде работ, посвященных описанию национального, профессионального, возрастного коммуникативного поведения, предложены методики, которые, на наш взгляд, могут быть адаптированы для изучения гендерной специфики общения. В частности, в очерке И.А.Стернина «Коммуникативное поведение и его описание» представлены методики описания национального коммуникативного поведения (Стернин 2008), комплекс методик позволил Е.Ю.Лазуренко собрать и проанализировать материал о профессиональном коммуникативном поведении (Лазуренко 2006), возрастные особенности общения выявлены с применением ряда методик Е.Б.Чернышовой и И.А.Стерниным (Чернышова, Стернин 2004), Н.А.Лемяскиной (Лемяскина 2004). И.А.Стернин упоминает о том, что все описанные им методики – анкетирование инокультурных информантов, методики прямого

наблюдения, интервьюирования, различные экспериментальные методики и т.п. - могут быть использованы и при изучении группового коммуникативного поведения (Стернин 2008, с. 122).

В данной статье предпринята попытка показать, как предложенные методики могут быть использованы для исследования гендерного коммуникативного поведения. Исследование осуществляется в несколько этапов.

Этап 1. Предварительное описание гендерного коммуникативного поведения на основе анализа современных художественных текстов. На первоначальном этапе необходимо понять, какие признаки, параметры и факторы являются наиболее релевантными в сопоставительном описании коммуникативного поведения мужчин и женщин. Необходимо учесть, что гендерное своеобразие общения может проявляться в реализации официальных, полуофициальных и неофициальных ролей мужчин и женщин в разных ситуациях официального и семейно-бытового общения. В связи с тем, что многие ситуации гендерного общения являются труднодоступными для прямого наблюдения, оправдано обращение к современным художественным текстам, в которых воспроизводятся ситуации как официального, так и семейно-бытового общения.

На основе анализа современных художественных текстов разрабатывается параметрическая модель описания гендерного коммуникативного поведения, включающая наиболее релевантные признаки, параметры и факторы. Разработка параметрической модели лишь начало исследования, результаты анализа художественных текстов позволяют расставить акценты дальнейшей работы.

Следует отметить, что выявленные и описанные признаки могут отражать гендерные стереотипы авторов художественных текстов, поэтому необходима верификация выявленных признаков. Исследование же реальных коммуникативных процессов позволит скорректировать представление о гендерной специфике коммуникативного поведения носителей языка.

Этап 2. Верификация выявленных признаков гендерного коммуникативного поведения. Полученные на первом этапе результаты должны послужить отправным пунктом для исследования коммуникативного поведения женщин и мужчин в процессе реальной деятельности с применением комплекса методик, приоритетными из которых должны стать методики непосредственного наблюдения.

Выбор методик определяется спецификой предмета исследования. По нашему предположению (это видно из предпринятого анализа художественных текстов), именно в семье в большей мере проявляются различия в общении мужчины и женщины, кроме того, эти различия приводят к непониманию между мужем и женой и долговременным трудноразрешимым супружеским конфликтам. В официальном общении гендерные особенности не так ярко выражены и более доступны для

прямого наблюдения. Семейное общение является, как правило, закрытым для наблюдателя, поэтому методики непосредственного наблюдения необходимо дополнить комплексом методик, имеющих опосредованный характер.

Этап 3. Описание гендерного коммуникативного поведения в рамках разработанной модели, включающей только верифицированные признаки, параметры и факторы. То есть на заключительном этапе необходимо сопоставить признаки, выявленные на первом и на втором этапах и сделать заключение. Вероятно, на этом этапе произойдет корректировка первоначального описания, будут выявлены гендерные стереотипы современных писателей.

В дальнейшем на основе обобщения результатов исследования гендерного коммуникативного поведения могут быть даны рекомендации по эффективному общению, предложен тренинг эффективного общения с мужчинами и женщинами, выработаны стратегии и тактики бесконфликтного общения в семье.

Предложенная ниже последовательность методик изучения гендерного коммуникативного поведения соответствует намеченным этапам.

Методика анализа художественных текстов

Материалом для анализа должны послужить только современные тексты как авторов-мужчин, так и авторов-женщин. Из текстов выбираются примеры, демонстрирующие признаки гендерного коммуникативного поведения, затем признаки обобщаются в параметры, а параметры – в факторы гендерного коммуникативного поведения. Например, факторами коммуникативного поведения являются *установление коммуникативного контакта, общительность, регулятивность* и др. Факторы объединяют наиболее обобщенные признаки – параметры, например, фактор *объем общения* интегрирует параметры: *развернутость монолога, развернутость диалога, возможность регламент процесса общения*. Наиболее детальная характеристика коммуникативного поведения представлена в признаках, например, для женского коммуникативного поведения *характерно использование эмоциональных характеристик в самопрезентации*; для мужского коммуникативного поведения данный признак нехарактерен. Так создается параметрическая модель описания гендерного коммуникативного поведения. Приведем пример описания одного из признаков гендерного коммуникативного поведения.

Для женской коммуникативной культуры явление кооперации, единения с другими людьми. В круг общения женщины входят родственники, коллеги, знакомые, женщина легко вступает в коммуникативный контакт с незнакомыми людьми. Женщина а) восприимчива к советам, мнению других людей, б) доверяет другим людям свои проблемы и сама принимает участие в судьбе других людей, в)

предпочитает переживать трудности в общении. Отсутствие круга общения женщины переносят тяжело, испытывают негативные эмоции (г):

а) «*Вера Алексеевна была переполнена явлением новой родни, ей хотелось поделиться новостями с кем-то, рассказать про Астру ("молодежная стрижка, как-то даже неловко, когда открытая шея при наличии дряблости"), про некую Лилию Ивановну ("молодая вдова, осталась в большой квартире, потолки три пятьдесят")»* (Г. Щербакова. *Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом*, с.47).

б) « - *А он как порченый... Я ему и бабку привела... Ничего! Люди! Бабы! Раньше времени из-за паразита уйду за бугор, помяните моё слово!*

И люди взялись за Геньку, заставили его закончить школу...» (Г. Щербакова. *Алочка и плотина*, с.369).

в) « - *Начнется следствие, - сказал Вадим. - Объявляется тайм-аут. Заляжете на дно на недельку-другую, а там посмотрим.*

- Не по-русски это, - произнесла Юлия. - Мы были вместе, и теперь нехорошо разбегаться» (А.Горохов. *Мне терять нечего*, с.47).

г) «*Вера Алексеевна испытывала обиду одиночества, стала чистить пемоксолью раковину»* (Г.Щербакова. *Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом*, с.47).

Анализ художественных текстов позволяет не только обобщить факты речевой деятельности мужчин и женщин, но и выявить их коммуникативные ожидания, потребности и типичные реакции мужчин и женщин на высказывания собеседников.

Методика непосредственного (прямого) наблюдения

Исследователь наблюдает за общением мужчин и женщин со стороны, не принимая участия в общении. Например, объектом наблюдения могут стать выступления и ответы на вопросы мужчин и женщин на официальных мероприятиях, общение мужчин и женщин в общественных местах. В качестве задающего вопрос может выступать мужчина и женщина. Результаты тождественных обращений мужчины к мужчине и женщине и женщины к той же паре также можно сопоставить. Результаты наблюдения записываются на диктофон или в дневник наблюдений.

Важно выбирать для анализа такие ситуации, в которых и мужчины, и женщины выступали бы в одной социальной (например, в профессиональной) роли. Например, если наблюдение ведется за коммуникативным поведением мужчины-начальника, то сравнивать его результаты необходимо с результатами наблюдения за женшиной-начальником, но не женшиной-подчиненным.

Методика включенного наблюдения

Данная методика используется, когда исследователь непосредственно находится среди исследуемых мужчин и женщин и участвует в общении с ними. Например, можно наблюдать собственное общение с мужем, мамой, папой, с коллегами, мужчинами и женщинами, с официальными лицами, с незнакомыми людьми. В фокусе внимания может оказаться общение с супружеской парой во время приема гостей, изучение коммуникативной реакции мужчины и женщины на вопросы, на сообщение новости, на жалобу, на несогласие с точкой зрения собеседника, на демонстрацию своих достижений, покупки, на комплимент, на просьбу о помощи, на запрос совета и т.п. Вопросы можно задавать отдельно мужчине и женщине или без конкретного обращения в присутствии мужчины и женщины. Таким образом можно определить коммуникативную активность, готовность вступления в контакт, предпочтение активной или пассивной коммуникативной стратегии.

Общение записывается на диктофон, если нет такой возможности, то непосредственно после общения наблюдения фиксируются в дневнике.

Опыт эмпирических исследований показал, что включенное наблюдение может иметь место в процессе сбора данных, например, в процессе анкетирования. В частности, объектом наблюдения может стать реакция на просьбу участвовать в исследовании и комментарии информантов в процессе работы. Кроме того, информанты, как правило, проявляют интерес к теме исследования и после выполнения работы часто сами инициируют активное обсуждение гендерных особенностей общения, высказывая свои наблюдения.

Возможности включенного наблюдения в гендерных исследованиях ограничены тем, что исследователь не может вести наблюдение за коммуникативным поведением лиц другой гендерной принадлежности в гомогенной группе общения.

Методика скрытого наблюдения

Скрытое наблюдение за коммуникативным поведением мужчин и женщин возможно, на наш взгляд, только в официальной ситуации общения, скрытое наблюдение семейного общения противоречит этическим нормам, а также нарушает право каждого на неприкосновенность частной жизни.

Деловое общение фиксируется на диктофон. Методика скрытого наблюдения предоставляет возможность исследователю наблюдать за коммуникативным поведением лиц другой гендерной принадлежности в гомогенной группе общения.

Методика анализа видео- и аудиоматериала

Для верификации признаков гендерного коммуникативного поведения более оправдано обращение к передачам с живой речью мужчин и

женщин: ответы на вопросы людей на улицах города, выступления, комментарии, интервью приглашенных в радио- и телепередачах. Это могут быть информационные, аналитические, развлекательные передачи. Художественные фильмы и общение телеведущих, на наш взгляд, являются опосредованным материалом и не подходят для анализа. Необходимо помнить, что в некоторых передачах, например в ток-шоу, выступления приглашенных лиц также могут быть подготовленными или скорректированными режиссером или автором сценария, поэтому лучше, на наш взгляд, отдать предпочтение комментариям, интервью, репортажам с места событий.

В качестве видеоматериала также можно использовать семейный видеоархив. Ценность материала семейного видеоархива объясняется тем, что в нем отражены традиции, ритуалы каждой семьи и сопровождающее их общение. Анализ семейного видеоархива способствует выработке рекомендаций по повышению культуры общения в семье в целом и супружеского общения в частности.

Преимущество методики анализа видео- и аудиоматериала состоит в легкости фиксации на видеомагнитофон или диктофон и возможности точного воспроизведения для коммуникативного анализа.

Методика экспериментального подтверждения дифференциальных признаков гендерного коммуникативного поведения

Для фиксации дифференциальных коммуникативных признаков мужчин и женщин моделируется определенная ситуация, в которой мужчины и женщины выступают в одинаковой роли, например, в роли гостя или в роли прохожего. Ценность данной методики заключается в том, что фактор ситуации нейтрализуется: как мужчины, так и женщины получают одинаковые задания, результаты выполнения которых затем сравниваются.

Например, испытуемым мужчинам и женщинам предлагается:

выяснить что-либо у незнакомого
выяснить что-либо у официального лица
задать вопрос выступающему
убедить собеседника
утешить собеседника и т.п.

Методики опосредованного наблюдения

В опосредованном наблюдении исследователь делегирует свои полномочия респонденту, то есть просит его описать свои наблюдения за коммуникативным поведением мужчин и женщин. В качестве предмета опосредованного наблюдения могут стать ситуации обострения отношений, демонстрации ревности, которые наблюдали респонденты со стороны, но сами в них не участвовали. В конфликтных ситуациях позиции сторон, как правило, субъективны, и, обратившись непосредственно к участникам конфликта, мы бы получили искаженные данные.

Пример инструкции респондентам:

Опишите, пожалуйста, ситуацию конфликта, обострения отношений между супругами, которую Вы наблюдали со стороны.

Методика интервьюирования

В интервью может участвовать один информант или группа информантов (тогда интервью приобретает характер беседы).

Интервью может выявить дифференциальные признаки мужского и женского общения, когда исследователь задает следующий вопросы:

Как вы думаете, отличается ли общение женщин от общения мужчин?

В чем вы видите отличия?

Интервьюирование может происходить в малой группе во время проведения тренинга эффективного общения с мужчинами / женщинами. Респонденты могут подготовить ответ на вопрос заранее, то есть в рамках домашнего задания. Развернутый ответ предъявляется респондентами в устной и письменной форме, организуется дискуссия в малой группе, производится анализ эффективных и неэффективных приемов и способов речевого воздействия.

В качестве тем для беседы в группе предлагаются:

Расскажите, как Вам удалось убедить мужчину/женщину.

Расскажите, как Вам не удалось убедить мужчину/женщину.

Интервьюирование может проходить в письменной форме. Например, информанту предлагается описать коммуникативный потрет супруга(и).

Пример инструкции:

Опишите коммуникативный портрет Вашего(ей) супруга(и) или любого(ой) мужчины / женщины, которых Вы хорошо знаете. Описывая, дайте развернутые ответы на вопросы:

Общителен(а) ли он(а), словоохотлив(а) или молчалив(а)?

Приветлив(а) ли в общении?

Легко ли устанавливает коммуникативный контакт с другими людьми?

Какие трудности испытывает в общении?

Часто улыбается, смеется или серьезен(а)?

Кто входит в круг его/её общения?

Соблюдает правила речевого этикета, вежлив(а)?

Часто перебивает собеседника?

Употребляет ли инвективы (грубые выражения) в общении?

Как ведет себя в ситуации делового общения?

Как реагирует на просьбу, замечание, требование?

Какие темы любит обсуждать?

Часто ли высказывает оценку других людей?

Склонен(а) передавать информацию, которой владеет?

Любит поговорить «по душам»?

Может держать паузу?

Любит проявлять эрудицию в общении?

Любит похвалиться?

Склонен(а) искажать информацию, преувеличивать, преуменьшать?

Может договориться с официальными лицами?

Внимательный(ая) ли он(а) слушатель?

Какие особенности демонстрирует в общении?
 Готов(а) поделиться своими переживаниями?
 Как убеждает?
 Может ли выразить сочувствие?
 Часто ли высказывает свое несогласие с собеседником?
 Может высказать критику в лицо?
 Может дать совет (востребованный или непрошенный)?
 Проявляет ли заботу о собеседнике в общении?
 Категоричен(а) ли в общении?
 Как ведет себя в ситуации обострения отношений?
 Часто ли задает вопросы?
 Часто шутит?
 Рассказывает ли о себе?
 Эмоционален(а) ли в общении?
 Как обычно звучит его/её голос: четко, громко, быстро?
 Связана его/её профессиональная деятельность с постоянным общением?
 На равных говорит с собеседником?
 Держит ли коммуникативную дистанцию?

В интервью лучше избегать деликатных вопросов, так как, по результатам исследований социологов, удельный вес искажений возрастает по мере усиления сенситивности задаваемых вопросов. Опрашиваемые намеренно редактируют свои ответы в надежде избежать самораскрытия, оградить свой внутренний мир от вмешательства извне, защитить от разрушения свое «идеальное Я».

По мнению А.Ю.Мягкова, угроза неодобрения со стороны интервьюера - главное соображение, мотивирующее респондентов к умышленному сообщению искаженной информации (Мягков 2008, с. 31). И, наоборот, люди отвечают намного честнее в ситуациях, исключающих контакт с интервьюером, поэтому наиболее деликатные темы лучше оставить для анкетирования.

Методика анкетирования

Для проведения опроса составляется вначале предварительный опросник и производится пилотажный опрос, затем на основе анализа полученных данных опросник корректируется и предъявляется испытуемым для основного этапа исследования. Представляется целесообразным задавать конкретные вопросы и в одном опроснике сконцентрировать внимание респондента на одной стандартной коммуникативной ситуации. Возможные ситуации:

общение в гомогенной группе
общение в смешанной группе
тематика общения с мужчинами / женщинами
деловой диалог с мужчиной / женщиной
убеждение мужчины / женщины
замечание мужчине / женщине
обсуждение разногласий с мужчиной / женщиной
просьба мужчине / женщине

*совет мужчине / женщине
жалоба мужчине / женщине
утешение мужчины / женщины
поведение в канун женского и мужского праздников*

Пример опросного листа:

Уважаемые респонденты, ответьте, пожалуйста, максимально полно и правдиво на вопросы об общении с женщиной/мужчиной. Ваши ответы анонимны и будут использоваться только в научных целях.

1. Если у Вас бывают неприятности на работе, говорите ли Вы об этом мужу/жене? О каких говорите чаще всего?
2. Если у Вас личные проблемы, например, проблемы со здоровьем, сообщаете ли о них мужу/жене? О каких именно?
3. Как Вы сообщаете о проблемах? Напишите фразу.
4. Что говорит Ваш(а) муж/жена в ответ? Назовите все воспринимаемые Вами фразы.
5. Говорит ли Ваш(а) муж/жена о неприятностях, проблемах на работе. О каких именно?
6. Говорит ли он(а) о личных проблемах, каких именно?

Анализ показал, что можно дополнить опросник вопросами о коммуникативном ожидании в ситуации жалобы, о лицах, к которым респонденты могут обратиться за поддержкой и сочувствием и готовыми фразами, из которых респонденты могли бы выбрать наиболее желаемые в ситуации жалобы.

1. Если у Вас неприятности на работе, говорите ли Вы об этом мужу/жене? О каких говорите чаще всего?
2. Если у Вас личные проблемы, например, проблемы со здоровьем, сообщаете ли о них мужу/жене? О каких именно?
3. Как Вы сообщаете о проблемах? Напишите фразу.
4. Что говорит Ваш(а) муж/жена в ответ? Назовите все воспринимаемые Вами фразы.
5. Считаете ли Вы, что муж/жена Вас понимает?
6. С какой целью Вы рассказываете о неприятностях – какую реакцию ожидаете?
7. К кому ещё Вы можете обратиться за поддержкой и сочувствием, рассказать о своих проблемах?
8. Рассказываете ли коллегам?
9. Можете рассказать о своих проблемах незнакомому человеку?
10. Говорит ли Ваш(а) муж/жена о неприятностях, проблемах на работе. О каких именно?
11. Говорит ли он(а) о личных проблемах, каких именно?
12. Выберите и подчеркните наиболее желаемый ответ мужа/жены на Ваше сообщение. Не стоит волноваться.

Я тебя понимаю, я согласен/а с тобой.

У меня тоже такое было.

Не переживай. Все будет хорошо.

Я вижу, ты очень расстроен/а.

А ты в следующий раз ...

Выпей таблетку (или увольняйся с работы).

Если Вам не нравится ни один из предложенных вариантов, напишите свой вариант ответа: _____

Направленный ассоциативный эксперимент

Респондентам предлагается описать особенности общения мужа или жены, дав не менее трех характеристик по каждому пункту. Испытуемым предлагается ответить на вопрос:

Какой он/она в общении?

с Вами	дома в обычной обстановке
с детьми (с дочерью)	при приеме гостей
(с сыном)	на отдыхе
с родителями	в магазине
с друзьями	на рынке
с начальником	в кресле дома
с подчиненными	сидя за столом за едой
с коллегами	дома при совместном решении
с официальными лицами	проблем
с клиентами	отвечающий на телефонные звонки
с незнакомыми	выполняющий работу по хозяйству
на улице	

Методика ранжирования коммуникативных признаков

Испытуемым предлагается список коммуникативных признаков, которые выявлены предварительно в результате анализа текстов художественной литературы. Мужчинам предлагается определить степень проявления признака в коммуникативном поведении жены, а женщинам – в коммуникативном поведении мужа.

Например:

Задание: прочтите вопрос, выберите и подчеркните вариант ответа:

Какова вероятность того, что жена...?

может долго говорить без остановки – очень высокая, высокая, невысокая, это бывает редко, крайне редко, никогда;

перескажет события дня в подробностях – это бывает часто, нечасто; иногда, крайне редко, никогда;

сразу скажет главное – это очень характерно, характерно, не очень характерно, нехарактерно для жены и т.д.;

Выберите и подчеркните вариант ответа:

темп речи жены – очень быстрый, быстрый, средний, медленный;

громкость голоса – очень высокая, высокая, средняя, низкая;

четкость произношения – очень хорошая, хорошая, не очень хорошая, плохая.

Методика выявления безэквивалентных признаков

Информантам предлагается в письменной или устной форме описать те признаки коммуникативного поведения, которые, с его точки зрения, характерны только для представителей другой гендерной группы.

Пример инструкции для женщин:

Расскажите случай общения с мужчиной, который Вас удивил (в котором вы участвовали сами, который наблюдали со стороны или который вам известен со слов очевидцев) – женщина не стала бы вести себя подобным образом.

Соответствующая инструкция составляется для мужчин, которые описывают признаки, характерные только для женского коммуникативного поведения. Выявленный таким образом перечень безэквивалентных признаков гендерного коммуникативного поведения сравнивается с безэквивалентными признаками, выявленными в результате анализа художественных текстов.

Методика выявления типичных речевых выражений мужчин и женщин

С помощью данной методики удобно изучать, как правило, недоступное для прямого наблюдения общение супругов. Мужья и жены фиксируют три наиболее частотных речевых выражения друг друга в письменном виде.

Пример инструкции для мужчин:

Примите, пожалуйста, участие в исследовании семейного общения. Напишите три фразы, которые Ваша жена произносит в общении с Вами чаще всего. Укажите в скобках, в каких ситуациях она произносит каждую фразу. Спасибо!

В процессе анализа выявляются признаки коммуникативного поведения, эффективные и неэффективные высказывания, конфликтогены. Полученный материал представляет большую ценность для создания тренингов бесконфликтного общения в семье.

Методика выявления высказываний мужчин и женщин, одобряемых и не одобряемых супругом

Информантам дается инструкция:

Запишите, пожалуйста, не менее трех запомнившихся Вам фраз или выражений мужа/жены.

Выражения, которые Вам нравятся:

- 1.
- 2.
- 3.

Выражения, которые Вам не нравятся:

- 1.
- 2.
- 3.

Методика гендерной идентификации типичных выражений и коммуникативных признаков

Для верификации найденных в художественных текстах высокочастотных выражений, типичных для мужчин или для женщин, можно предъявлять респондентам для определения пола автора этих высказываний.

Для верификации коммуникативных признаков испытуемым предъявляются поговорки, афоризмы об общении мужчин и женщин. Информанту предлагается определить, соответствует ли поговорка коммуникативному поведению современной(го) женщины / мужчины,

отражает ли признаки современного общения в семье. В качестве объекта сравнения рекомендуется коммуникативное поведение собственного супруга/у.

Методика выявления эффективных речевых формул

Респонденту описывается ситуация и предлагается ряд фраз, которые супруги говорят друг другу в этой ситуации (фразы выявляются с помощью методики типичных речевых выражений мужчин и женщин). Респонденту предлагается выбрать наиболее желаемую фразу, которую он хотел бы слышать в данной ситуации.

Пример инструкции для женщин:

Вы пришли домой устали, рассстроены, а муж не выполнил Вашего поручения. Подчеркните то высказывание мужа, которое хотели бы услышать в ответ на Ваше замечание:

Прости, пожалуйста.

Прости, милая.

Извини меня, пожалуйста.

Я подлец.

Сейчас сделаю.

Да ладно тебе.

Если Вам не нравится ни один из предложенных вариантов, напишите свой вариант желаемого ответа: _____

Методика идеальной типизации

Испытуемым предлагается назвать признаки коммуникативного идеала супруга. Инструкция:

Опишите, пожалуйста, коммуникативный идеал мужа/жены. Каким(ой) Вы бы хотели видеть мужа/жену в общении?

Выявляется возрастная и профессиональная, региональная специфика коммуникативного идеала.

Методика ранжирования

положительных и отрицательных коммуникативных качеств

На основе выявленных с помощью методики идеальной типизации признаков коммуникативного идеала, составляется перечень желаемых качеств. Каждое качество записывается на отдельной карточке. Набор из 15-20 качеств предлагается испытуемым для ранжирования по степени важности. Методики идеальной типизации и ранжирования качеств могут дополнять друг друга.

Предлагаемый перечень коммуникативных качеств заставляет сознание информантов работать более активно, выполняя операцию сравнения. Кроме того, с помощью методики ранжирования можно определить как приоритетные положительные, так и самые нежелательные качества.

Инструкция:

Перед Вами два набора карточек: зеленого и красного цвета. Действуйте точно по инструкции:

1. Возьмите набор зеленого цвета, разложите перед собой все карточки, прочтите положительные качества. Если Вы считаете, что какое-либо качество нежелательно, т.е. является скорее отрицательным, чем положительным, то переложите эту карточку в набор красного цвета.

Оставшиеся карточки ранжируйте, то есть сложите их в стопку по степени важности для Вас названных на карточках свойств супруга(и), самой верхней должна быть карточка с самым желаемым качеством.

2. Возьмите набор красного цвета: в нем карточки с отрицательными качествами. Разложите и прочтите их. Если считаете, что какое-либо из обозначенных качеств скорее положительное, чем отрицательное, то переложите в стопку зеленого цвета, определив его место среди положительных качеств. Ранжируйте отрицательные качества. Самой верхней должна быть карточка с качеством, которое Вас раздражает больше всего. Спасибо!

Пример карточек, предлагаемых мужчинам:

Положительные качества женщин

с чувством юмора: умеет Вашу
оплошность перевести в шутку
остроумная (может пошутить
и над Вашиими личными качествами)

умеет поддержать разговор,
 не преувеличивает, не драматизирует
 невспыльчивая, уравновешенная, спокойная
 общительная, активная
 не заостряющая внимание на бытовых вопросах
 искренняя
 рассудительная
 предлагающая угощения
 вежливая, доброжелательная
 тихая, молчаливая, с нежным голосом
 строгая, требовательная
 умеет слушать, не перебивает
 умеет утешить, поддержать
 грамотно говорит
 умеет похвалить
 часто соглашается с Вами
 не ругается, когда заслуживаете, терпимая
 называет ласковым уменьшительным
 именем в присутствии других

Отрицательные качества женщин

критикует Ваши личные качества
 повышает голос в споре, кричит
 не понимает, не сочувствует
 шантажирует эмоционально
 все время указывает, что делать («пилит»)
 быстро и много говорит
 перескакивает с одной темы на другую
 много говорит по телефону
 преувеличивает, драматизирует
 упрекает
 не умеет поддержать разговор
 неграмотно говорит, говорит с акцентом
 говорит во время просмотра ТВ
 очень серьезная
 беспокоящаяся о Вашем финансовом положении
 критикует бывшего мужа, любовника
 чрезмерно привязчивая, слабая, ноющая
 грубая, циничная
 говорит ласково, весело с другими мужчинами
 задает много вопросов

Методика анализа уровня культуры речи мужчин и женщин

Уровень культуры речи выявляется посредством предоставления выбора одного из двух предложенных вариантов произношения слов, выражений из деловой речи. Предъявляемый перечень слов и словосочетаний адаптируется к группе испытуемых и включает лексические единицы, часто употребляемые в сфере профессиональной

деятельности конкретной группы.

Пример перечня предъявляемых лексических единиц группе социальных работников:

Инспекторы, договор, договоры, обеспечение, ходатайствовать, звонит, опека, вы правы, средства, экспертная, по средам, принудили, досуг, она начала, заключим, на договорной основе, новорожденный, водопровод, газопровод, сирота, сирот, сироты, надеть платье, одеть ребенка, гражданство, продали, вручат, 10 марта две тысячи девятого года, предпринять, паралич.

Исходя из того, что тест предъявляется испытуемым без предварительной подготовки, допуск ошибок для признания удовлетворительного уровня культуры речи может быть, на наш взгляд, расширен до 30%, то есть в тесте из 30 единиц можно сделать не более 9 ошибок.

Результаты тестирования мужчин и женщин сравниваются, определяется ряд лексем, при произношении которых ошибки наиболее частотны.

Методика метаанализа данных о гендерном коммуникативном поведении

Метаанализ производится на заключительном этапе исследования.

Метаанализ представляет собой статистическую технику, заключающуюся в комбинации информации, полученной из нескольких исследований, имеющую цель прийти к общей оценке различий между группами; другими словами, это анализ результатов других анализов. Метаанализ устанавливает, есть ли различия между группами по отдельной переменной (в качестве переменной в нашем исследовании выступают признаки гендерного коммуникативного поведения) и насколько это различие велико (Берн 2001, с. 87).

В процессе метаанализа обобщаются данные, выявленные посредством разных методик, обобщенные данные могут сопоставляться с результатами других исследований (они могут противоречить или совпадать, дополнять, уточнять друг друга).

Берн Ш. Гендерная психология / Ш.Берн. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.
Лазуренко Е.Ю. Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование: дисс.канд. филол. наук. - Воронеж, 2006.

Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника (на материале речевого поведения учащихся 1-4 классов): Монография / Н.А. Лемяскина. – Воронеж: ВОИПКРО, Воронеж: Воронежский гос. университет, 2004. - 330 с.

Мягков А.Ю. Всегда ли респонденты говорят правду? Мета-анализ зарубежных источников / А.Ю.Мягков // Социологические исследования. – 2008. - №9. – С.20-31.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение и его описание / И.А.Стернин // Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкоизнания / Научный ред. З.Д.Попова. – Воронеж: «Истоки», 2008. – С.104-129.

Массовая коммуникация

Тахсин Раззак Азиз

Из наблюдений над концептосферой авторов текстов периодической печати новейшего времени

(по материалам воронежской прессы)

Изменения в экономике, характере общественных отношений, материальной культуре неизбежно отражаются в языке данного периода – в его семантике, словарном и фразеологическом составе, лексической и грамматической сочетаемости и т. д. По мнению И. А. Стернина, «большинство изменений в языке связано с изменениями в обществе – точнее, основные изменения в языке и речи являются прямыми следствиями общественных изменений» (Стернин 2004, с.3). Это особое, определяемое спецификой момента отношение носителей языка к нему самому формирует концептосферу, под которой понимается совокупность концептов – неких «квантов» мышления об охватываемых языком предметах и связях между ними (Попова, Стернин 2007, с. 29-38; Рудакова 2002, с 23-25), по-разному проявляющуюся в тех или иных сферах дискурса.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть некоторые особенности формирования той части русской концептосферы, которая находит отражение в современной периодической печати. В качестве источника языковых данных выступила воронежская пресса, причём мы оставили в стороне газеты-однодневки, рекламные листки, а также прессу, объективность которой не является общепризнанной, и сосредоточили своё внимание на самом солидном (по мнению жителей Воронежа) периодическом издании, выходящем в Воронежской области с 1917 года, – газете «Коммуна». Мы приняли также ещё одно ограничение для объекта исследования – подвергли анализу всего лишь *один выпуск* названной газеты (произвольно взятый номер, от 19 мая 2009 года, – как оказалось, дня накануне 92-летия издания). На первый взгляд может показаться, что 4 газетные страницы (полосы) формата А2 текста (около 65 тыс. знаков) не являются достаточно репрезентативными для того, чтобы на их основе сделать полноценные выводы о процессах, происходящих в современном русском языке и, следовательно, в современном русском сознании. Однако против такого мнения говорят важные факты.

Во-первых, сама структура отдельного газетного номера «покрывает» все главные стороны общественной жизни – центральную и местную политику, экономику, культуру, сферу досуга и развлечений. Эти стороны как экстралингвистические факторы проявляются в языке данного газетного номера в объективно обусловленной пропорции, позволяющей проводить полноценное исследование.

Во-вторых (что важно в общеметодологическом плане), жёсткие границы одного газетного номера диктуют необходимость пристального внимания к *каждому* его слову и практически исключают возможность подбора «нужных» примеров для обоснования некой тенденциозной идеи, если бы она возникла у исследователя. При несплошной выборке примеров из разных источников (или, предположим, из их отдельных частей – разделов, статей, рекламных блоков и т. д.) такая тенденциозность в принципе возможна.

Привлекательной также выглядит строгая временна́я закреплённость источника, гарантия того, что его тексты создавались в одно время – в середине мая 2009 года. Тем самым устраняется методологическая коллизия, которая в общенаучном аспекте беспокоит многих языковедов, – о соответствии результатов лингвистических исследований (в частности, словарей и справочников по грамматике) реальному состоянию их непрерывно меняющегося, «текучего» объекта – языка. Значительным ограничением объёма исследуемого текста (при сохранении его цельности) – до одного отдельного номера авторитетной областной газеты – мы добиваемся, как нам представляется, абсолютной «синхронности» нашего анализа. Таковы теоретические предпосылки данного мини-исследования. Далее обратимся к практическим результатам исследования.

Концептосфера исследуемого источника позволяет выделить в ней два основных сегмента (группы концептов): 1) концептосферу общероссийской политики и экономики и 2) концептосферу местной политики, экономики и культуры. Подчеркнём, что эти сегменты не тождественны «семантическим полям», «тематическим группам», «лексико-семантическим группам» (ЛСГ) и т. п., хотя и включают в себя последние. В выделяемых сегментах концептосферы мы рассматриваем отношение носителей языка, публикующих в газетах свои тексты, не только к его семантике, но и к его грамматике, словоупотреблению, к возможностям его лексической сочетаемости, фразеологии и т. д. – то есть все типы концептов (о типах концептов подробнее см.: (Бабушкин 1996; Волохина, Попова 1999; Попова, Стернин 2007; Рудакова 2002 и др.), которые оказалось возможно обнаружить в источнике. Рассмотрим эти две группы концептов в текстах выпуска газеты «Коммуна» от 19 мая 2009 года, обращая внимание в первую очередь на те элементы концептосферы, которые до недавнего времени не отражались в языке периодической печати и проявляются лишь в самых «свежих» источниках.

«Ядро» концептосферы общероссийской политики и экономики представлено в источнике общим семантическим признаком ‘развитие высоких технологий’. Этот признак отражён в лексемах:

инновационный, ср.: ...*Виктору Басаргину продемонстрировали инновационные разработки в области электроники и связи. Здесь же министр осмотрел выставку воронежских инновационных проектов* (I, 1)⁸ и др.;

новый, новейший, ср.: *Как известно, в области действуют крупные предприятия стройиндустрии, которые внедряют в производство новейшие технологии. <...> Он [министр. – Т. Р. А.] осмотрел новую технологическую линию* (I, 1-2); ...*В Воронежской области будет дан старт новым подходам при работе с территориями* (I, 5) и др.;

развитие, развиваться, ср.: *Он [министр. – Т. Р. А.] ... познакомился с программой развития промышленности строительных предприятий на территории области* (I, 1-2); *В Министерстве регионального развития видят Воронежскую область успешной территорией, где будут эффективно развиваться сельское хозяйство и сельхозпереработка...* (I, 5) и др.;

разработки (чаще множ.), ср.: инновационные *разработки в области электроники и связи* (I, 1) и др.;

реализация, реализуемый, ср.: *На укрепление экономики и социальной сферы региона нацелено Соглашение о сотрудничестве Министерства регионального развития РФ и регионального правительства в разработке и реализации антикризисной программы развития Воронежской области...* (I, 6); ...*вопрос об участии Воронежской области в федеральных программах, реализуемых Министерством регионального развития* (I, 3-4) и др.;

технологии (всегда множ.), ср.: ...*в области действуют крупные предприятия стройиндустрии, которые внедряют в производство новейшие технологии* (I, 1) и др.;

другие лексемы с корнем *-техн-*, ср.: ...*созданный на базе ВЗПП технопарк «Содружество»* (I, 1); *Он [министр. – Т. Р. А.] осмотрел новую технологическую линию* (I, 1-2); *В Министерстве регионального развития видят Воронежскую область успешной территорией, где будут эффективно развиваться сельское хозяйство и сельхозпереработка, индустрия строительных материалов и энергетика, металлообработка, высокотехнологичное производство и другие отрасли* (I, 5-6) и др.;

внедрять, ср.: ...*предприятия стройиндустрии, которые внедряют в производство новейшие технологии* (I, 1) и др.

Данные концепты активно взаимодействуют в исследуемом источнике:

⁸ Здесь и далее после примера в скобках римской цифрой указывается номер полосы газеты-источника (I-IV), арабской цифрой – номер колонки (слева направо, 1-7) в полосе, из которой взят пример.

корень *-техн-* – инновационные разработки (...созданный на базе ВЗПП технопарк «Содружество», где Виктору Басаргину продемонстрировали инновационные разработки (I, 1));

разработка – развитие – реализуемый (реализация) – развитие (два идентичных по структуре примера: *Обсуждены мероприятия по разработке стратегии развития области в условиях кризиса и вопрос об участии Воронежской области в федеральных программах, реализуемых Министерством регионального развития* (I, 3-4) и ...*Соглашение о сотрудничестве Министерства регионального развития РФ и регионального правительства в разработке и реализации антикризисной программы развития Воронежской области...* (I, 6));

(развитие + развиваться, внедрять) – корень *-техн-* (В Министерстве регионального развития видят Воронежскую область успешной территорией, где будут эффективно развиваться... высокотехнологичное производство и другие отрасли (I, 5-6)); внедрять новейшие технологии (...внедряют в производство новейшие технологии (I, 5)); что-л. новое технологическое – развитие (Он осмотрел новую технологическую линию, познакомился с программой развития промышленности строительных предприятий... (I, 1-2)) и др.;

Взаимодействуют исследуемые концепты и с концептами «ближней периферии» в «языковой картине мира» (о языковой картине мира см., например, Карасик 2005, с. 13-15; Попова, Стернин, с.54) и др.). Рассмотрим такое взаимодействие подробнее.

В локальном аспекте выделенные нами в источнике основные «концепты развития» определяются при помощи концептов: *в области, на базе, территория, регион (региональный), подход* и некоторых других.

Концепт *в области* не имеет в источнике отчётливых семантических границ, ср.: ...*Виктору Басаргину продемонстрировали инновационные разработки в области* электроники и связи. Здесь же министр осмотрел выставку воронежских инновационных проектов. Как известно, в области действуют крупные предприятия стройиндустрии, которые внедряют в производство новейшие технологии. На одном из них – в ЗАО ПКФ «Воронежский керамический завод» – Виктор Басаргин побывал. Он осмотрел новую технологическую линию, познакомился с программой развития промышленности строительных предприятий на территории области (I, 1-2).

Десемантизация концепта *в области* провоцируется в данном контексте двумя факторами. Во-первых, автор текста сталкивает в близком соседстве фразеологическое «в чём-н., в сфере чего-н.» (Ожегов 1996, с.420) и прямое ('в Воронежской области') значения сочетания *в области*, что свидетельствует об их смешении и в когнитивном сознании этого автора (о когнитивном сознании см., например: (Попова, Стернина 2007, с.45-50) и др.). Из данного факта вытекает, что в языковом сознании создателя текста совершенно конкретное, «территориальное» значение присуще лишь концепту *территория области*, а концепт *в области* «дрейфует» между двумя семантическими признаками: совершенно абстрактным признаком 'в сфере' (*в области электроники и связи*) и пространственно-территориальным признаком 'в субъекте РФ' (*в области действуют крупные предприятия*).

До полной, «территориальной» конкретики концепт *в области* в источнике «не дотягивает», иначе рядом с ним не появился бы концепт *территория области* в том же лексическом окружении (ср.: *в области*

действуют предприятия – предприятия на территории области). Указанное обстоятельство можно было бы расценить как случайное, если бы не другие подтверждающие его примеры из исследуемого текста, ср.: *Напомним, что в области реализуется ряд проектов строительства малоэтажного жилья в ближайшем пригороде Воронежа* (I, 1). Легко заметить, что конкретно-территориальное значение в данном примере имеет сочетание *в ближайшем пригороде Воронежа*, тогда как предложно-падежное сочетание *в области* отражает какой-то иной «квант мысли» в языковом сознании автора.

Ещё пример для анализа: *В сущности, в Воронежской области будет дан старт новым подходам при работе с территориями* (I, 5). Казалось бы, предельно конкретно выраженный концепт *в Воронежской области* (до сих пор мы рассматривали редуцированное *в области*), тем не менее, так и не получил отчётливого «территориального» значения и по-прежнему дополняется некими *территориями*; иначе говоря, в концептосфере источника «квант мысли» о *Воронежской области* и «квант мысли» о *территории* – это два разных «кванта». В то же время мыслительные усилия авторов текста направлены на то, чтобы приблизить эти два «кванта» друг к другу – «притянуть» к концепту *Воронежская область* семантический признак территориальности, ср.: *По словам Виктора Басаргина, «взаимодействие с Воронежской областью станет примером того, как федеральные министерства должны работать с территориями*. *В Министерстве регионального развития видят Воронежскую область успешной территорией...* (I, 5). Заодно признак территориальности восстанавливается в тех концептах, в которых он ранее был нивелирован речевой практикой. Так, в рассмотренном выше примере ...*В Воронежской области будет дан старт новым подходам при работе с территориями* (I, 5) концепт *новый подход* (по первоначальной идее авторов – ‘новый метод’, ‘новая совокупность приёмов, способов’ (Ожегов 1996, с. 535) восстанавливает своё первое, непереносное значение движения (которому можно дать *старт* в прямом значении). Набор и порядок представленных в данном предложении языковых форм заставляют его прочитать как: *В Воронежской области будет дан старт новому отношению к территориям*. (Отметим кстати, что в концептосфере общероссийской политики и экономики источника совершенно не представлена лексема *субъект РФ*. Его замещают лексемы *регион* и *территория* – ср.: ...*Министерство регионального развития, отвечающее за комплексное развитие территорий...* (I, 5); *На укрепление экономики и социальной сферы региона нацелено Соглашение о сотрудничестве Министерства регионального развития РФ и регионального правительства в разработке и реализации антикризисной программы развития Воронежской области...* (I, 6) и другие, в частности уже приводившиеся, примеры).

Восстановление первоначального, локального значения происходит в концептосфере источника и в концепте *на базе*, ср.: ...*созданный на базе ВЗПП технопарк «Содружество»* (I, 1). Неопределённость сокращения

ВЗПП (данная аббревиатура упоминается в источнике однажды и нигде не расшифровывается) размывает семантику сочетания *на базе*: то ли *технопарк «Содружество»* создан ‘на основе’ (таково фразеологическое значение устойчивого сочетания *на базе* (Ожегов 1996, с. 31) некоего подходящего для таких целей предприятия *ВЗПП*, то ли *ВЗПП* – это та самая *база* (в нефразеологическом значении: «склад, место хранения товаров, материалов» (Ожегов 1996, с. 31), на которой устроили *технопарк «Содружество»*. Таким образом, языковые способы выражения концептов *на базе*, *в области* и др. не позволяют определить их содержание с необходимой достоверностью.

По отношению к другим объектам «концепты развития» представлены следующими единицами:

комплекс, комплексный, ср.: ...*Министр в сопровождении губернатора...* осмотрел площадку малоэтажной комплексной застройки ТСЖ «Донское» (I, 1); ...*Министерство регионального развития, отвечающее за комплексное развитие территорий...* (I, 5); ...*Виктор Басаргин высказал своё мнение о проектах развития экономики, строительного комплекса...*, с которыми познакомился в ходе посещения площадки малоэтажной комплексной застройки... (I, 6) и др. Из примеров видно, что концепт *комплекс* продуктивен в сочетании с концептом *развитие*;

стратегия, ср.: *Обсуждены мероприятия по разработке стратегии развития области...* (I, 3) и др. Наиболее продуктивная сочетаемость – с концептами *разработка, реализация и развитие*;

программа, ср.: ...*вопрос об участии Воронежской области в федеральных программах, реализуемых Министерством регионального развития* (I, 3-4); ...*финансирование проектов в рамках федеральных целевых программ...* (I, 5); *На укрепление экономики и социальной сферы региона нацелено Соглашение о сотрудничестве Министерства регионального развития РФ и регионального правительства в разработке и реализации антикризисной программы развития Воронежской области...* (I, 6) и др.

Подобно концептам *комплекс* и *стратегия*, концепт *программа* наиболее продуктивно сочетается с концептом *развитие*; кроме того, его часто определяют концепты *разработка, реализация, в рамках, антикризисный*;

проект, ср.: ...*финансирование проектов в рамках федеральных целевых программ...* (I, 5); ...*Виктор Басаргин высказал своё мнение о проектах развития экономики...* (I, 6); ...*В области реализуется ряд проектов строительства малоэтажного жилья в ближайшем пригороде Воронежа* (I, 1); – *Поражён тем, что было представлено в проектах и в конкретной работе, – признался он [министр. – Т. Р. А.]. – Проекты, которые я увидел, имеют серьёзную направленность в будущее и, безусловно, повлияют на интенсификацию экономики региона* (I, 6) и др. Наиболее продуктивная сочетаемость – с концептами *финансирование, развитие, реализация*. Из последних примеров также следует, что концепт *проект* содержательно не тождествен концепту *конкретная работа*;

Выводом из представленных наблюдений над концептосферой отдельного выпуска периодического печатного издания может служить предположение о появлении в языковом сознании людей, публикующих в газетах свои тексты, целого ряда концептов, не имевших в последние десятилетия отражения в русском дискурсе. Наиболее заметны среди них

«концепты развития» – *инновация, технология, развитие, стратегия, разработка, комплекс, программа, проект, перспектива, реализация, внедрять, новый* и др. В речевой практике они комбинируются друг с другом и с другими концептами.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.

Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж, 1999.

Карасик В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышик // Антология концептов. Т. 1. – Волгоград, 2005. – С. 13-15.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1996.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М., 2007.

Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. – Воронеж, 2002.

Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века / И. А. Стернин. – Воронеж, 2004.

А.В.Беляевская

Средства выражения авторской интенции в региональных печатных СМИ

Для большей части российских провинциальных городов самым надежным и привычным средством коммуникации людей в медийном пространстве по-прежнему является местная пресса. Сегодня мы можем говорить об увеличении доли субъективности в публицистическом дискурсе. Но коммуникативные интенции, используемые современными СМИ, зачастую не ориентированы на диалог с аудиторией. Интенция информирования вытесняется интенцией воздействия, переходящей в манипулирование сознанием читателя.

Интенциональная направленность автора лежит в основе любого публицистического текста и может быть как эксплицирована, так и намеренно скрыта в тексте. Интенции, содержащиеся в тексте, определенным образом иерархизированы и скординированы между собой.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает изучение разнообразных средств выражения авторской интенции в журналистских текстах, касающихся вопросов политики, экономики, культуры, социальной сферы. Мы рассматривали интенциональные стратегии местных печатных изданий на примере 4-х популярных в Ярославской области газет: областной общественно-политический еженедельник «Юность», ярославская областная газета «Золотой кольцо», более 110 лет

издаваемая газета «Северный край» и газета ИД «Провинция» – «Караван - Рос».

Для обнаружения авторского коммуникативного намерения мы применили метод интент-анализа публицистического текста. По сути это глубинный семантический анализ текста. Существует следующая типология авторских интенций:

- сообщать, распространять знания о действительности, информировать;
- просвещать людей, распространять культуру, идеи добра, смысла жизни, общечеловеческие ценности;
- пытаться понять и спрогнозировать дальнейший ход тех или иных событий;
- воздействовать на общественное мнение, на поведение и эмоции людей;
- оказывать помощь, поддержку в решении сложных жизненных ситуаций;
- реализовывать потребность (коммуникатора) в самовыражении, самопроявлении, самореализации.

В любом публицистическом тексте можно обнаружить целую парадигму интенциональных текстообразующих категорий, позволяющих автору решить свою стратегическую задачу - убеждение адресата. Эту парадигму составляют:

- *идеологема* как способ утверждения заданных концептов / номинаций в публицистике;
- убеждение с помощью *оценки*;
- *именование* как стилистико-идеологическая категория;
- *стилистическая тональность* текста;
- *интерпретация* (языковое варьирование) как лингвистический механизм имплицитного убеждения (Клушина 2008).

Интенциональные категории тесно переплетаются, взаимодействуют друг с другом, так как существуют в едином текстовом пространстве и реализуют единую авторскую интенцию (убеждение). Но именно эти интенциональные характеристики отличают публицистический текст как воздействующий тип текста от других речевых произведений, реализующих другую авторскую коммуникативную стратегию.

Авторская интенция в большей степени выражена в материалах, посвященных социально-политической и экономической тематике. Существует мнение, что вся провинциальная пресса находится под гнетом местных властей и вынуждена рисовать приукрашенный социально-политический портрет региона. Доказать или опровергнуть это мы попробуем на примере статей, опубликованных в 4-х изданиях, но освещавших одну и ту же тему.

Итак, в начале исследования текстов, публикуемых на страницах газеты «Золотое кольцо», «Северный край», «Караван РОС» и «Юность»,

была выдвинута гипотеза: основная авторская интенция перечисленных изданий - формирование общественного мнения в интересах власти.

Все рассмотренные материалы освещают ДТП с участием мэра Ярославля В.В. Волончунаса, случившееся в декабре 2008 года. Это печальное событие получило широкую огласку и немалый общественный резонанс. Местная пресса по-разному осветила это происшествие.

В газете «Золотое Кольцо» вышла статья под следующим заголовком: «ПОГИБШИЙ БЫЛ БЕЗ СОЗНАНИЯ. В КОМЕ».

Статья написана в экспрессивной манере. Язык официально-делового стиля встречается только в информации, взятой из официальных источников. Например, *совершил наезд на пешехода (стандарт)* или *Пока же его обязанности исполняет первый заместитель Сергей Ястребов (т.е. все спокойно, скрытая оценка)*. Оценка участников ДТП выражена скрыто, но довольно-таки легко считывается. В отношении погибшего пешехода использованы следующие дефиниции: *попавший под колеса (а не сбитый автомобилем)*, был *в стельку пьяным (разг., сниж., оценка)*, хотя родственники погибшего *упорно утверждают* (экспрессема, *усиление при глаголе, нейтральное – «говорят», «заявляют»*), что он в тот день был *трезвым как стеклышико (разг., сниж.)*.

В то же время другой участник ДТП – мэр города – характеризуется как не менее пострадавшая сторона: «После случившегося Виктора Волончунаса в шоковом состоянии, с сердечным приступом на «скорой» (нагнетение) доставили в ярославскую больницу № 5... мэру был поставлен диагноз - острая коронарная недостаточность» (нагнетение, чтобы вызвать жалость).

Таким образом, автор дает скрытую оценку обоим фигурантам: погибший Смолков – виновник аварии, совершивший наезд Волончунас – жертва, пострадавшая не по своей вине. В основе такой интерпретации событий лежит интенция формирования общественного мнения. Автор статьи не склонен к объективной подаче информации, поэтому даже результаты предварительной экспертизы предъявляет как истину.

«Северный край» пишет кратко, сдержанно, в рубрике «Происшествия». Фамилия мэра появляется только на 6-ой строке, в отличие от других изданий. Ощущение неизбежности произошедшего, воздействие внешних сил: неосвещенная дорога, случилась трагедия (сама по себе, фатальность); так называемый человеческий фактор сведен к минимуму. Структура первого предложения: «В среду в половине одиннадцатого ночи на *неосвещённом участке дороги* (синтаксис «в пользу мэра», *так как в русском языке традиционно обстоятельство места выносится в начало предложения*) Туношна – Бурмакино недалеко от станции Лютово *случилась трагедия* (акцент на событии, *а не участниках*): под автомобиль «Nissan Pathfinder» *попал* пешеход (*сам попал, а даже не «совершен наезд»*). Также в конце сообщения подчеркивается, что ДТП повлекло смерть человека *по неосторожности (стандарт)*.

Газета «Юность» представила случившееся в виде хроники событий с 10 по 15 декабря 2008 года (хроника – жанр, предполагающий объективность повествования). Материал подготовлен по сообщениям информагентств. Таким образом, газета воздержалась от прямых оценок и сенсационных заявлений. Текст изобилует стандартными формализованными сочетаниями слов: *совершил наезд, скончался на месте происшествия, прошел освидетельствование, официальный запрос, осуществлять надзор* и другие клише. Следует отметить, что редакция, готовившая материал, с должным вниманием отнеслась не только к фигуре мэра, но и погибшего Александра Смолкова. Упоминается о его семье и действиях администрации по оказанию помощи родственникам погибшего. В статье отмечено, что *в крови погибшего в ДТП на момент трагедии содержалось 3,5 промилле алкоголя. Однако закон не запрещает пешеходам употреблять алкоголь, поэтому в целом этот факт никак не сможет повлиять на расследование*. Кроме того, газета «Юность» «не забыла» упомянуть еще об одном свидетеле аварии: помимо самого мэра, в машине находилась его жена.

Итак, главным средством выражения интенциональной стратегии издания является выбор жанра и принцип отбора информации, создающий иллюзию нейтральности и объективности повествования. В отличие от предыдущей статьи на эту же тему, данный текст почти не содержит экспрессивных языковых средств и не выражает явной оценки. Следовательно, в основе этого материала лежит интенция информировать, сообщать знания о действительности. Но знакомство с другими материалами издания наводит на мысль о том, что такая нейтральность – это способ внушить читателю доверие, чтобы потом, в определенной ситуации, воздействовать на него согласно идеологии газеты.

«Караван-Рос» – пожалуй, наиболее независимая газета, громко заявляющая о своем оппозиционном отношении к действующей власти, неоднократно возвращаясь к этой теме (только в декабре, по меньшей мере, 8 раз) в рубрике «Об этом говорят».

Первые материалы носят явно обличительный характер. Журналисты проводят собственное расследование и ставят под сомнение официальную версию случившегося. Интервью с родственниками погибшего способствует созданию положительного образа Смолкова, вызывающего сочувствие, как и члены его семьи. Идеологема безнаказанности власти поддерживается статьей о ДТП с участием и.о. главы города Рыбинска Владимира Хмелева. В статье под названием «Кто следующий мэр?» реализуется коммуникативная интенция прогнозирования будущего в случае отстранения мэра от исполнения обязанностей.

Череда статей на эту тему в газете «КР» начинается с резких, оценочных заявлений и недвусмысленных намеков на виновность мэра. Однако неожиданно появляется статья, в которой утверждается, что мэр не виноват, а подобное несчастье может случиться с каждым из-за плохих

дорог. Информация подана в виде интервью с председателем муниципалитета, то есть редакция четко обозначила, чью точку зрения она транслирует на страницах своей газеты.

Таким образом, газета сменила свою жесткую обличительную позицию. Далее интенциональной стратегией редакции становится поддержание внешне нейтральной позиции, а статьи лишены оценочности, выраженной языковыми средствами.

Примеры:

ГРЕЙДЕР ПРОШЕЛСЯ ПО МЕСТУ АВАРИИ?

Стена молчания (*клише*), которая выросла вокруг этого происшествия с участием высокопоставленного лица, **возмущает и вызывает недоумение** (*прямая оценка*). Между тем слухи вокруг аварии множатся с каждым часом. Именно поэтому, **невзирая на почти полное отсутствие официальной информации** (*подмена фактов*), журналисты «КР» провели собственное независимое расследование.

На месте аварии журналисты «КР» обнаружили *странный* (*оценка*): небольшой участок протяженностью около 300 метров отлично сохранил свежие следы грейдера, который выравнивает обочину. На расстоянии 23 км от места ДТП больше нигде нет следов работы дорожной техники. Головной свет «Ниссана» имеет высокую степень эффективности: с 80 метров человек, стоящий на обочине, освещен во весь рост. И это при использовании только ближнего света. Не исключено, что Виктор Волончунас видел пострадавшего (*интерпретация фактов*).

СЛУХ О СМЕРТИ – ПИАР-ТЕХНОЛОГИЯ

Ход со смертью мэра – обычная схема пиартехнологов, – считает специалист по пиару Марина Репина. – Есть два варианта происхождения этого слуха. Первый – отвлекающий момент, чтобы снять внимание с персоны, вызвать жалость. Чтобы не распространялась информация, которая может отразиться на репутации градоначальника. Упор сделан на то, что когда факт обмана всплынет, мэр выйдет из истории «жертвой», а отношение общественности к нему можно спрогнозировать так: «Жив – и слава Богу!» Второй вариант – слух запущен конкурентами мэра с целью сместить Виктора Волончунаса.

ЕЩЕ ОДИН ГЛАВА ПОПАЛ В ДТП

Утром 15 декабря на 41м километре автодороги Ярославль–Рыбинск произошло ДТП, одним из участников которого оказался и.о. главы города Рыбинск Владимир Хмелев. Что происходит с главами в Ярославской области – остается только гадать. То ли это сглаз, то ли печальное стечние обстоятельств. Но впору отбирать у них права и пересаживать на служебный автотранспорт, потому что, как известно, Бог троицу любит...

НЕКУДА ПОЛОЖИТЬ ЦВЕТЫ

10 декабря в 22.30 десять детей Александра Смолкова стали сиротами. А Любовь Николаевна Александрова – вдовой. Родственники Смолкова многое от чего приходят в недоумение. Например, почему им не говорят,

где произошла авария? Почему сыну сообщили о трагедии спустя два часа? Почему о том, что за рулем злосчастной машины был мэр Ярославля, они узнали от журналистов? Смолковы уверены, виноватым в аварии останется их муж и отец. Вот лет шесть назад сын директора совхоза устроил аварию – целая семья погибла, муж, жена и маленький ребенок. Так его даже прав тогда не лишили! Хотя говорили, пьяный он был за рулем. Бесполезно все...*(квазисинонимичная ситуация)*.

Любовь Николаевна как в воду глядела. В официальных сведениях уже акцентировали внимание, что мэр был абсолютно трезв, а Смолков – пьян.

НА НЕУХОЖЕННЫХ И НЕОСВЕЩЕННЫХ ДОРОГАХ СО ВСЯКИМ СЛУЧАЕТСЯ

«КР» побеседовал с председателем муниципалитета Владимиром Николаевичем Головым.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ МЭР?

Авторство этих статей принадлежит разным журналистам, но общая тональность одна. Эта тональность отражает интенциональную стратегию редакционной коллегии издания и поддерживается в статьях по другим информационным поводам. Общая интенция издания – это воздействие на общественное мнение посредством отрицания официальной версии, попытка дать вариативную модель действительности. В немалой степени журналистам данного издания свойственна интенция самовыражения.

Интерпретация неразрывно связана со стилистической манерой изложения, которая может быть агрессивной (в оппозиционных текстах), одобрильной (в комплиментарных текстах) или подчеркнуто объективной. Стилистическая тональность – это воздействие на эмоциональную сферу личности адресата, которое оказывается не менее, а иногда и более сильным, чем убеждение с помощью рассудочных доводов.

Таким образом, мы видим, что для региональной прессы характерны такие интенциональные стратегии, как

- воздействовать на общественное мнение, на поведение и эмоции людей;
- сообщать, распространять знания о действительности, информировать;
- сохранять нейтралитет (ложная интенция)
- пытаться понять и спрогнозировать дальнейший ход тех или иных событий;
- реализовывать потребность (коммуникатора) в самовыражении, самопроявлении, самореализации
- просвещать людей, распространять культуру, идеи добра, смысла жизни, общечеловеческие ценности.

Авторские интенции журналистов изначально предопределены идеологической позицией редакции. Способы реализации авторской интенции разнообразны, в основном используются такие средства, как:

- оценка (скрытая или открытая), выраженная с помощью тропов, обращения к прецедентным текстам, аналогий с квазисинонимическими ситуациями;
- номинация с использованием лексических единиц с определенной семантикой;
- интерпретация информации (фактов, событий, слухов) в соответствии с принятой идеологемой.

На выполнение функции убеждения «работают» все интенциональные категории публицистического текста. А сам публицистический текст становится важнейшей составляющей идеологической модели общества.

Данные издания давно нашли свою нишу на рынке печатных СМИ, ориентируясь на определенную целевую аудиторию. Такой подход, несомненно, эффективен и позволяет изданиям не конкурировать между собой. Однако существует опасность того, что издание, прочно занявшее свое место, не сможет быть мобильным и гибким в современном изменяющемся мире.

С распространением новых технологий передачи и поиска информации печатные издания теряют свои позиции. Поколение, на которое в большей степени рассчитаны коммуникативные стратегии «Золотого кольца» и «Северного края», постепенно уходит, а молодежь, на которую ориентированы «Юность» и «Караван-Рос», все больше погружается в пространство Интернета. В таких непростых условиях издание, чтобы продолжить свою работу, должно искать новые подходы к подаче информации, выходить на диалог с читателем, отвечая, но не потакая его нуждам.

Клушина Н.И. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста // Печатные СМИ. – 2008. – Выпуск 1 (Интернет)

Т.Б. Колышкина, И.В. Шустрина

Уровень восприятия читателем текстов массовой коммуникации

Статья подготовлена в рамках Гранта МО РФ 6388 «Актуальные процессы социальной и массовой коммуникации» по аналитической ведомственной целевой программе “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

Современные СМИ формируют у читателей, зрителей и слушателей определенные взгляды на общественные, политические и социальные проблемы, а потому представляется весьма важным и интересным

рассмотрение вопроса о том, насколько точно и правильно понимает адресат авторскую позицию и задачу, может ли он вычленить способы и средства аргументации, с помощью которых автор обосновывает свою точку зрения.

Поиск решения данной проблемы потребовал проведения эмпирического исследования, которое включало в себя два этапа: знакомство респондентов со стимульным материалом, анкетирование респондентов. Отбор респондентов проводился выборочно: главным принципом формирования групп анкетируемых стал их социальный статус, учитывались также такие параметры как возраст и образование.

Цель работы - выявление особенностей восприятия авторской интенции в текстах массовой коммуникации.

Анализируя речевое поведение представителей СМИ, мы обнаружили достаточно высокий статус языковой личности говорящих и пишущих, однако возник вопрос: готов ли читатель воспринимать и адекватно декодировать те языковые знаки, которые адресанты используют для реализации авторского намерения. Нами была выдвинута гипотеза: авторы современных текстов массовой коммуникации не всегда позволяют даже людям с гуманитарным образованием точно выявить авторскую интенцию.

В качестве стимульного материала для оценки читательского восприятия была использована статья из региональной еженедельной газеты «Караван — РОС».

Газетная статья, на наш взгляд, является более лёгким для восприятия адресата текстом массовой коммуникации, так как в газете автор использует ограниченное количество кодовых систем (вербальные и параграфемные знаки).

Безусловно, читателю проще сосредоточить свое внимание на содержании текста, что сделать гораздо сложнее в условиях теле- и радиопублистики. Кроме того, газетная статья даёт читателю возможность неоднократно обращаться к анализируемому тексту и более глубоко понять авторскую позицию и задачу.

Выбранная нами газета не финансируется из бюджета области или города, а потому носит характер оппозиционной по отношению к газетным изданиям, учредителями или соучредителями которых является Администрация области или Мэрия города. Кроме того, газета «Караван — РОС» в качестве своего адресата рассматривает достаточно широкий круг читателей: от школьников до пенсионеров. В данной газете освещаются события города и области, что представляет интерес для людей с разным уровнем образования.

Для эксперимента была использована статья «Ямочный ремонт», опубликованная в «Караван РОС» 12 февраля 2009г., причем выбор был обусловлен рядом причин:

- статья написана штатным корреспондентом газеты, ведущим регулярной рубрики «Заметки на полях» Александром Богатыревым;
- в статье затронута тема, волнующая многих ярославцев, независимо

от их социального положения;

– статья имеет небольшой объём, что немаловажно при проведении анкетирования.

В качестве основного метода сбора информации был выбран метод опроса респондентов (инструмент – анкета). Данный метод позволяет собрать сведения у респондентов различной компетентности и квалификации.

Перед составлением анкеты был определен тип необходимой информации (количественная и качественная). Для проведения опроса было решено использовать стандартизированную анкету, потому что стандартизованный подход может быть использован как при самостоятельном заполнении анкеты, так и при проведении интервью (в нашем случае опрос респондентов осуществлялся при личном контакте и через сеть Интернет). Он отличается простотой проведения, косвенное влияние со стороны опрашиваемого сведено к минимуму, легко осуществляется ввод данных и статистический анализ ответов.

Структура анкеты состоит из трех частей: введения, где респонденту сообщаются цели исследования, паспортчики, где приводятся вопросы, направленные на получение необходимой демографической информации, и основной части, цель которой получить сведения, удовлетворяющие информационным потребностям данного исследования.

При составлении анкеты использовались закрытые и открытые вопросы: закрытые вопросы многовариантного выбора для получения демографической характеристики респондентов, открытые вопросы для измерения степени верификации читателем авторской позиции и задачи.

Первый этап исследования включал обработку 250 анкет, из которых 22 были отбракованы в силу сомнительности информации, неправильного заполнения и т.д. Количественный состав респондентов представлен в следующей сводной таблице, из которой видно, что 32% опрошенных являются учителями-словесниками, то есть достаточно хорошо подготовленными читателями, которые не только должны уметь правильно воспринимать текст, но и учить этому других. Данная группа респондентов оказалась самой открытой для общения, чем можно объяснить такое количество полученных ответов. Тем интереснее кажутся нам полученные результаты, которые описаны далее.

Таблица 1
Сводная таблица социальных групп респондентов

	Частота	Проценты (%)
Школьники	4	2
Студенты	23	10
Рабочие	39	17
Служащие	49	22
Сотрудники учреждения образования	71	32
Предприниматель	14	6
Пенсионер	16	7

Безработный	7	3
Другое	3	1
Всего	228	100

Следующим параметром, который мы учитывали, было образование. Более половины опрошенных имеют высшее образование, то есть можно предположить, что данные респонденты умеют точно и правильно воспринимать не только публицистический текст, рассчитанный на широкую целевую аудиторию, но и научный, ориентированный на специалистов в той или иной области знания.

Одним из вопросов анкеты было определение авторской задачи. Большая часть всех категорий респондентов выделила следующую цель автора - *информировать читателей о событиях*. Безусловно, информативная задача присутствует в любой публикации, однако в предложенной респондентам статье она носит второстепенный характер, основной авторской задачей следует считать формирование отношения недоверия к региональной власти. К сожалению, данную задачу отметили только около 40% работников образования, 27% служащих, 22% предпринимателей, 18% студентов.

Такую цель, как *призвать к активному действию*, усмотрели 100% безработных, 35% студентов, 12% пенсионеров, 58% служащих и 22% предпринимателей. Вероятно, негативное отношение данных категорий респондентов к власти региона респондентами столь сильно, что задача текста воспринимается в гипертроированном виде. Однако в статье данная задача не ставилась, то есть явно выраженного призыва к конкретным действиям нет.

Весьма странным показалось указание на развлекательный характер статьи, причем данный ответ был обнаружен среди респондентов, которые достаточно серьёзно отнеслись к участию в исследовании. Можем предположить, что рассматривать предложенную статью как развлекательную позволил ироничный стиль изложения материала.

Неожиданно низкими оказались результаты опроса относительно проблемы текста и позиции автора: правильно определили проблему текста лишь 35% опрошенных, в остальных случаях читатель частный факт рассматривал как основную проблему текста (качество дорог).

Нередко в качестве проблемы была заявлена позиция автора (у региональной власти наступают далеко не лучшие времена), иногда проблема подменялась формулировкой задачи (осудить власть). Иногда респонденты указывали одну и ту же формулировку как проблему текста и как позицию автора, что свидетельствует о недостаточно четком представлении аудитории о таких понятиях, как проблематика, авторская позиция, авторская задача.

Верно определили позицию автора 73 респондента, что составляет 32% опрошенных. Остальные респонденты предлагали частные факты в

качестве позиции (региональные власти тратят деньги на бессмысленный ремонт).

Если рассматривать совокупное количество респондентов, правильно определивших и перечисливших аргументы, которыми автор обосновывает свою позицию, то результаты получились следующие: 64% опрошенных правильно указали типы использованных автором рациональных аргументов и 31 % опрошенных верно отметили эмоциональные средства воздействия автора на читателей.

Рассмотрим подробнее уровень восприятия авторской позиции разными категориями респондентов.

В эмпирическом исследовании принимали участие учителя русского языка и литературы, которые в силу своей профессиональной деятельности должны были показать максимально правильный результат, однако этого не получилось. Данная категория респондентов ответила на открытые вопросы гораздо лучше, чем другие группы опрошенных, однако абсолютного результата мы не получили. Примерно 60% учителей сформулировали проблему текста максимально точно, остальные предложили вместо формулировки проблемы факты, используемые для доказательства.

Определяя авторскую позицию, 59% данной группы респондентов дали правильный ответ, что свидетельствует о том, что профессиональное умение вдумчиво вчитываться в текст обеспечивает точное и правильное понимание проблематики первоисточника и дает читателю возможность адекватно воспринять авторскую позицию. Настораживает, однако, тот факт, что 40% респондентов-филологов с этой задачей не справились. Причиной тому может быть как невысокий уровень профессиональной компетентности респондентов, так и некачественно организованный текст, имеющий нечетко выраженную проблематику и неточно заявленную позицию автора, что кажется нам более правдоподобным объяснением.

Вторую группу респондентов составили служащие, 73% которых имеют высшее образование. Основную часть данной категории опрошенных составляют служащие банков, то есть это люди с хорошим уровнем речевой подготовки. Несмотря на это, лишь 37% опрошенных смогли правильно сформулировать проблему текста, а позицию автора определили только 24% респондентов. Данные результаты еще раз подтверждают предположение о том, что исходный текст не является точным и прозрачным для читателя. Служащих нельзя рассматривать как профессионалов в плане восприятия текста, но газетная статья предполагает достаточно широкую аудиторию, а потому должна быть понятна и правильно интерпретирована читателем.

46% служащих определили авторскую задачу как информирование, однако 36% усмотрели воздействие, причем 24% поняли задачу автора как призыв к действию: вероятно, респонденты восприняли попытку автора убедить в том, что власти разного уровня дискредитировали себя, как призыв, но не вполне понятно, к какому действию.

Любопытным оказался тот факт, что более 60% респондентов данной группы правильно указали тип аргументации и виды аргументов, что отражает высокий уровень понимания аргументативного текста.

В группе рабочих 46% опрошенных имеют средне-специальное и 36% высшее образование, что позволяет предположить достаточно точное восприятие текста данной группой респондентов. Однако опрос показал, что только 26% опрошенных правильно определили проблему текста и 13% верно указали позицию автора. Большая часть респондентов данной группы даже не пытались сформулировать ответы на эти вопросы, просто отвечали: «Не знаю».

Такую реакцию, вероятно, можно объяснить отсутствием регулярной практики в восприятии письменного текста. Нежелание заставить себя обдумывать газетные публикации должно быть учтены журналистами при создании материалов, поскольку рабочие составляют большой процент читателей, а потому важно, чтобы они смогли правильно понимать предлагаемые им газетные тексты.

Вполне закономерным является затруднение, которое испытывали данные респонденты при ответе на вопросы относительно типов аргументации и видов аргументов. 50% опрошенных не смогли или не захотели определить виды рациональных аргументов, встретившихся в тексте, и не обнаружили очевидной авторской иронии.

Следующую группу респондентов составили пенсионеры, 43% которых имеют средне-специальное образование, 19% высшее образование и 38% среднее образование. Данная группа представляет особый интерес, поскольку пенсионеры больше, чем другие категории респондентов читают газетные публикации. В связи с этим важно определить, насколько точно и правильно они интерпретируют прочитанную информацию.

Опрос показал, что данная категория опрошенных при определении проблемы текста испытывала серьёзные затруднения, респонденты не дали ни одного правильного ответа. Аналогичная ситуация сложилась и с определением авторской позиции. Данные результаты кажутся нам настораживающими, однако мы считаем необходимым продолжить наблюдение за восприятием авторского текста указанной группой опрошенных и расширить количество респондентов до 70 — 75 человек.

При определении авторской задачи 10% респондентов дали правильный ответ, большинство отметили информативную задачу (75%), 10% - призыв к активному действию. Развлекательный характер публикации отметили 5% опрошенных, что, вероятно, связано с тем, что в статье достаточно много авторской иронии, которую читатели данной группы чувствуют и фиксируют. Об этом свидетельствуют результаты ответов на открытый вопрос относительно видов эмоциональных аргументов: 20% респондентов указали авторскую иронию как средство эмоционального воздействия, при этом ни один респондент не отметил наличие в тексте рациональной аргументации. Данный факт кажется нам весьма любопытным, поскольку позволяет предположить, что люди более старшего возраста, находящиеся

на пенсии, склонны к эмоциональному восприятию информации в большей степени, нежели люди молодые и работающие.

Отдельную группу опрошенных составили предприниматели, люди, имеющие свой бизнес, а потому активные, старающиеся быть в курсе событий, но экономящие своё время. 79% данной группы — это люди с высшим образованием, 21% имеют средне-специальное образование.

Опрос показал, что лишь 14% респондентов данной группы смогли определить проблему текста, авторскую позицию не определил ни один из опрошенных. На наш взгляд, причиной тому может служить как отсутствие навыков работы с письменным текстом, так и низкое качество публикации, в которой нельзя быстро вычленить главную проблему и понять авторскую концепцию. Эта предположение мы высказывали, описывая результаты опросы других групп респондентов.

Определяя авторскую задачу, предприниматели дали результат, аналогичный показателям других групп: 61% указали информативный характер публикации, 26% увидели воздействующую цель (13% усмотрели убеждение, 13% призыв к действию), 13% выбрали ответ другое, но не конкретизировали его.

Отмечая характер аргументации, предприниматели выделили как эмоциональные, так и рациональные аргументы, причем 23% назвали факты, 11% авторскую иронию. Настораживает тот факт, что большинство предпочли ответить на данные вопросы весьма расплывчатой формулировкой «другое», причем без указания своего варианта. Можно предположить, что дополнительные интеллектуальные усилия, не связанные с профессиональной деятельностью, вызывают у респондентов отторжение.

Безработные составили отдельную группу респондентов, среди которых 50% респондентов — люди с высшим образованием, по 25% люди со средне-специальным и средним образованием. 14% опрошенных правильно определили проблему текста, авторскую позицию респонденты данной группы затруднились сформулировать.

Вместе с тем, среди безработных 25% правильно выявили авторскую задачу, 13% усмотрели призыв к действию, и 49% решили, что задачей автора является информирование. Хочется отметить, что в данной группе респондентов никто не квалифицировал статью как развлекательную, что вполне объясняется вовсе не правильностью понимания текста, а недостаточно внимательным чтением: никто из опрошенных не выделил эмоциональные средства воздействия, в том числе и очевидную авторскую иронию. 67% респондентов легко обнаружили рациональную аргументацию, в частности указали в качестве средств воздействия факты и законы.

При опросе студентов мы получили следующие результаты. Только 26% респондентов смогли сформулировать проблему текста, авторскую позицию определили только 13% опрошенных. Данные показатели кажутся нам очень низкими, так как студенты в силу своей учебной

деятельности ежедневно вынуждены работать с текстом, определяя проблематику и концепцию первоисточника. Причины пока неясны, их предстоит выявить, расширив круг респондентов и введя дополнительные вопросы о специальности, на которой обучается тот или иной студент. Мы также не исключаем обусловленность столь низких показателей некачественным стимульным материалом.

Определение авторской задачи также вызвало затруднение у данной группы респондентов: только 11% определили ее правильно, 22% усмотрели призыв к действию, 63% расценили статью как информативную, а 4% решили, что целью автора является развлечение читателя. Последний показатель кажется странным, поскольку ни один респондент данной группы не выделил в качестве эмоционального аргумента авторскую иронию, 25% процентов отметили авторскую оценку и 13% сравнение. Гораздо больше респондентов указало рациональную аргументацию и выделили такие средства воздействия, как факты (23%), цифры (8%), законы (23%).

Поскольку в первом этапе мониторинга участвовало немного школьников и др. социальных групп, мы не стали пока рассматривать все параметры опроса. Интересен лишь тот факт, что именно школьники точнее всех определили авторскую задачу: 25% опрошенных указали *убеждение*, и 75% - *информирование*. В категории «Другие» мнения разделились: 50% указали *информирование*, и 50% отметили *призыв к действию*.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам. Текст массовой коммуникации рассчитан на широкую целевую аудиторию, особенно если он представлен не в специальных изданиях, а потому важно, чтобы публикации имели прозрачную структуру, позволяющую читателю точно и правильно считывать проблему текста, понимать авторскую позицию и задачу. Авторам публикаций при создании текстов следует помнить, что газетные тексты адресат читает совсем не так, как читает художественный текст. При знакомстве с текстами массовой коммуникации читатель предпочитает такие материалы, которые не требуют глубокого, вдумчивого погружения в текст, необходимости искать подтексты, скрытые смыслы и авторские оценки. Если журналист стремится к тому, чтобы воздействовать на аудиторию, повлиять на формирование конкретного взгляда на те или иные общественно значимые проблемы, то ему следует выстраивать более стройную систему аргументирования.

Безусловно, проведенное исследование не дало ответов на вопрос о точности восприятия адресатом текстов массовой коммуникации. Скорее, оно поставило ряд вопросов относительно причин некачественной интерпретации письменного текста читателями. Для выявления истинных причин сбоев в восприятии текстов массовой коммуникации необходимо проведение дополнительного исследования, позволяющего дифференцировать причины, связанные с кодированием информации, и причин, обусловленных декодированием информации.

Коммуникативные стратегии в языке вражды

Дискурс, характеризующийся интолерантной и дискриминационной направленностью по отношению к людям той или иной этнической принадлежности называют *языком вражды* (Р. Акифьева, А. В. Денисова, Д. В. Дубровский, О. В. Карпенко, Г. Кожевникова, Е. Ю. Кольцова, В. К. Малькова, Э. Понарин, Ф. И. Торчинский, Л. Л. Шпаковская и др.).

Используя в исследовании термин *язык вражды*, необходимо понимать, что в этом случае изучается не сам язык, который остается тем же, а «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» (Паршин 1999). Это своеобразие может выражаться в содержании передаваемой информации, обстоятельствах, в которых происходит распространение информации, т.е. в социальном контексте, выполняемых текстом функциях и преследуемых целях.

В данной статье мы рассмотрим основные стратегии данного типа дискурса, которые состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель данного дискурса – реализацию интолерантного и дискриминационного отношения к группам и индивидам по тому или иному социально значимому признаку.

Стратегии реализуются на текстовом уровне и направлены на формирование негативных стереотипов, являющихся основой языка вражды. К изучению дискурсивных стратегий обращались как зарубежные, так и отечественные исследователи (Т. А. ван Дейк, М. А. Бойко, Д. В. Дубровский, В. И. Карасик, Н. В. Муравьева, Э. Понарин и др.), однако конкретные стратегии языка вражды еще не выделялись.

Мы предлагаем выделить три основных стратегии языка вражды – это стратегия *оценки*, стратегия *убеждения* и стратегия *мобилизации*. Рассмотрим подробнее каждую из них.

I. Стратегия оценки наиболее часто реализуется в языке вражды. Оппозиция «свои – чужие» является культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющей свое значение на протяжении веков, а названная стратегия позволяет формировать или передавать негативное отношение к группе «чужих» на основании приписывания представителям данной группы определенных качеств.

Несмотря на то, что оценка всегда сопряжена с личностным отношением, она преподносится как объективная, абсолютная оценка. Это выражается в том, что показателями абсолютной оценки выступают обобщенные фразы, например: *плохо, что они сюда едут*, а не модусные операторы, сопряженные с личностным отношением, например: *мне не нравится...* Особенностью оценочной стратегии является то, что оценка почти всегда негативная.

Большинство оценок – эмоциональные. Эмоции выражают отношение человека к содержанию знания в виде субъективной значимости этого содержания для языковой личности (Шаховский 1995, с.12). Оценивать – значит хвалить, порицать, критиковать, мотивировать, определять место оценки на условной оценочной шкале, устанавливать идеалы (Карасик 2004, с.261).

В естественном языке существует асимметрия положительной и отрицательной оценки в пользу отрицательной, ввиду того, что отрицательный опыт человека имеет большее значение, поэтому и слов с отрицательным оценочным значением гораздо больше, чем с положительной оценкой (Карасик 2004, с.261). Оценка поступка может трансформироваться в оценку субъекта данного поступка – особенно отрицательная. Под действием обобщения, оценка отдельных представителей группы распространяется на всю группу, например: «*Действительно, все приезжие мексы тупые, а кто вы думаете едет из Мексики в США улицы подметать?*» (молодежный форум).

Важнейшей характеристикой оценки является наличие оценочной шкалы. В языке вражды это оценивание «чужих» с точки зрения их соответствия качествам, ценностям, действиям и идеалам, важным в оценочной шкале культуры «своих».

Понятие «оценочности» тесно связано с понятием «эмоциональности». Язык вражды характеризуется **эмоциональностью**, т.е. преимущественной установкой не на разумное осмысление фактов, а на эмоциональную реакцию. Это отражается в таком отборе средств выражения, т.е. единиц лексического и синтаксического уровней, а также их семантико-стилистических сочетаний, которые апеллируют, в первую очередь, к эмоциональным структурам человеческой психики, а также воздействуют на бессознательные компоненты речевосприятия (Бережная 1988, с.143).

Эмоциональная форма выражения изменяет всю схему речевосприятия, действует на механизмы мышления, памяти, внимания, облегчает внедрение информации в сознание адресата (Школьник 1978, с.12), в результате чего возникают социально-психологические эффекты внушения и эмоционального заражения (Бережная 1988, с.143).

Эмоциональные формы речи интерпретируются адресатами как оценочное, личностное отношение автора к тем объектам, явлениям и событиям, о которых идет речь, способствуя разрушению барьеров критического восприятия содержания. При этом возникает явление эмпатии (психологического созвучия), эмоционального заражения и сопреживания.

II. Стратегия убеждения позволяет склонить адресата к определенной точке зрения. Для этого приводятся примеры, привлекаются мнения и цитаты авторитетных людей и из авторитетных источников.

Для того чтобы вызвать эмоциональный отклик, часто используется прием **проекции ситуации на конкретного человека** «*А если бы*

гастарбайтер напал на вашего родственника?» или «Это произошло с моим знакомым».

С ним связан прием «**Приведение примера**»: перенос общих свойств, приписанных этнической группе или ее «типовым» представителям, на частный случай – на человека или событие. Например, «*Все кавказцы агрессивны, и у меня есть знакомый – он как раз такой*».

В языке вражды также часто используются приемы, основанные на апелляции к высшим ценностям аудитории, к их личному опыту, уважаемым авторитетам и пр., или, наоборот, – ссылка на антигероев современности, исторические катастрофы и пр. Такие приемы апеллируют к высшим ценностям и к самым разнообразным личностным сторонам аудитории, возбуждая чувство гордости, справедливости, страха, опираясь на прошлый социальный и индивидуальный опыт индивида.

Другая группа приемов основана на апелляции к разуму и логике. Он противоположен эмоционализации. Это намеренное отстранение от эмоциональной оценки, и акцентирование внимания аудитории на фактах. Многочисленные разнородные факты и цифры плохо запоминаются, с трудом припоминаются и быстро забываются (Виньковский 1984, с.12). В то же время, возможность «самостоятельно» сделать вывод из приведенных данных статистики, опросов, и пр., без эксплицитного навязывания со стороны автора, позволяет легче запоминать извлеченные из таких текстов идеи и выводы. В данном случае не имеет значения, приведены ли истинные, но тенденциозно подобранные факты, или ложные сведения – результат будет одинаков. К данной группе приемов относится также использование непроверенной информации, отсутствие указания на источники информации, цитирование самого себя.

III. Стратегия побуждения / мобилизации к действиям наиболее часто реализуется на синтаксическом уровне:

- **Прямые призывы** (*Русский, решай!*) или **угрозы** (*Я вам понаеду*);
- **Вопросительные** конструкции (*Русский, ты забыл, что ты русский?*);
- Фразы типа : **подумай... решай....** И проч.

Использование таких приемов формирует определенную стилистику языка вражды. Стилистические средства и приемы используются для реализации основных стратегий языка вражды – стратегии оценки, убеждения и мобилизации.

Бережная Т. М. Пропагандистская риторика в системе пропагандистского манипулирования общественным сознанием // Язык и стиль буржуазной пропаганды. – М., 1988. – С. 135- 166.

Виньковский Ю. В. Обманные приемы буржуазной пропаганды. – Алма-Ата: О-во «Знание» КазССР, 1984. – 48 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm Архив 23 марта 1999 года.

Шаховский В. И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с.

Школьник Л. С. Воздействие на эмоции и воздействие эмоциями // Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы. – М., 1978.

В.В. Кузнецова

Стратегия создания имиджа интервьюируемого журналистом (на материале французской и русской прессы)

Анализ коммуникативного поведения участников портретного интервью позволил нам выделить стратегию создания имиджа интервьюируемого журналистом. Мы относим данную стратегию к основной, поскольку она отвечает цели портретного интервью – создать яркий эмоционально-психологический портрет личности и тем самым воздействовать на массового адресата. Целью стратегии создания имиджа является приближение образа интервьюируемого к массовому адресату, измерение интервьюируемого категориями, близкими читателю, приписывание ему черт, которые бы облегчали его восприятие, объяснение его поведения существующими и действующими стереотипами.

Под понятием «имидж» мы вслед за О.С. Иссерс понимаем совокупность нескольких составляющих: манер, внешности, поступков и особенностей речи (Иссерс 2006, с. 198). Рассматривая имидж, уместно привести слова английской писательницы Элери Сэмпсон: «Ваш личный имидж является картинкой вас. У вас не может не быть имиджа! Хотите вы этого или нет. Другие видят то, что вы избрали для показа им... Рассматривайте свой имидж как рекламу. Картинка снаружи рекламирует то, что есть внутри. Но это также обещание. Обещание того, что внешний имидж предоставит умение, компетентность и ценности, которые он рекламирует» (цит. по: Почепцов 2002, с. 18).

В числе тактик, реализующих эту стратегию, мы выделили тактику распределения ролей и тактику запроса самооценки.

Рассматривая тактику распределения ролей, мы руководствовались определением имиджа как сочетания основных и факультативных ролей. Ученые предлагают изображать модель имиджа в виде дерева, ствол которого образован доминантой, ветви – сопутствующие доминантам роли, крона представляет отдельные качества личности и факультативные роли (Иссерс 2006, с. 198-202).

В отличие от тематического интервью, целью которого является раскрытие какой-либо темы или проблемного интервью, где интервьюируемый выступает в одной социальной роли, например, эксперта, участник интервью раскрывается с позиции нескольких социальных ролей, напр., актер рассматривается также как муж, отец

семейства и сын. Тактика распределения ролей заключается в том, что журналист выделяет социальные роли интервьюируемого, определяет главную роль и дополнительные, а затем производит запрос информации по качеству исполнения каждой из ролей.

Согласно Н.Д. Арутюновой, можно рассматривать три категории имен лица: имя собственное, имя реляционное (шеф, мать, барин, начальник) и имя функциональное (актер, журналист, писатель) (Арутюнова 2003, с. 345). Реализуя тактику распределения ролей, журналист выделяет функциональные (режиссер, журналист, спортсмен) и реляционные имена (дочь, мать, отец). Выделив имена, журналист соотносит каждое из них с соответствующими признаками. Например, реляционное имя *отец* предполагает характеристики: *хороший, неважный, образцовый*. Это распределение факультативных и основных ролей мы можем наблюдать в следующем примере: *Богдан Сильвестрович, недавно вы были министром культуры Украины, а теперь занимаете пост художественного руководителя знаменитого киевского театра имени Ивана Франка. Наверняка творческому человеку нелегко входить в образ госчиновника. Тем не менее роль министра вы «сыграли» вполне успешно. Вы к ней готовились?* (Богдан Ступка, «7 Дней»). В этом примере среди перечисляемых амплуа – министр культуры Украины, руководитель знаменитого киевского театра – мы видим постоянное доминантное качество – *творческий человек*. Определив роли, журналист проверяет качество их исполнения: *Трудно быть руководителем театра, в котором вы более четверти века прослужили актером?* (Богдан Ступка, «7 Дней»). Приведем еще пример: *Comment conciliez-vous ces trois rôles : mère, actrice, femme?* (*Как вы сочетаете эти три роли: матери, актрисы, женщины?*) (интервью с Жюльет Бинош, «Paris Match»).

Наши наблюдения показывают, что интервьюируемый может не выходить из своей главной роли, сохраняя тем самым дистанцию. Например, в интервью с Семеном Альтовым для нас оставалось загадкой, почему большее количество вопросов отводится темам *семейная жизнь* и *хобби*, в то время как тема творчества остается нераскрытоей. Ответ оказался очевидным. Проанализировав жанр реплик интервьюируемого, а именно жанр шутки или байки, мы пришли к выводу, что главное качество интервьюируемого – его творчество, а именно его чувство юмора выводятся имплицитно и не нуждаются в излишнем акцентировании:

- Вообще вас трудно представить в кругу семьи.

- Похож на старого холостяка? Нет. Жена, кстати, мой директор, две прелестные внучки, двух и пяти лет, совершенно разные. Даже трудно поверить, что от одних родителей. Так что у меня все есть, я просто умело скрываю. Конечно, взгляд на человека, на мужчину, когда он один, это одно... Какой-то вальяжный джентльмен может в семье оказаться совершенным подкаблучником, а неказистый мужичок – хвать по столу: «Где еда?!»

- А вы из каких?

- Я человек достаточно неприхотливый. Никаких особых требований к жизни у меня нет, чем, кстати, женщину я раздражаю. Ей хочется большие фантазий, большие движения, хочется к чему-то стремится... Но я не возражаю против всех начинаний моей жены. Мне они даже нравятся. Особенно когда все уже сделано. Не люблю участвовать в процессе, но согласен посмотреть на результат. Это я насчет нашего ремонта, который совсем недавно завершился. Тяжелый был процесс, мы не ожидали. Здесь переделывалось все. Полы. Стены ровнялись. Занималась всем жена моя. Она сейчас домохозяйка, а вообще по специальности дирижер-хоровик. Человек очень щатательный, она все время пыталась объяснить мастерам, что угол должен быть 90 градусов. А эти ребята никак не могли понять. Потому что в нашей стране 85 – это практически 90. Они удивлялись: «Лариса Васильевна, в чем дело?» Смотрели на меня: «Что она говорит? И вы с ней живете? Давно? И не убили? Странно...».

Если реляционные имена не актуализируются, это происходит при нежелании говорящего раскрывать тему личной жизни, журналист раскрывает качества функциональных имен. Тактика распределения ролей направлена на выяснение функциональных и реляционных имен интервьюируемого (социальных ролей), на установление между ними иерархии, на соотнесение каждого имени с рядом признаков и качеств.

Следующая тактика, используемая журналистом при создании имиджа интервьюируемого – это тактика запроса самооценки. Вопросы этой тактики служат стимулами для выделения самооценки собеседника и, соответственно, его отношения к самому себе. В этом случае, рематическая доминанта вопросов будет ориентирована на выяснение качеств интервьюируемой особы (Шевченко 2003: 103). В основе этой тактики нам представляется возможным выделить два семантических приема:

- 1) Какой вы? (запрос зеркального имиджа);
- 2) Вас считают таким... (предъявление воспринимаемого имиджа, служащего стимулом для предъявления собственной самооценки).

Зеркальный и воспринимаемый (текущий) типы имиджа рассматриваются Г.Г. Почепцовым (Почепцов 2002, с.36-39). Зеркальный имидж свойствен нашему представлению о себе. Для этого типа имиджа характерна положительная окраска, объясняемая тем, что людям всегда свойственно выдвигать на первое место позитив. Воспринимаемый (текущий) имидж представляет взгляд со стороны.

1) Типичными высказываниями запроса зеркального имиджа в русских интервью являются следующие:

- И все-таки, какой вы на самом деле? (интервью с Андреем Соколовым, «7 Дней»).

- А какой у вас теперь характер? Злой и боевой? Или спокойный, нордический? (интервью с Жанной Фриске, «7 Дней»).

- Несколько прилагательных, которыми бы вы охарактеризовали себя?... (интервью с Мариной Яковлевой, «Домашний очаг»).

Во французских интервью:

- *Comment vous pouvez vous définir?* (интервью с Жюльет Бинош, «Paris Match»).

- *Si vous deviez définir votre caractère, que diriez-vous?* (интервью с Одри Тату, «Paris Match»)

Знание того, к какому знаку зодиака относится собеседник, также используется журналистом, поскольку каждый знак представляет набор признаков, служащих опорой для самоопределения: - *Vous êtes née le 27 avril, vous êtes une femme Taureau... Вы родились 27 апреля, вы женщина Телец...* (интервью с актрисой Анук Эме, «Paris Match»).

Журналист может запрашивать информацию о наличии определенного качества в характере его собеседника:

- *Вы человек конфликтный?* (интервью с Антоном Табаковым «Лиза»).

- *Вы вообще девушка влюбчивая?* (интервью с Анной Невской, «Домашний очаг»).

2) Используя другой прием, журналист в своем высказывании воспроизводит образ интервьюируемого глазами других (воспринимаемый имидж). Иллюзия высказываний журналиста при этом направлена на выяснение отношения к своему образу, воспринимаемому со стороны, на причины сложившегося мнения, если образ носит отрицательные черты, на корректировку представленного образа. Оценка других служит ориентиром, облегчающим приведение собственной оценки. Используя предлагаемую оценку, говорящий дополняет ее, выбирает нужный синоним, пытаясь передать нюансы какого-либо качества, или напротив, отмечает предлагаемый образ.

Воспринимаемый имидж реализуется в бессубъектных предложениях в русском языке и предложениях с неопределенно-личным подлежащем *on* во французском. Предикатами этих предложений выступают в русском языке *принимать, считать, казаться, ассоциироваться*, во французском языке *prendre pour, passer pour, sembler*, в предложениях обладания с глаголом *avoir* (*avoir l'image de...*).

Например, в интервью с известным французским телепродюсером Артуром журналист вынуждает интервьюируемого признать, тот факт, что он раздражает своей высокомерной манерой и амбициями:

- *Aujourd'hui, vous agacez et parfois choquez. A quoi l'attribuez-vous ?*

- *Cela va vous étonner, mais je suis extrêmement timide. Souvent, ce qui peut passer pour l'arrogance ou un air hautain n'est en réalité qu'un bouclier de protection. Sans doute qu'à force de me protéger, les gens ne savent pas qui je suis et me dépeignent à travers mille rumeurs, fantasmes et délires. Mon portrait se résume à un type sûr de lui, prêt à tout et prétentieux. Il n'y a rien de plus faux... Je doute sans cesse.* В ответном высказывании интервьюируемый обращает внимание на контраст, существующий между зеркальным имиджем: *je suis extrêmement timide* и воспринимаемым: *un type sûr de lui*,

prêt à tout et prétentieux. Даётся оценка взгляду со стороны: *Il n'y a rien de plus faux*, кроме того, говорящий выделяет причины подобного отношения: *Souvent, ce qui peut passer pour l'arrogance ou un air hautain n'est en réalité qu'un bouclier de protection.* Любопытным в реплике является то, что помимо своей воли говорящий утирает повышенный интерес к собственной персоне, тем самым имплицитно акцентируя собственную значительность: *люди не знают, кем я являюсь, и меня представляют сквозь тысячу слухов, образов и бреда.*

Во французских интервью журналист в своем высказывании может представить контраст между существующим – воспринимаемым имиджем и собственным впечатлением. Это эмоционально-настраивающая тактика, целью которой является стимулирование дальнейшего хода беседы. Приведем пример: *Je dois dire que je ne vous ai jamais vue aussi détendue, aussi bien dans votre peau, qu'en ce moment. Est-ce votre regard sur votre métier qui a changé ou votre regard sur vous-même?* (интервью с Катрин Денев, «Paris Match»). В высказываниях этого типа уже представлена оценка, данная другими.

Коммуникативная стратегия создания имиджа интервьюируемого журналистом представляет собой совокупность коммуникативных тактик, среди которых мы выделили тактики распределения ролей и запроса самооценки. Целью тактики распределения ролей является установление иерархии между функциональными и реляционными именами интервьюируемого. Эта тактика применяется в равной степени и французскими и русскими журналистами.

Иллокуция высказываний, реализующих тактику запроса самооценки, направлена на выяснение качеств интервьюируемого. Анализ этой тактики позволил нам отметить этнокультурную специфику французских интервью, что выражается в том, что французские журналисты чаще прибегают к запросу самооценки через предъявление воспринимаемого имиджа. Так, высказывания, направленные на коррекцию сложившегося образа, встречаются в 80% примеров французских интервью и в 50% русских интервью (всего проанализировано 210 текстов портретных интервью).

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 4-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2006.

Почепцов Г. Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002.

Шевченко Н. В. Основы лингвистики текста: учеб. пособие. – М.: «Приор-издат», 2003.

Языковая игра в современных российских СМИ

(на материале аббревиации и дезаббревиации)

«Язык как средство коммуникации вербализует всё, что происходит в обществе, отражая ментальную, эмоционально-психическую реакцию людей на все изменения переломного времени» (Крюкова 2008, с. 187). Это наиболее отчётливо проявляется в словообразовании, в том числе и в аббревиации как в одном из его способов. На современном этапе развития языка российских СМИ становится феноменом так называемая языковая игра. Это явление в последнее время привлекает внимание лингвистов.

Так, Е.А.Земская называет помимо традиционных функций словообразования (собственно номинативной, конструктивной, компрессивной, экспрессивной, стилистической) и «игровую» функцию (Земская 2007), которая «выполняет и номинативную роль (игровое слово непременно именует что-либо), но в ней присутствует особое намерение говорящего – поиграть с формой речи, причём эта игра может быть и безобидной шуткой, и острой насмешкой, и злой иронией, и ёдким сарказмом» (Земская 2007, с. 186).

А.В.Стахеева понимает языковую игру как «сознательный эксперимент, имеющий установку на творчество, нарушающий строгую языковую норму, но не ситуативную, учитывающую социальную роль говорящего, взаимоотношения участников коммуникации, предмет, тему, цели общения, намерения коммуникантов и многие другие показатели. Языковая игра не нарушает коммуникативную норму, и правильным является всё то, что уместно в данной языковой ситуации» (Стахеева 2008, с. 10).

Языковая игра, таким образом, является сознательным нарушением языковой нормы, но стилистически обоснованным и балансирующим на грани языковой уместности. Следовательно, автором удачного игрового словотворчества, если говорить о публицистике, может стать лишь журналист, тонко чувствующий норму языка, его выразительные возможности и семантику отдельных языковых единиц.

В нашей работе мы обратили внимание на проявление языковой игры в области словообразования (аббревиации), т. е. словообразовательной игры (Ильясова 2002). Такая игра в языке современных российских СМИ реализуется особым графическим оформлением слов, содержащих в своём составе аббревиатуры, результатом чего являются графические окказионализмы (Байчурина, 1998). Такую реализацию игры – замену сегмента узуального слова на аббревиатуру (Ильясова 2002) или же псевдомотивацию (Стахеева 2008) находим в заголовке статьи, информирующей о противоречивых выступлениях бывшего президента США Джорджа Буша и министра обороны Роберта Гейтса относительно

размещения в Восточной Европе элементов американской системы противоракетной обороны:

«Странный ПРОкол Буша и Гейтса» (<http://www.rambler.ru/news/politics/protreaty/542825270.html> [24.10.2007]).

В окказиональном слове «ПРОкол» содержится первичное экспрессивно-разговорное значение, а также в его составе графически выделяется аббревиатура ПРО (противоракетная оборона). Такого же рода игра в заголовке:

«Президент США в Праге: всё неПРОсто!» (Известия № 57/27828, 06.04.2009); в русском слове просто графически выделена аббревиатура ПРО.

Следующим способом окказионального словотворчества с графическим выделением аббревиатуры является контаминация, т. е. замена части слова аббревиатурой, основанная на их структурной, функциональной или ассоциативной близости. Вот, заголовок «ЧОПнутые» (Литературная газета. № 17. 23.04.2008) озаглавливает статью, информирующую о проведении лжеконференции Международного литературного фонда, созванной бывшим директором МЛФ (Международного литфонда), на которую сотрудники ЧОП (частного охранного предприятия) не допустили членов бюро МЛФ и вообще пропускали в здание участников по странному списку. Экспрессия тут основана на соединении разговорно-сниженного русского слова *чокнутый* и аббревиатуры ЧОП (частное охранное предприятие).

«ЕГЭ-центрическое образование» (Литературная газета. №14. 01.04.2009) – заголовок статьи, описывающей отрицательную позицию школьников, студентов, педагогов к единому государственному экзамену и отсутствии широкого обсуждения его итогов. Заменив часть слова *эгоцентрический* аббревиатурой ЕГЭ (единый государственный экзамен), автор заголовка достаточно жёстко выражает свою позицию.

Критически звучит и следующий заголовок: «Бабка-ЕГЭшка» (Литературная газета. № 24. 10.06.2009), озаглавивший статью, критикующую единый государственный экзамен, проводимый в форме тестирования, т. е., по мнению журналиста, в форме искажения сознания. В заголовке находим контаминацию словосочетания *баба-яга* (колдунья, отрицательный персонаж русских народных сказок) с аббревиатурой ЕГЭ. Экспрессию усиливает применение суффикса –шка.

«Ющенко скоро ПРИБЮТ» (Известия. 06.06.2009) – в данном заголовке слово ПРИБЮТ, образованное соединением аббревиатур ПР (Партия регионов) и БЮТ (Блок Юлии Тимошенко) ассоциируется с формой 3 лица множественного числа русского разговорно-сниженного глагола *прибить* (побить, поколотить кого-л.) – *прибют*. История появления слова ПРИБЮТ – названия нового украинского политического блока - даётся в тексте статьи: «Украинский президент зря кланялся папе римскому. Пока президент Украины Виктор Ющенко посещал Ватикан, встречался с папой римским и беседовал с ним о создании единой украинской поместной

церкви (видимо, католической при 90%-ном украинском православии), в Киеве произошел переворот. Партия регионов (ПР) и Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) фактически договорились о создании парламентского большинства ПРИБЮТ. Оно внесёт изменения в Конституцию, согласно которым президента будут выбирать не всенародным голосованием, а в парламенте».

Аббревиатура в языке и языковом сознании его носителей вызывает не только тенденцию к языковой игре, обыгрыванию отаббревиатурных производных, но также служит побуждением, поводом для появления обратного явления – дезаббревиации (Журавлёв, 1982). Понимания понятия дезаббревиации у лингвистов не одинаковы.

Впервые дезаббревиацию как языковое явление описал А.Ф. Журавлёв. Он рассматривал дезаббревиацию в контексте «вторичного фразообразования», расчленяя его на фразопреобразование и дезаббревиацию. Журавлёв выделял три типа дезаббревиации:

дезаббревиация в стилистических целях (например, вместо стёршихся аббревиатур *колхоз* и *совхоз* журналист с целью обновления внутренней формы слов использует синтаксическую конструкцию: *коллективные хозяйства*);

«сознательные ложные расшифровки аббревиатур» (например, в речи лектора: целевая установка → ЦУ → ценные указания);

«особая разновидность дезаббревиации» – «условная дезаббревиация слов, не являющихся аббревиатурами», например: водка «Экстра» → «эх, как стало трудно русскому алкоголику» или с инверсией «алкоголик русский, терпи, скоро конец этому» (Журавлёв 1982, с. 97).

Однако в современной лингвистике вопрос дезаббревиации трактуется иначе, ограничивается сфера его понимания. Так, А. В. Зеленин отрицает понимание дезаббревиации, предложенное А. Ф. Журавлёвым, считая дезаббревиацией только называемые А. Ф. Журавлёвым «сознательные ложные расшифровки аббревиатур».

А. В. Зеленин предлагает отличать от дезаббревиации:

лексическую омонимию собственных или нарицательных имён, местоимений, падежных, глагольных форм с аббревиатурами, напр.: ГРОБ «гражданская оборона» и нарицательное существительное гроб «ящик с крышкой для тела умершего» (пример заимствован из Зеленин 2005, с. 81);

раскодирование (в классификации А. Ф. Журавлёва «условную дезаббревиацию») – побуквенное расщепление слова по аббревиатурному типу, напр.: студент → «срочно требуется уйма денег есть нечего точка» (Литературная газета. №29. 2007), Горбачёв → «граждане обрадовались рано Брежнева Андропова Черненко ещё вспомните» (Литературная газета. № 29. 2007).

С таким же пониманием проблематики встречаемся и у А. В. Стакеевой, выделяющей:

двойную мотивацию – сознательное использование в качестве аббревиатуры цельнооформленного слова (т.е. лексическую омонимию

аббревиатуры с обычным словом – Зеленин 2005), напр.: МАМА → *Междуннародный альянс модельных агенств и мама* (пример заимствован из Стакеева 2008, с. 11);

раскодирование («псевдоаббревиатуры») (Стакеева 2008, с. 11) – побуквенное расщепление слов по аббревиатурному типу, напр.: морг → *место окончательной регистрации граждан* (пример заимствован из Стакеева, 2008, с. 11);

дезаббревиацию – игровую расшифровку общеизвестных аббревиатур, напр.: ВВП «валовой внутренний продукт» → «Владимир Владимирович Путин».

Мы разделяем точку зрения А. В. Зеленина и А. В. Стакеевой и считаем дезаббревиацией шутливую, игровую расшифровку существующих в языке аббревиатур с целью создания иронии, насмешки. «Дезаббревиация – это обработка того или иного знания, при которой это новое знание получает экспрессивную окраску» (Шаова 2008, с. 215). Например:

МГИМО «Московский государственный институт международных отношений» → «много гонора и мало образования» или «место, где интеллигент может отдохнуть» (онлайн словарь сокращений www.sokr.ru);

МТС «Мобильные телесистемы» (оператор сотовой связи) → «местами тебя слышу» или «моя твоя слышит» или «мои тающие средства» (онлайн словарь сокращений www.sokr.ru);

КГБ «Комитет государственной безопасности» → «комитет глубинного бурения» или «коммунистическое государство будущего» (онлайн словарь сокращений www.sokr.ru);

СПИД «синдром приобретённого иммунного дефицита» → «скоропалительный подарок иностранного друга» или «сахар приобрели ищите дрожжи» (Литературная газета. №29. 2007).

Приведём также примеры омонимии аббревиатуры со словом или его формой (двойной мотивации) в языке современных российских СМИ:

«Кто уйдёт, а кто останется?» (Российская газета. № 55. 01.04.2009) – заголовок статьи, информирующей о том, что режим контртеррористической операции в Чеченской Республике заканчивается, но в республике остаются силовые подразделения, размещённые там на постоянной основе. В данном случае аббревиатура КТО (контртеррористическая операция) является омонимом местоимения *кто*.

«МЭР поддержал идею ВЭБ выделить банку 950 миллиардов рублей на спасение компании» (<http://today.rambler.ru/Russia/head/1443375/>) – в связи с переходом полномочий, касающихся торговли, из МЭРТ (Министерство экономического развития и торговли) на Министерство промышленности аббревиатурное название первого министерства сократилось, в результате чего аббревиатура МЭР (Министерство экономического развития) является омонимом слова *мэр* и, таким образом, может в языковом сознании реципиента ошибочно ассоциироваться с упомянутым словом, вводить в заблуждение и способствовать неправильному пониманию заголовка.

Итак, аббревиация выполняет в языке современных СМИ не только номинативную и компрессивную функции, она также является средством выражения экспрессии, проявляющейся в особом графическом оформлении слов, содержащих в своём составе аббревиатуры – окказиональном словотворчестве. Это проявляется прежде всего на газетной полосе и сайтах Интернета. В разговорной речи и жаргоне функционирует также дезаббревиация – игровая расшифровка часто употребляющихся и популярных аббревиатур.

Мы полагаем, что представленные способы экспрессивного функционирования аббревиации (языковая игра) являются формой эстетического обогащения публицистического текста, а также ставят перед реципиентом (читателем) задачу постоянного повышения своей языковой компетенции, чтобы избежать нарушения адекватности понимания публицистических текстов.

Байчурина Н. В.: О графических окказионализмах // Филология – журналистика '97. Сборник материалов научной конференции. - Красноярск, 1998. – С. 45 – 46.

Журавлёв А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. (Отв. ред. д. ф.н. А.Д.Шмелев). - Москва, «Наука», 1982. – С. 45 – 109.

Зеленин А.В. Дезаббревиация в русском языке // Вопросы языкоznания, № 1/2005.

Земская Е.А. Игровое словообразование. // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина (отв. ред. Е. А. Земская).Москва, 2007. – С. 186 – 194.

Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-дону, 2002.

Камынин Е. Свобода расшифровки слов // Литературная газета, № 29/2007.

Крюкова Г.А. Особенности окказионального словообразования в языке современной прессы. // Русистика и современность. Материалы X международной научно-практической конференции 26 – 28 октября 2007. - Том 1: Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. - Санкт-Петербург: Изд. дом «МИРС», 2008. С. 187 – 195.

Стахеева А.В. Аббревиация: словоиздвоство и словотворчество (на материале русского языка конца XX – начала XXI века). Автореф. дис. ...канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2008.-21 с.

Шаова Р. А. Дезаббревиатуры как единицы с коннотативным значением // Русский язык: Человек, Культура, Коммуникация. Сборник статей.. Екатеринбург, 2008. С. 214 - 218.

Шаова Р. А. Дезаббревиация как проявление языковой игры // Избранные материалы X Международного конгресса молодых учёных. Нальчик, 2007.

Словарь сокращений онлайн www.sokr.ru .

Речевое поведение радиоведущих: жанровые и имиджевые параметры

(на примере ведущих регионального радио О. Коммелиной и Р. Тарковского)

Статья подготовлена в рамках Гранта МО РФ 6388 «Актуальные процессы социальной и массовой коммуникации» по аналитической ведомственной целевой программе “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

Под языковой личностью понимается любой носитель языка, охарактеризованный на основе анализа производимых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка. Данный термин используется также как наименование комплексного способа описания языковой способности индивида.

Существуют различные модели описания языковой личности. Приоритет в построении единой теории языковых личностей принадлежит Ю. Н. Караулову. С учетом предложенных О. Л. Каменской дополнений расширенная модель языковой личности имеет следующие уровни: *вербально-семантический, когнитивный, мотивационно-прагматический, эмоциональный, моторико-артикуляционный, гендерный*.

В основе структурной модели языковой личности Г.И. Богина лежит система социальных оценок речевой деятельности, позволяющей судить об уровне развитости языковой личности. Исследователь выделяет пять уровней: *уровень правильности, уровень интериоризации, уровень насыщенности, уровень адекватного выбора единиц языковой цепи и уровень их адекватного синтеза*.

Способность личности к кооперации в речевом поведении можно оценить, положив в основу аналитического описания классификацию К. Ф. Седова. Наряду с *конфликтным, центрированным и кооперативным* типами речевого поведения исследователь выделяет *«личностный комплекс»*, который включает в себя *доминанту, субдоминанту и субстрат*.

Наиболее релевантной задачам исследования устной публичной речи является модель М. А. Канчера, которая предлагает говорить о трех аспектах описания языковой личности: *стилистическом, коммуникативном и лингвокультурологическом*.

Важным аспектом в понимании структуры языковой личности является отнесение ее к тому или иному типу речевой культуры. Профессор О.Б. Сиротинина отмечает существование явной зависимости между качеством устной речи и принадлежностью говорящего к определенному типу речевой культуры. Совместно с В.Е. Гольдиным ею были выделены

следующие типы: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный и фамильярно-разговорный.

Характер коммуникации во многом определяется и уровнем, на котором происходит общение и который избирает говорящий. Оптимальным уровнем для решения межличностных проблем в человеческих контактах А. Б. Добрович признает конвенциональный уровень.

Изучение речевых жанров является одним из основных подходов к исследованию устной диалогической речи. Существует несколько типологий речевых жанров, в большинстве из которых наблюдается отчетливое противопоставление жанров информационной и фатической речи. Вслед за Т.В.Шмелевой мы выделяем *перформативные, императивные и оценочные фатические речевые жанры*. М.Ю.Федосюк выделяет ряд специфических жанров, которые используются радиоведущими музыкальных программ, среди них преобладают *фатические речевые жанры – комментарий по поводу музыкальных произведений, комментарий по поводу собственных слов, шутка, чтение писем радиослушателей*.

Одним из центральных параметров речевого поведения радиоведущего является имидж. Если конкретный человек обладает личностным имиджем, то по отношению к радиостанции следует говорить об особом – корпоративном имидже, который напрямую связан с понятием бренда и фирменного стиля.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к постоянному возрастанию роли публичной речи в современном общении. Наша действительность создает для языковых личностей большое разнообразие коммуникативных ситуаций, которые приводят к возникновению новых комплексных речевых жанров, одним из которых в наши дни становится *жанр музыкальной радиопередачи по заявкам*.

В рамках настоящей статьи мы представляем анализ речевого поведения ведущих регионального радио – О. Коммелиной («Love radio» - Ярославль) и Р. Тарковского («Радио Шансон» - Ярославль).

- Оба радиоведущих используют широкий диапазон информационных и фатических речевых жанров. Фатические речевые жанры представлены следующими разновидностями: этикетными (перформативными), императивными, оценочными. Кроме того, мы отметили некоторые индивидуальные особенности. Так, дискурс Р. Тарковского отличается большим жанровым разнообразием, а среди его жанровых предпочтений можно выделить шутки и разнообразные шуточные советы, вопросы и комплименты:

Алена! У вас все получится// Память у вас хорошая...// Все это меня потрясло до глубины души!

- В речи О. Коммелиной доминирует жанр пожелания и комментария по поводу музыкальных композиций:

Удачи вам / Александр! Учитесь хорошо и поступите в университет! Оптимизма вам такого же и всегда!

- Анализ жанровых предпочтений ведущих позволил сделать вывод о составе «личностных комплексов». В частности, «личностный комплекс» О. Коммелиной включает в себя конформную доминанту, манипуляторскую субдоминанту и агрессивный субстрат, поскольку в основном ведущая демонстрирует уважение и симпатию к собеседнику, но при этом периодически прибегает к жанрам поучения, совета, а порой даже насмешки или колкости:

Остается только одно / посоветовать вам быстрее собираться и придумать / в чем пойти // Без пятнадцати девять / стоит поторопиться!

- В «личностный комплекс» Р. Тарковского входят конформная доминанта и манипуляторский субстрат, так как в его речи также присутствуют жанры «левой части типологии» - насмешка, упрек, колкость, ирония:

Вы не знаете / как зовут человека / который поет в вашей любимой группе?! Ха-ха!

- Анализируя тип речевой культуры, который характерен для ведущих, мы пришли к выводу, что как О. Коммелина, так и Р. Тарковский являются представителями среднелитературного типа речевой культуры, близкого к элитарному. В целом их речь соответствует нормам литературного языка, лишена штампов, они стремятся использовать язык творчески, обладают хорошим словарным запасом и четкой дикцией. При этом мы отметили отдельные нарушения, на основании которых отнесли обоих ведущих к среднелитературному типу. Так, оба ведущих используют молодежный сленг, просторечные и разговорные выражения, допускают грамматические ошибки:

Мы рады приветствовать разухабистую Галину!

О чём хотели поделиться?

- По отношению к Р. Тарковскому можно также говорить о сильной редукции слов (здрасьте, токо, чё-нить вместо чего-нибудь) об употреблении жаргонизмов и разговорных частиц (шибко, до лампочки, опаньки).

- Если говорить об уровне общения, который выбирают ведущие, то Р. Тарковский тяготеет к игровому уровню: он стремится вывести коммуникацию за стандартные рамки, пригласить собеседника к столкновению, сделать диалог интересным для конкретного и для массового адресата.

- О.Коммелина выбирает преимущественно конвенциональный уровень, что выражается в предупредительности по отношению к собеседнику. Периодически ведущая общается на стандартизированном уровне, так как коммуникация в прямом эфире, так или иначе, отличается определенной условностью и заданностью, что проявляется в наличии воспроизведимого сценария диалогов.

- Проведенное исследование выявило и ряд гендерных особенностей в построении коммуникации радиоведущими. С одной стороны, в дискурсе О. Коммелиной прослеживаются специфические черты фемининного типа речевого поведения. Ведущая тяготеет к приему эмпатичного слушания; использует вежливые формы обращений и просьб; свободно передает инициативу собеседнику; употребляет вводные конструкции, выражающие различную степень реальности сообщаемого и ссылки на источник информации. С другой стороны, в ее речи прослеживается ряд отклонений от женских речевых стандартов. В частности, были отмечены случаи употребления молодежного сленга (*А дальше / как фишка ляжет//*), императивные просьбы (*Приступайте! Не кладите трубку! Если вам есть / что сказать/ говорите!*), вопросы с целью критики и выражения сомнения.

Дискурс Р. Тарковского также не вполне отвечает сложившемуся маскулинному стереотипу речевого поведения. Среди типичных черт мы отметили использование молодежного сленга, жаргонизмов, профессиональной лексики, употребление вводных конструкции с целью упорядочения информации. Но наряду с этим в речи присутствует большое количество оценочной лексики (*зажигательная песня, черствая девушка с жестоким сердцем*), восклицательные предложения (*Отлично! Молодец!*), интенсификаторы (*очень, очень-очень, настолько*), вежливые просьбы преобладают над императивом, кроме того, часто диск-жокей оказывается в роли перебиваемого. Таким образом, поведение обоих ведущих позволяет говорить об андрогинии, то есть совмещении в поведении человека маскулинных и фемининных черт.

- Анализ имиджевого своеобразия показал, что каждая из радиостанций обладает особым, узнаваемым имиджем, позитивным по своему эмоциональному содержанию, но ориентированным на разные категории слушателей. Так, в основу корпоративного имиджа «Love radio» положена идея «радио для влюбленных», «Love radio» формирует миф о жизни-празднике, пронизанной любовью, взаимностью и всеобщим счастьем, что находит отклик у целевой аудитории – молодежи.

«Радио Шансон» позиционирует себя как «хорошее» и «настоящее» радио, делающее акцент на смысловую сторону песен и ориентированное на традиционные ценности русской культуры. Соответственно, «Радио Шансон» видит своим адресатом взрослых людей и молодежь с нестандартными музыкальными вкусами.

Наконец, нами были сделаны выводы относительно личностного имиджа радиоведущих. На наш взгляд, О. Коммелина создает в эфире образ обаятельной, веселой и беззаботной девушки. По-видимому, данный образ соответствует подлинному психологическому облику данной личности, так как О. Коммелина очень органично ведет себя в эфире. Кроме того, языковые средства, приемы, которые использует ведущая, ее речевое поведение в целом соответствует корпоративному имиджу и миссии «Love radio».

Образ, который создает в своей программе Р. Тарковский, трудно охарактеризовать однозначно. Диапазон его ситуативных коммуникативных ролей довольно широк: «наивный чудак», «герой-любовник», «загадочный меланхолик», «циник». На наш взгляд, выбор диск-жокеем конкретной роли обусловлен в большей степени некими внутренними мотивами и не связан напрямую с жанром и имиджем радиостанции. В данном случае коммуникативное поведение определяется скорее потребностью самовыражения.

Таким образом, в ходе практического исследования мы установили, что речевое поведение ведущих анализируемых радиостанций обусловлено как жанровыми и имиджевыми параметрами исследуемых программ, так и личностным имиджем. Но при этом мы увидели, что определяющую роль, так или иначе, играет сама языковая личность, поскольку именно она выбирает, подчинить свое речевое поведение заданным параметрам (модель О. Коммелиной) или изменить их в соответствии со своей индивидуальностью (модель Р. Тарковского). На наш взгляд, выбор модели речевого поведения во многом обусловлен гендерными особенностями, поскольку в нашем случае именно женщина демонстрирует способность органично соотносить свое поведение с предлагаемыми обстоятельствами, а мужчина стремится к доминированию и преодолению задаваемых извне рамок.

Богин Г. И. Типология понимания текста // Общая психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие. – М., 2004.

Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М., 1987.

Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. – М., 2002.

Канчер М. А. О трех аспектах описания языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.

Федосюк М. Ю. Репертуар жанров речи радиоведущих музыкальных программ // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997.

Художественная коммуникация

Л.М. Борисова

К анализу неуспешного диалога в художественном дискурсе

Жизнь и творчество Ф.Фюмана претерпели сложную эволюцию. Постепенно для Ф.Фюмана все большее значение приобретали вопросы жизненной позиции творческой личности, её самораскрытие как

императив нравственного поведения, поиск самого себя, постоянное стремление писателя «создать тот кусочек литературы, который в состоянии создать только он, и никто другой» (Фюман 1989, с. 10).

С начала 70-х годов и едва ли не до конца жизни Фюман работал над романом о горняках – «Горным романом». В этом романе, как свидетельствуют высказывания самого Ф. Фюмана, он стремился разрешить серьёзную личную и общественную проблему: «Какое место занимает писатель в системе реально существующего социализма» (из интервью с Фюманом 1979 года). В годы работы над романом о рабочем классе Ф. Фюман имел возможность ещё и ещё раз подумать о своём месте в обществе, о своей ответственности перед ним (Фюман 1989, с.15).

Этим же вопросом он задается и в рассказе «Пустяк, положительный во всех отношениях». Рассказ построен в форме интерактивного общения с читателем, которое выстраивается как на основе интеракциональных речевых действий повествователя, обращенных к потенциальному читателю, так и на основе текстоорганизующих речевых действий (парафраз), а также метакоммуникативных речевых действий, репрезентирующих комментарий коммуникативного поведения других персонажей рассказа, а также своего собственного.

В ниже приведенном примере метакоммуникативные интенции повествователя предваряют ряд метакоммуникативных реформулирующих речевых действий, соотносящихся с уже предпринятой формулировкой, и представляющие собой усиленную тематизацию аспекта: «события ...были довольно-таки незначительными, если не сказать пустячными. Как говорится, ничего особенного не происходило». Налицо каскадное (множественное) парафразическое варьирование аспекта «незначительность», способствующее нарастанию напряжения при восприятии излагаемых событий, которое далее усиливается многократно тематизируемыми на метаакциональном уровне интенциями повествователя, переходящими плавно в повествовательные речевые действия на уровне изображения истории.

И вновь в стратегии организации своего коммуникативного поведения повествователь прибегает к так называемому организационному метакоммуникативному речевому действию (Firle 1987, с. 66), структурируя своё повествование и, забегая вперёд, информирует читателя о событиях, о которых он в момент данного актуального времени повествования знать не может:

1. «Специфика профессиональной деятельности способна порой довести меня едва ли не до отчаяния, и дело тут вот в чем: оглядываясь назад, видишь, что чреватые серьезными последствиями события, рассказать о которых по идеи необходимо, были довольно-таки незначительными, если не сказать пустячными. Как говорится, ничего особенного не происходило: столкнулись на лестнице, вместе полюбовались витриной, забыли поздороваться, промолчали - вот и всё, а по опыту я знаю, к чему ведут попытки произвольно расширять завязку

или заранее планировать конец, материал легко извратить, ведь в игру вступает бездна непредсказуемых факторов. Так и здесь. Я хочу рассказать о встрече, на которую возлагал большие надежды, и ... Впрочем, сами увидите, чем она кончилась и что из этого вышло. Продолжалось всё, наверное, меньше десяти минут, ну да расскажу по порядку» (с. 95)

В следующем примере метакоммуникативное организующее речевое действие, с помощью которого повествователь предвосхищает свою коммуникативную стратегию изложения данной истории, трансформируется в интерактивное речевое действие на метаакциональном уровне, являющее собой вопрос-рассуждение, обращённое напрямую к потенциальному читателю, и завершается метакоммуникативным комментарием способа высказывания: Разве что в двух словах:....

2. « ... не долго думая, я позвонил на одно из упомянутых в газете предприятий - завод машиностроительного оборудования в О.- и час спустя уже сидел в поезде, а ещё через два часа выслушивал заверения представителя дирекции, что он-де вполне сознает свой долг перед литературой и непременно целиком и полностью меня поддержит! Обещание своё он подкрепил небрежным клятвенным жестом. В нашей истории сей товарищ всплывает ещё один раз, в телефонном разговоре, так стоит ли описывать его внешность? Разве что в двух словах: ему лет тридцать пять, судя по одежде, весьма самодоволен, голос медленно-певучий» (с. 96).

Диалог с читателем продолжается и в следующем примере, в то время, как повествователь прибегает к эксплицитно тематизированной парадигме:

3. «Что же толкнуло рабочего на поступок, резко переменивший его собственную жизнь и жизнь всей семьи? Как счастливо соединились внутренний долг и поставленная извне задача - ведь, с одной стороны, они очень противоречивы, а с другой, стимулируют друг друга; как чувство личной ответственности уживается с нажимом руководства? Как связаны между собой подобные причинные комплексы, в какую форму выливается их взаимодействие? И наконец, как и почему безвестный человек становится героем? Иными словами, каким образом жизнь умудряется опережать литературу?» (с. 95).

Парентетические оценочные комментарии повествователя, оформленные соответствующим образом графически, а также оценка повествователем речевого поведения персонажа на метаакциональном уровне дополнены экспликацией текстоорганизующих речевых действий самого персонажа с помощью речевых стереотипов критики речи (Вепрева 2002, с.82).

4. «Товарищ из дирекции подтвердил: речь действительно идет о бригаде «Красный Октябрь». Прежний бригадир - его уже сняли - развалил всю работу (он назвал несколько цифр), мешал внедрению передовых методов (тут было упомянуто название, которое мне ровным счетом

ничего не говорило), из-за этого недотёпы бригада и политически ослабла- ведь одно влечет за собой другое (и руководящий товарищ привел пример, впрямь показавшийся мне вопиющим). Но теперь, продолжал он чуть более доверительно, теперь-то дирекция решительно и по-деловому пресекла ... (он помедлил, подыскивая нужное слово) безобразия и направила в бригаду отличного работника со смежного участка, вернее, убедила его взять на себя эту задачу. Ну а подробности мне, дескать и самому известны. Как раз подробности я и хотел уточнить, однако руководящий товарищ ничего больше сообщить не мог ...» (с. 96).

Уточняющее речевое действие повествователя в следующем примере вновь выстраивает коммуникативный уровень общения между повествователем и потенциальным читателем:

5. «Прошло восемь дней, и я опять на заводе; позвали бригадира, вот он: среднего роста мужчина лет сорока, чуть моложе меня, синий комбинезон, кепчик на голове, востронос и вместе с тем полноватое лицо, скромный, спокойный, уверенный. Почти таким я его себе и представлял, по крайней мере что касается манеры держаться, и это совпадение фантазии и реальности помогло мне справиться со смущением, охватившим меня ещё в поезде»(с. 97).

Таким образом, продемонстрированные выше речевые усилия повествователя, выполняются в письменном художественном дискурсе с целью оптимизации коммуникации с «фиктивным» потенциальным читателем. Иная ситуация, репрезентирующая неуспешный диалог повествователя-действующего героя с другим главным персонажем, по поводу поведения которого писатель и прибыл на завод, развивается в ниже представленных примерах; однако в художественном дискурсе конфликтность общения может быть продемонстрирована не только в речевом поведении героев, одним из которых является повествователь, то есть не только в прямом диалоге, имитирующем диалог в устной непосредственной коммуникации.

О коммуникативной неудаче свидетельствует речевое поведение героев, вернее его оценка повествователем. В нижеприведенном примере речь идет о статье пропагандистского толка, написанной, так сказать, на злобу дня: рабочие одной бригады ушли в столовую, вместо того чтобы пойти на очередной митинг в цехе. В результате критике на всех уровнях заводского управления была подвергнута политическая несознательность. Однако беседует писатель-повествователь по ошибке не с тем человеком, которого прочила для интервью дирекция завода. В следующем примере сложности в общении обозначены эксплицитно в самом начале диалога персонажей: налицо вербальная оценочная экспликация коммуникативного поведения бригадира писателем и дана негативная оценка писателем своего собственного вопроса:

5. «Вот видишь!- приободрился я, а уж когда увидел бригадира, скованность и вовсе прошла и тревоги мои показались смешными и

надуманными. Я облегченно выкрикнул в металлический грохот свое имя, бригадир кивнул и пожал мне руку.

- Знаю, - сказал он, ты тот самый писатель ...- он запнулся, не то подыскивая определение, не то припоминая имя, и в конце концов докончил: - ... который написал статью.

- Ты её читал? - спросил я и тут же выругал себя за идиотский вопрос: ясное дело, читал, раз упомянул о ней.

Снова нахлынула робость, и я наконец понял, откуда она берется. И грустно, и как-то неловко: пишу о человеке, называю героем, расхваливаю, а сам ни разу с ним не говорил» (с. 97).

Обозначение речевого поведения героя с помощью речевого глагола, имеющего ярко выраженную негативную оценку, усиленную лексемой *беспомощно*, в ниже приведенном примере уже указывает на возрастающие сложности в организации общения указанных персонажей:

6. «Но Вернер - а прошло минуты две, не больше, - Вернер все сильнее смущался, краснел, беспомощно мямлил, наконец, тяжело дыша, стащил с головы кепчинку, помолчал, явно дожидался от меня ответа, и опять обеими руками нахлобучил ее на затылок» (с. 98).

7. «Выкладывай-ка все с самого начала,- попросил я, но Вернер только пожал плечами: мол, рассказывать больше нечего. Внешне он был спокоен, но теперь я уже почувствовал в нем уныние, по крайней мере так я истолковал изменившийся тон, ведь говорил он недружелюбно» (с. 99-100).

8. «Но мне все же думается, вы были правы,- наседал я, не обращая внимания на предостережение внутреннего голоса, который призывал меня остановится, - с заменой узла все было как надо, дирекция обязана признать... или, может, у вас не было случая изложить им ситуацию?» (с.100)

9. «Вернер опять помял кепчинку, опять вздохнул, с тем же смущенным пренебрежением махнул рукой и наконец, уже явно не в силах сдержаться, сказал:

- Если вы намерены снова писать об этом, ступайте лучше к начальству, пусть они вам объясняют.- Голос его звучал почти грубо. – Политика не мое дело...

Он оборвал фразу, но я догадался, что он имел в виду: вы же, мол, сами к такому выводу пришли, в статье-то !

От внезапной грубости я растерялся, резкий обрыв разговора испугал меня, мелькнула мысль, что написанное будет и впредь с конфузом оборачиваться против меня,- все это перекрыло поток просившихся на язык вопросов...» (с. 100).

10. «И в довершение всего бессвязные, почти абсурдно примитивные вопросы типа: что там был за митинг»...(с. 100)

11. «Моя статья некомпетентна, не следовало мне ее писать! - сказал я и тут же испугался резкости этих слов, хотя исходили они из моих собственных уст.

Я запнулся, хотел начать снова, но Вернер уже ответил на вопрос вопросом, крыть который мне было нечем:

- Вот как?

Два словечка, два слога, короткие, отрывистые,- они вернули меня к действительности. Мне почудилась в них неприкрытая насмешка, точно ушат холодной воды. А когда он опять, как раньше, отмахнулся, я спросил себя: что тебе здесь надо? Бригадир поневоле считает меня писакой, который- что ни говори!- одной веревочкой связан с дирекцией, действия которой сам Вернер явно не одобрял, и послал меня сюда тот краснобай, и вообще вся заметка написана под его диктовку...Никакой другой удар не мог бы унизить меня сильнее, к тому же я чувствовал, что все это близко к истине» (с.100-101).

12. «Нечего было лезть в это дело, мелькнуло в голове, а на языке так и вертелась пословица: всяк сверчок знай свой шесток, - и я решительно подумал: ну ладно, ты был наивен, но тебе приписывают злой умысел; раз так, извинись и ступай отсюда, ситуация явно зашла в тупик, и, кроме неприятностей, ничего ты тут не дождешься!» (с. 101).

13. «Ну что ж,- сказал я таким тоном, что сразу стало ясно: сейчас мы пожмем друг другу руки и рас прощаемся.

Но Вернер будто никак не ожидал такого поворота: он по – детски недоверчиво взорвался на меня, поправил кепку, потом смущенно засмеялся, и вид у него был явно растерянный. Выходит, в его вопросе не было насмешки, в жесте - осуждения, в восприятии моей заметки - ни капли цинизма? Я почти поверил, я должен поверить, глядя на него,- он стоял передо мной, красный как рак, полуоткрыв рот, в глазах немой вопрос. Но почему тогда он принял мои расспросы в штыки? От робости?...» (с. 101).

14. «Он ждал ясности от меня - от меня!- а я ждал того же от него; неужели моя беспомощность, моя наивность ничем не разнится от его собственной и разочаровали мы друг друга в меру своих упований? Выходит, это самое и заставило нас обоих взять тон, о котором ни один не помышлял; я оборвал разговор, и это задело Вернера ничуть не меньше, чем меня его резкость. Неужели как раз сейчас все и запутается? Ну и ладно, решение принято, пора кончать, осталось найти какую-нибудь прощальную фразу, которая удовлетворит обоих...» (с. 101).

Анализ показал, что характеристики невербального речевого поведения, представленные в нарративном дискурсе, который и делает возможным сделать «видимой» и реакцию собеседника на соответствующую, в данном художественном дискурсе часто минимально репрезентированную речевую реплику, вскрывает всю глубину нарастающей конфликтности данного диалога, обусловленную изначально ложными посылками к ведению данного общения, имеющего своим следствием чрезвычайно низкую степень кооперативности партнеров в предпринятом диалоге. А поскольку писатель в результате своего такого «травматичного» общения с Вернером не только сумел понять истинную подоплеку конфликта на

заводе (люди не смогли попасть на митинг, так как получили указание неожиданно выйти в ночную смену, и столовая как раз заканчивала свою работу на период проведения митинга, в результате чего другой возможности пообедать у рабочих больше не было бы), но и переосмыслить свое творчество и предназначение, то следствием этого стала и ярко выраженная негативная экспрессивно оценочная реакция прозревшего героя – писателя на подчеркнуто деликатное речевое поведение представителя дирекции, также осознавшего свою оплошность (писатель общался не с тем человеком, с которым предполагали в дирекции), и потому проявляющего подчеркнутую вежливость в диалоге, не реагируя на резкий тон собеседника:

15. «Простите, пожалуйста, – пело в трубке, – я только что узнал, что вы попали не по адресу. Досадное недоразумение. Видно, недотепа бригадир не удосужился вас предупредить, что его преемник на курсах...

- Нет, почему же, предупредил! – свирепо отрубил я, но он не отреагировал. Правда, из вежливости секунду помолчал, ровно столько, сколько нужно, чтобы, с одной стороны, намекнуть, что он все слышал, а с другой – показать, что не придает этому значения. Потом он как ни в чем не бывало продолжил:...

Последние слова он произнес таким фамильярным тоном, каким шепчутся в пивнушке с приятелями, по крайней мере для меня его намек на мою несчастную заметку прозвучал именно так» (с. 101).

16. «В эту минуту через открытую дверь я увидел, как лысый о чем-то разговаривает с Вернером, потом в трубке снова запел Буцке: у него, мол, совещание, как ни жаль, придется закончить разговор. И зачастил: сила слова! глубокие знания! политическая прозорливость!» (с.102).

В заключении можно сделать вывод о том, что политическая острота анализируемого дискурса, для создания которого во времена ГДР требовалось политическое мужество со стороны писателя, достигается контрастным выстраиванием многократно оптимизируемого общения повествователя – главного героя с потенциальным читателем и конфликтного общения повествователя с главным персонажем, которое отражено в большей степени в негативных метакоммуникативных оценках как речевого поведения персонажей, так и их реакций на немногочисленные реплики во время конфликтного общения, обусловленного взаимным непониманием и отсутствием принципа кооперации в развитии данного диалога.

Firle M. Erzählen als Sprachhandlung in der poetischen Kommunikation // LS/ZISW, R.A. Arbeitsberichte 167. - Berlin, 1987. - 128 S.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху.- Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.- 380 с.

Фюман Ф. Избранное: Сборник / Пер. с нем.; Составл. и предисл. А.А. Гутнина. – М.: Радуга, 1989 - 544с.- (Мастера современной прозы). Пустяк, положительный во всех отношениях. Перевод Н. Федоровой.

Пародийная тональность в текстах с карикатурной имитацией жанра

В процессе коммуникации коммуниканты в силу специфики ситуации общения, своих индивидуальных или культурных особенностей и т.д. реализуют установку на определенный формат общения (Карасик 2007), т.е. выбирают некую коммуникативную тональность для своих высказываний или интерпретации высказываний партнера по общению. Следовательно, если участники общения рассматривают любое высказывание как переработанный вторичный текст, опирающийся на какой-либо (или какие) первичный текст-оригинал и карикатурно его имитирующий, значит, мы можем в этой ситуации наблюдать акт коммуникации в пародийной тональности.

Адресант, являясь инициатором коммуникации, часто сознательно реализует установку на пародийное общение, т.е. общается в интенциональной пародийной тональности. Данный вид тональности достигается за счет карикатурной имитации адресантом характеристик пародируемого объекта, жанра или способа пародирования.

Рассмотрим пародийную тональность в текстах с карикатурной имитацией характеристик пародируемого жанра. Под жанром мы будем понимать речевой жанр как относительно устойчивый тип высказывания, вырабатываемый каждой сферой использования языка (Бахтин 1986, с. 428). Актуализируя текст в ситуации реального общения, мы получаем определенный тип дискурса с характерными для него жанрами (Карасик 2002, с. 280, 285). Субъект пародийной тональности (адресант) карикатурно имитирует типичные жанры дискурса, т.е. реализует свою установку на пародийное общение. Пародийному осмыслению могут подвергаться жанры как личностно-ориентированного, так и институционального дискурса.

Типичным жанром бытового дискурса британского общества является светская беседа (small talk), которая пародируется в комедийном скетч-шоу «Monty Python Flying Circus» («Летающий цирк Монти Пайтона»):

Mr and Mrs Johnson, a typical holidaying bourgeois couple, come to the boarding house.

Landlady: Hello, Mr and Mrs Johnson?

Mr Johnson: That's right. Yes. (...)

Landlady: Well, you must be tired, it's a long way from Coventry, isn't it?

Johnson: Well, we usually reckon on five and a half hours and it took us six hours and fifty-three minutes, with the twenty-five minute stop at Frampton Cottrell to stretch our legs, only we had to wait half an hour to get onto the M5 at Droitwich.

Landlady: Really?

Johnson: Then there was a three mile queue just before Bridgewater on the A38. We usually come round on the B3339 just before Bridgewater, you see... (...)

Landlady: Well, you must be dying for a cup of tea.

Johnson: Well, wouldn't say no, not if it's warm.

Landlady: Well, come on in the lounge, I'm just going to serve afternoon tea.
(Monty Python Flying Circus)

(ср. Мистер и миссис Джонсон – типичная буржуазная семейная пара на отдыхе – приезжают в пансионат. Хозяйка: Здравствуйте, мистер и миссис Джонсон? Джонсон: Так и есть. Да. Хозяйка: Должно быть вы устали после долгой дороги из Ковентри, не так ли? Джонсон: Ну, обычно мы рассчитываем на пять с половиной часов, а дорога заняла у нас шесть часов и пятьдесят три минуты с двадцатипятиминутной остановкой в Фремптон Коттрелл, чтобы размяться, но нам пришлось ждать полчаса, чтобы выехать на М5 у Дроитвича. Хозяйка: Правда? Джонсон: Потом была трехмильная очередь перед Бриджсвотером на шоссе А38. Обычно мы объезжаем по В3339 прямо перед Бриджсвотером, понимаете... Хозяйка: Вы наверняка ужасно хотите чашечку чая. Джонсон: Я бы не сказал нет, особенно если чай горячий. Хозяйка: Проходите в гостиную, я как раз собираюсь подавать послеобеденный чай.)

В данном примере пародийная тональность создается за счет того, что нарушаются основные правила ведения светской беседы между незнакомыми людьми. Хозяйка пансионата, задавая вопросы вновь приехавшим постояльцам о том, как они добрались, соблюдает этикетные правила вежливости. Эти вопросы не предполагают детального отчета, который дает мистер Джонсон. Осознавая несоответствии между приведенной выше светской беседой и имеющимся у нас представлением о типичной светской беседе, мы, как адресаты текста примера, воспринимаем его в пародийной тональности.

Случай карикатурной имитации в бытийном дискурсе можно наблюдать в многочисленных пародиях на разнообразные литературные жанры. Так В. Жук пародирует жанр басни, используя знакомую жизненную ситуацию: похождения столичного ловеласа в провинции:

Один проезжий Бонвиван, / На мызу завернул изящный свой рыдван. / Брыластый Мызник, распрягая цуг, / Был щеголем через лорнетку спрошен: / – Как ты, мой друг, дородный и хороший, / Проводишь дней своих мужской досуг? / Лукавый Мызник, оправляя Брыль, / Ответил с важной миной эскулапа: / – Мой косподин, а фам не кофориль, / Сдесь у меня есть кой-какая пана – / С поклоном отведен к ночлегу Бонвиван, / Но... / Ведомый тягой к продолженью жизни, / Он ищет бабу, нужную ему, / Что «папою» назвал брыластый Мызник. / Во тьме он слышит робкое дыханье, / И мощных лядвий мнится колыханье, / И за наградой тянется рука... / Стыдливый дерзким сброшен прочь покров... / Вдруг свет свечи... Ошибка! Роковая! / Промолвил Мызник, папу укрывая: / – Не

тромой папу. Папа нестороф. / Мораль проста: не хочешь инциденту – / Не доверяй акцепту. (В. Жук)

На первый взгляд этот текст обладает всеми признаками типичной басни: короткая повествовательная форма, законченный сюжет, нравоучение, следующее за повествованием (ЛЭ). Однако сюжет данной басни скорее можно назвать анекдотическим, чем аллегорическим, а мораль, которую читатель должен вынести после прочтения, вряд ли можно назвать нравоучительной. На основе этих признаков мы можем сделать вывод, что адресант В. Жук ожидает, что адресат-читатель интерпретирует текст басни в пародийной тональности.

Жанры институциональных видов дискурса также могут подвергаться пародированию. Одним из распространенных жанров институционального дискурса является памятка-инструкция – «краткое нормативное, производственно-практическое или справочное издание, содержащее самые важные сведения, которыми надо руководствоваться, выполняя какую-либо операцию или осуществляя деятельность» (ИСС).

Памятка для тараканов. *Дихлофос – химическое ОМП. Основными поражающими факторами дихлофоса являются: звуковая волна ("пшик"), направленное дихлофосное излучение (фэрозольная волна), остаточный запах (выселяющий газ).*

Звуковая волна распространяется со скоростью звука по всей кухне, поражает незащищенные уши тараканов, сеет болезнесторные децибелы. Направленное дихлофосное излучение и остаточный запах вызывают у тараканов головокружение и галлюцинации, временную нетрудоспособность.

Для защиты от дихлофоса следует использовать складки противогаза, респиратора. Если под лапой не оказалось противогаза, можно воспользоваться влажной половой тряпкой или использованной туалетной бумагой.

Огромную роль играет правдивая и своевременная информация. (<http://www.rushumor.com/stories/1439.html>)

Пародийная тональность возникает за счет того, что подобная памятка об оружии массового поражения более уместна в военном дискурсе для военнослужащих или лиц, находящихся в зоне военных действий. Здесь же непосредственные адресаты текста памятки-инструкции – насекомые, что является абсурдом.

Участники научного дискурса стремятся к поиску истины, постижению окружающей действительности, выдвигают логично-обоснованные гипотезы и теоретические модели, используют точные и ясные формулировки. В следующем примере эти характеристики научного дискурса предстают в перевернутом виде, а жанр научного доклада подвергается пародированию:

Miss Elk: Can I just say here that I have a new theory about the brontosaurus. Well, this is what it is – my theory that I have, that is to say, which is mine, is mine. My theory that belongs to me is as follows. This is how it

goes. The next thing I'm going to say is my theory. Ready? My Theory by A. Elk. Brackets Miss, brackets. This theory goes as follows and begins now. All brontosauruses are thin at one end, much-much thicker in the middle, and then thin again at the far end. That is my theory, it is mine, and belongs to me and I own it. And I have another theory. Called my second theory, or my theory number two. This second theory which was the one that I had said... Which I could expound without doubt. This second theory which, with the one which I have said, forms the brace of theories which belongs to me, goes like this... My second theory states that fire brigade choirs seldom sing songs about Marcel Proust. («Monty Python Flying Circus»)

(ср. Мисс Элк: Могу я сказать, что у меня есть новая теория о бронтозаврах. Итак, вот она – моя теория, которая у меня есть, так сказать, которая моя, она моя. Моя теория, которая принадлежит мне, такова. Вот что она гласит. Прямо сейчас я собираюсь сказать, в чем суть моей теории. Готовы? Моя Теория А. Элк. Скобка, Мисс, скобка. Моя теория такова и начинается так. Все бронтозавры худые с одного конца, гораздо более толстые в середине и снова худые с другого конца. Вот моя теория, она моя и принадлежит мне, я ее автор. А у меня есть еще одна теория. Называется моя вторая теория, или моя теория номер два. Эта вторая теория, та самая, о которой я сказала... Которую я несомненно могу изложить. Эта вторая теория, которая вместе с первой, о которой я говорила, образует комплекс теорий, который принадлежит мне, гласит следующее... Моя вторая теория утверждает, что хоры пожарных редко исполняют песни о Марселе Прусте.)

Адресат данного текста воспримет его в пародийной тональности, т.к. нарушены важные признаки жанра доклада, представляющего новую научную теорию: из-за многочисленных повторов, эллиптических предложений, синонимических фраз теряется связность и стройность повествования; отсутствует изложение проблемной ситуации, ее истории; но самое главное, что обе выдвигаемые теория по своей сути являются совершенно нелепыми, а связь между ними можно обнаружить только с точки зрения абсурдной логики мисс Элк.

Если обратится к масс-медиальному дискурсу, то здесь объектом пародий могут становиться такие жанры, как ток-шоу, телевикторина, спортивный репортаж, новостное сообщение и т.д. Приводимый ниже фрагмент монолога М. Галкина «Пародия на программу телепередач» карикатурно имитирует жанр анонса телепередач, который можно услышать по радио или телевидению. Здесь в краткой форме представляются фильмы и передачи, которые зритель может увидеть в ближайшие дни. Пародия М. Галкина – это собирательный образ программы телепередач практически любого современного телеканала, где обязательно есть многосерийные сериалы, новости, криминальные передачи, мультфильмы для детей, которые скорее предназначены для взрослых, и различные ночные передачи. Следующий пример – краткое содержание анонсируемой серии телесериала:

Диктор: Вечерний показ «Запеканки». События в этой серии принимают неожиданный оборот. От удара у Пытро возникают до этого не наблюдавшиеся способности предсказывать будущее и переваривать пищу на расстоянии. Прозревший Пытро узнает в Мыколе свою единокровную сестру Гарпину, которая пропала двадцать лет назад в лесах Амазонии во время совместной бразильско-украинской экспедиции. Перед Гарпиной стояла задача определить влияние сала на южно-американских индейцев, но она неожиданно исчезла с тридцатью килограммами опытного материала. (М. Галкин)

М. Галкин карикатурно представляет типичные черты современных сериалов (неожиданный, вплоть до нелепости, поворот сюжета; внезапно раскрывающиеся родственные связи; изменения супругов и т.д.), что создает пародийную тональность.

Пародийную тональность при имитации жанров можно обнаружить и в рекламном дискурсе:

«Галина Бланка» готовит Вам сюрприз! Напишите нам, за что вы любите «Галину Бланку», вложите в конверт две обёртки от бульонных кубиков «Галина Бланка», и через месяц Вы можете получить ЧЕТЫРЕ обёртки, а еще через месяц – ВОСЕМЬ! (<http://www.rushumor.com/stories/1439.html>)

На поверхностном уровне данный пример – фрагмент рекламного дискурса, где на потенциального покупателя оказывается воздействие, чтобы он приобрел рекламируемый товар. Воспроизводится типичная форма обращения к покупателю, характерная для жанра рекламной акции: «Сделай X, и получишь Y». Кроме того, здесь наблюдается использование такой манипулятивной стратегии, как подмена целей, т.е. создается иллюзия, что приобретение этого товара оказывается выгодным только для адресата (за две обертки – получишь восемь), а адресант как будто бы ничего от этого не имеет (Пирогова 2001). Однако адресат наверняка будет интерпретировать эту рекламу в пародийном ключе, т.к. ее конец явно контрастирует с обычными обещаниями, свойственными такого рода рекламным текстам.

Жанры делового дискурса, к примеру, интервью о приеме на работу, беседа начальника и его секретаря, вступительная речь на совещании, также могут подвергаться пародированию. Жанры делового дискурса все чаще проникают в другие виды дискурса, в частности, в масс-медиальный для того, чтобы бизнесмены постоянно были в курсе последних экономических событий. В следующем примере карикатурной имитации подвергается жанр делового дискурса – новости фондовой биржи:

Trading was crisp at the start of the day with some brisk business on the floor. Rubber hardened and string remained confident. Little bits of tin consolidated although biscuits sank after an early gain and stools remained anonymous. Armpits rallied well after a poor start. Nipples rose dramatically during the morning but had declined by mid-afternoon. (Monty Python Flying Circus)

(ср. В начале дня торговля была довольно оживленной с большим количеством сделок, заключенных в торговом зале биржи. Цены на каучук выросли, а на шнурки остались на той же отметке. Цены на небольшие кусочки олова укрепились, хотя печенье упало в цене после первоначального роста, а осведомители остались неизвестными. Подмышки укрепились на высокой отметке после малообещающего начала. В течение всего утра соски демонстрировали значительный рост, который, однако, к полудню снизился.)

Данный текст можно отнести к жанру новостей фондовой биржи, поскольку здесь представлен отчет о состоянии торгов на фондовой бирже на текущий момент. Кроме того, используются типичные клише (*on the floor, harden, consolidate, rally well, rise dramatically*) и характерные синтаксические конструкции (*Rubber hardened...*; *Armpits rallied...*; *Nipples rose...*). Адресат текста будет интерпретировать его в пародийной тональности, т.к. содержание новостей фондовой биржи в примере не соответствует тому содержанию, которое адресат, опираясь на свой опыт, ожидает от данного жанра делового дискурса: вместо сведений о ценах на ценные бумаги, полезные ископаемые или промышленные товары сообщается информация о совершенно разнородных товарах, которыми не торгуют на биржах.

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод, что, во-первых, карикатурной имитации могут подвергаться жанры как личностно-ориентированного, так и институционального дискурса (научный, деловой, масс-медиальный, рекламный и др.); во-вторых, пародийная тональность возникает из-за того, что при обычном сохранении формальных признаков пародируемого жанра меняется его содержательная сторона. Следовательно, несоответствие формы и содержания текста пародии обуславливает интерпретацию в пародийном ключе.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // М.М. Бахтин Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Карасик, В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007.

Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929-1939. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3591.htm>.

Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. – Изд. 3-е, испр. и доп., Электронное – М.: ОЛМА-Пресс, 2006. // <http://slovari.yandex.ru/dict/milchin/>.

Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm.

Заглавие и подзаголовок в художественном тексте

Название художественного произведения выполняет в структуре художественного текста особые функции, которые часто оказываются индивидуальными у каждого автора. Вместе с тем, есть функции заглавий – номинативная, экспрессивная, аттрактивная, стилистическая и другие, которые в разном сочетании выполняют все названия художественных произведений.

Особая проблема для исследователя – мотивация названия автором, а также различные интерпретации названия как самим автором, так и критиками и читателями его произведения.

Осложняет проблему изучения семантики названий в контексте художественного текста наличие у многих произведений не только заголовков, но и подзаголовков, так или иначе разъясняющих и комментирующих семантику названия.

Представляет интерес исследование семантики заглавий художественных текстов и с точки зрения авторских комментариев по поводу выбора названия художественного произведения, которые можно обнаружить в его письмах дневниковых записях, воспоминаниях-свременников писателя.

Наше исследование посвящено изучению семантики названий повестей Н.С. Лескова «Очарованный странник» и «Заячий ремиз». Особый интерес представляет исследование названий произведений Н.С. Лескова – одного из лучших русских художников слова, чье место в русской литературе велико и самобытно.

Рассмотрим соотношение заголовков и подзаголовков в исследуемых произведениях Н.С.Лескова.

Сам писатель, определяя стиль «Заячьего ремиза», ссылается на «повествования Гофмана или Стерна с отступлениями и рикошетами» (Лесков 1956-1958, с.606) тем самым утверждает смысловую неоднозначность своего последнего творения, в котором так же, как и в предыдущих шедеврах, значительна каждая деталь, начиная с заглавия повести. Своими сомнениями по поводу такого выбора писатель делится с редактором «Вестника Европы» Стасюлевичем: «...Рукопись была готова, а я все не ложу с заглавием, которое мне кажется то резким, то, как будто малопонятным. Однако пусть побудет то, которое я теперь поставил: «Заячий ремиз», то есть юродство, в которое садятся зайцы, им же бе камень прибежище. Может быть, лучше всего назвать именем героя или «болвана», т.е. «Оноприя Перегуда из Перегудов: его жизнь, опыты и приключения». Если вещь вам нравится, то о заглавии сговоримся» (Лесков 1956-1958, с.606) .

Авторская трактовка еще более дезориентирует читателя, вынужденного гадать, что есть «заячье юродство» и почему камень «бе

прибежище». Обратимся к надежному справочнику: в словаре Вл. Даля *юродством* называется «состояние безумия», а *напускать на себя юродство* означает у него «прикидываться дурачком», «напускать на себя дурь». О странностях подобного толкования речь пойдет уже в первых строках авторского повествования – в «Кратком предисловии» к «Заячьему ремизу», где говорится о некоторых обитателях лечебницы, «интересных в том отношении, что помешательство их было почти неуловимо, а между тем они, несомненно, были помешаны»

В библейском тексте слово *камень* имеет не только утилитарный, но и религиозно-культовый смысл (на каменных досках высечены десять заповедей; из необработанного камня сооружался жертвенник; кремень служил ножом для обрезания и т.п.). Апостол Петр использует образ построенного из камня дома и говорит о строительстве «духовного дома», «живыми камнями» которого являются христиане. В библейском толковании фундаментом веры, краеугольным камнем которого считался Христос, были раннехристианские пророки и апостолы.

Содержащиеся в письме Лескова редактору «Вестника Европы» разъяснения очень важны, поскольку проецируются и на факт иного свойства. Новое творение писателя «объединяется» с таким непохожим на него текстом, как «Очарованный странник», почти полным совпадением их подзаголовков.

В подзаголовках двух произведений – прямое указание не только на их художественную общность. Здесь своеобразная фиксация жизненных позиций героев, степени их участия в собственной судьбе. Впервые на это обратила внимание Б. С. Дыханова: «Подзаголовок последнего произведения художника «Заячий ремиз», обнаруженного после его смерти в авторизованной редакции и напечатанного только в 1917 году – «Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов», – явно перекликается с названием другой повести – «Очарованный странник. Его жизнь, опыты и приключения». Сопоставляя двух героев, их «опыты» и «приключения», можно заметить, как изменилась к этому времени авторская концепция. Жизнь «очарованного странника» названа «драмокомедией». Определение это можно применить и к «приключениям» Оноприя Перегуда, но взаимоотношения личности с жизненными обстоятельствами в «Заячьем ремизе» совсем иные (Дыханова 1974, с.211).

Эти взаимоотношения отражаются в разном смысловом наполнении слов «жизнь» и «наблюдения», что обусловлено противоположностью жизненного опыта двух персонажей. Иван Северьяныч Флягин – человек, побеждающий обстоятельства и созидающий свою жизнь, Оноприй Перегуд, слабовольный и зависимый от обстоятельств, пассивный наблюдатель того, как его судьбу «организуют» разные люди и обстоятельства. Столь же различно смыслонаполнение понятий «опыты» и «приключения».

«Соединяющая» повести лексема «приключения» в разных контекстах обнаруживает семантическую нетождественность. В перечне ее значений в словаре Вл. Даля есть и такие, как «случай» и «похождение». Случайность является сюжетообразующей в обоих текстах, ею отмечены все перепетии и флягинской судьбы, и «жития» Перегуда, тогда как «похождения» оказываются не свойственны безвольному и духовно нищему герою «Заячьего ремиза»: его «приключения» инициированы не высшим промыслом, как в истории Флягина, а чужим корыстным или эгоистическим расчетом.

У Оноприя Перегуда «опыты» носят совсем иной характер и воспринимаются читателем как некий эксперимент самих социальных обстоятельств над человеческой личностью. Если опыты Флягина его духовно обогащают, то опыты Оноприя Перегуда калечат его личность.

Лексемой «приключений», внесенной Лесковым в подзаголовки обоих повестей, обозначена непредумышленность событий, в итоге определяющая судьбу героев в их своеобразной логике и раскрывающая их характеры.

И в «Очарованном страннике», и в «Заячьем ремизе» Лесков показывает зависимость жизни героя от случая. Но в отличие от Ивана Северьяныча Флягина, реакции которого непредсказуемы и обусловлены неприхотливостью его чувств, приключения Оноприя Перегуда как бы «организованы» окружающими, у которых есть свои представления о том, что такое «хорошо», и обирающиеся для самого персонажа всевозможными бедами. В отношении главного героя «Заячьего ремиза» вполне уместно слово «злоключение».

При сопоставлении «Очарованного странника» с «Заячьим ремизом» становится очевидным, что в конце творческого пути у Лескова меняются не ценностные установки, а тип героя «антник», «чудак», «очарованный странник» уступает место «болвану», что вовсе не означает подчинение лесковского дарования чисто сатирическим целям.

Попытка объяснить смысл названия повести предпринималась многими исследователями творчества писателя. Исходя, очевидно, из того, что «...к работе над заголовком Лесков относился серьезно и тщательно» (Чуднова 1981, с.210) и, считая, что заглавие произведения должно соответствовать содержанию, выражать его дух, литературоведы справедливо указывают на связь названия повести с игрой в карты. Нетрудно заметить, что и в первоначальном, и в окончательном варианте в названии этого произведения присутствуют термины карточной игры: «ремиз» - недобор установленного числа взяток, а также штраф за такой недобор, «болван» – воображаемый игрок, на чье незанятое место сдаются карты, которыми распоряжаются другие игроки.

Понятие «болван», являясь карточным термином, в контексте повести приобретает новое осмысление. Оно становится словом-лейтмотивом в характеристике главного героя произведения. Оноприй Перегуд является

как раз тем «игроком», судьбой которого, как картами, распоряжаются другие, присваивающие себе право без согласования с «болваном».

Эпитет «заячий» вкупе со словом «ремиз» высвечивает еще один подспудный смысл авторской художественной идеи, косвенно сопрягая новый семантический аспект понятия «болван», указанный в словаре Вл. Даля: так в народной речи называли «помесь от псовой собаки и овчарки, волкодава» (Даль 2002, с.109).

Сюжет повести содержит и этот «охотничий» ракурс: лесковский Оноприй Перегуд во второй части «драмокомедии» становится полицейским «псом», выслеживающим конокрадов, а затем и «потрясователя», но в последнем случае уже по собственной охоте, оставаясь во всех эпизодах объектом чужих манипуляций. Все это пародирует сходное комическое оформление «охотницкой» (по личной страсти) радости Ивана Флягина от созерцания красоты лошади.

Существуют и другие трактовки названия произведения. Так, Т.А. Иванова полагает, что заглавие лесковской повести связано не только с карточным термином в его прямом и переносном значениях. «В нем слово *ремиз* выступает и в качестве охотничьего термина: «место, где размножается и постоянно пребывает дичь». А вот «зайцы» приведены в названии, безусловно, иносказательно» (Иванова 1996, с.6).

«Собственное разъяснение писателя заканчивается цитатой 18 стиха 103 псалма Псалтыри: «им же бе камень прибежище». В этом псалме прославляется божья премудрость в обустройстве вселенной, определившая каждой живой твари свое место обитания: «Высокие горы - сернам; каменные утесы – убежище зайцам». Но что же это за «камень» («каменные утесы» - по синодальному переводу Библии и «заячий ремиз» - по Лескову), где зайцы обретают себе «прибежище»?

По разъяснению писателя, это – «юродство, в которое садятся Зайцы», иначе – «состояние умопомешательства, «Безумное поведение» (Словарь СРЯ т. 17). Иными словами, то, что характеризует действия «телесного болвана» Оноприя Перегуда, бывшего лишь тенью истинного человека до того, как он попал в сумасшедший дом – его прибежище «Заячий ремиз» (Иванова 1996, с.6). Таким образом, оба заглавия («Игра с болваном» и «Заячий ремиз») последней повести Лескова, - делает вывод Т. А. Иванова, - имеют с художественным текстом повести разнообразные смысловые связи. Эти связи отчетливо проявились в первоначальном заглавии и оказались, естественно, более сложными и запутанными во втором.

По мнению исследователей творчества Н. С. Лескова, в частности М. С. Горячкиной, В. Гебель, Т. А. Ивановой, писатель изменяет название произведения на более «нейтральное» и малопонятное из-за цензурных опасений. Размыщляя над заглавием, писатель заботится, чтобы оно «было смирнее и непонятнее», чтобы «в нем просвечивало шутовство, юродство» (Лесков 1956-1958, с.606).

Дополнительным источником информации служит эпиграф, взятый Н.С. Лесковым из трактата «Диалог, или разглагол о древнем мире»

Григория Сковороды: «Встань, если хотишь, на ровном месте и вели поставить вокруг себя сотню зеркал. В то время увидишь, что един твой телесный болван (подчеркнуто нами – И. Р.), владеет сотнею видов, а как только зеркалы отнять, все копии сокрываются. Однако де телесный наш болван и сам есть едина токмо тень истинного человека. Сия тварь, будто обезьяна, образует лицевидным деянием невидимую и присносущную силу и божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зеркалovidные тени» (Сковорода 1973, с.301). В работе «Лесков и Сковорода» О. В. Анкудинова считает, что «...Лесков как бы пытается разрешить вопрос: где и как соразмерить разумность поведения человека, являющегося, по мнению Сковороды, проявлением божественного духовного начала на земле, с реальными внешними обстоятельствами» (Анкудинова 1973, с.71).

Таким образом, мотив выбора названия и семантика подзаголовков вскрывают сложные смысловые связи двух повестей, отражают эволюцию творческого мышления писателя. Сами заглавия и подзаголовки в исследованных повестях выполняют сложные семантические, стилистические и эстетические функции, оказывая существенное влияние на восприятие произведения и всего творчества писателя.

Лесков Н. С. Собр. соч. в 2-х томах-М.: ГИХЛ, 1956-1958.

Дыханова Б. С. Об особенностях поэтики Н. С. Лескова на рубеже 60-70 гг.: Автореф.дис. ...канд.филол.наук /Б. С. Дыханова. - Воронеж, 1974. - 22 с.

Дыханова Б. С. В зеркалах устного слова/Б. С. Дыханова. - Воронеж, 1994. - 191с

Чуднова Л. «Кличка по шерсти»: Роль и место заголовка в поэтике Лескова/ Л. Чуднова//Лит. учеба. - 1981.- №3. - С.210-213.

Даль Вл.И. Словарь живого великорусского языка / Вл. И.Даль. - М.:РИПОЛ КЛАССИК, 2002. - 752с

Иванова Т. А. История заглавия лесковской повести: [К творческой истории повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз»]/Т. А. Иванова // Рус.речь.- 1996. - № 6. - С. 3-6.

Сковорода Г. Сочинения в 2-х т. АН СССР Институт философии / Г. Сковорода.- М., 1973. - 511с.

Анкудинова О. В. Лесков и Сковорода: К вопросу об идейном смысле повести Лескова «Заячий ремиз»/ О. В. Анкудинова // Вопр. рус. лит. [Львов]. – 1973. – Вып.1 (21). - С. 71-77.

Синан Заки, О.Н.Чарыкова

Функции существительных, называющих насекомых, в выражении авторской интенции в современном художественном дискурсе

Существительные, называющие насекомых, широко представлены в современном русском художественном дискурсе, причём не только в качестве собственно текстовых элементов, но и в заголовках, например «Жизнь насекомых» В. Пелевина и «Чешуекрылые» Н. Рубановой.

Поскольку в художественном тексте каждый составляющий его компонент служит определённой цели, работает на реализацию авторской интенции, представляется интересным рассмотреть, какие функции в текстовой структуре могут выполнять лексические единицы, называющие насекомых. Анализ контекстов произведений современной художественной прозы показал следующее.

Наиболее часто номинации насекомых используются автором как важный элемент создания хронотопа произведения, то есть при изображении места и времени описываемого события. Например:

Сухо трещали кузнечики. <...> Трудились на цветах неутомимые, перемазанные жёлтой пыльцой пчёлы (И.Малышев. Подменыши).

В данном контексте использование наименований насекомых и указание на их поведение служит цели изображения жаркого летнего дня на открытом, поросшем травой пространстве.

При описании ночной природы используются названия насекомых, ведущих ночной образ жизни. Например:

В травах саванны трещали цикады (И.Малышев. Подменыши)

Приведём ещё несколько примеров.

Ярко-голубая тоненькая стрекоза зависла над водой, резко рванулась вбок, остановилась (М.Галина. Малая Глуша).

На мели между утонувшими жёлтыми листьями стоит стайка мальков. Длиннолапые водомерки рассекают отражения деревьев в пруду (В.Орлова. Больная).

Акцентирование внимания читателя на описании стрекозы и водомерки дополняет, конкретизирует изображение водоёмов делает его более наглядным и реалистичным.

Комары стояли плотной стаей между красноватыми стволами сосен в теневом промежутке между солнечными лучами, падающими почти отвесно (М.Галина. Малая Глуша).

В данном контексте изображение насекомых служит цели более полного и наглядного описания летнего леса.

Приведённые примеры показывают, что номинации насекомых не только играют важную роль в организации пространственно-временного континуума художественного текста, но и вызывают в сознании читателя яркие образные представления зрительного и слухового характера.

Поскольку пейзаж в художественном тексте часто служит средством экспликации психологических явлений, описание насекомых может быть связано с выражением эмоционального состояния персонажа или повествователя. Например:

На лиловых цветках розового осота сидели бабочки «павлиний глаз». Вот. Цветы и бабочки. Иногда по три-четыре на одном растении. И ощущение было такое, что ты шёл-шёл куда-то и вдруг просто вышел на другую сторону ленты Мёбиуса, на другую сторону мира, может быть даже в рай, где нет ни проблем, ни представителей низшего разума, ни

безработицы, ничего такого. Просто цветы и бабочки (Василий Голованов. Лето бабочек.).

Данный фрагмент текста передаёт чувство радости и восторга, охватившее повествователя.

Кроме того, в произведениях современной прозы номинации насекомых могут использоваться для оценочной характеристики человека, например:

Временами бывал добродушен, как провинциальный дядюшка..., а то... подл, как скорпион (С.Алексиевич).

...На огородах трудолюбивые, как муравьи, горожане, идёт уборка картофеля...(А.Азольский. Лопушок).

У нас вокруг мало-мальски успешного дела тут же заводится куча вшей-посредников (А.Слаповский. Не сбылась моя мечта).

Лексема, называющая насекомое может быть использована для создания подтекста, в аллегорическом или символическом значении. Так, бабочка часто является символом краткости, мимолётности бытия. Поэтому название новеллы Н.Рубановой «Чешуекрылые», в которой речь идёт о стареющей больной учительнице со страхом ожидающей пенсионного возраста, инвалидности, смерти, служит для того, чтобы подчеркнуть второй, глубинный план повествования, заставив читателя не только посочувствовать героине, но и задуматься о хрупкости человеческой жизни, о её быстротечности, о неизбежности печального финала. Примечательно представленное в потоке сознания героини описание женщины в белом саване, то есть смерти, которая раскуривает свою трубку бабочками разных видов:

*Женщина в белом саване садится тем временем в кресло-качалку
И набивая ледяную трубку мной и моими нежными сёстрами
(видите? да вот же они, вот! - туи и леопардовая скромница
Латония,
и изящная салатово-белая Галатея, и ... - впрочем, всех не перечесть),
раскуривает.*

Бабочки в приведённом контексте символизируют души умерших людей. Ведь в греческой мифологии Психея – олицетворение человеческой души – изображалась в виде девушки или бабочки.

*Женщина в белом саване заводит будильник.
«2.45» - вижу я светящиеся в темноте цифры.
<...> Ведь это то самое время, когда мои чешуекрылые сёстры,
Выполнившие приogramму, были удалены.
В этом вся «Высшая Мудрость», говоришь Ты.*

Благодаря использованию символики содержание новеллы выходит за рамки повествования о жизни конкретной героини, поднимаясь до глобальных проблем, волнующих человечество, - проблемы жизни и смерти, проблемы ценности и смысла жизни – и заставляя читателя задуматься о них.

Таким образом, использование названий насекомых в новелле Н.Рубановой служит для создания подтекста и играет важную роль в выражении идейного содержания произведения

В современной прозе аллегория «насекомое – человек» может быть более подробной и развёрнутой. Ярким примером является роман В.Пелевина «Жизнь насекомых», в котором люди представлены в облике этих представителей фауны. Персонажами данного произведения являются таракан Серёжа, жуки-скарабеи (отец и сын), ночной мотылек Митя, муха Наташа, комары Арнольд (бывший Паша) и Артур, муравьиная самка Марина, её отец Николай – офицер «Магаданского муравейника» и другие.

Герои произведения узнаваемы, потому что маски насекомых удивительно точно передают их сущность, они – типажи постсоветского периода. Принцип буддизма о возможном переселении человеческих душ в животных, насекомых В. Пелевин доводит до абсурда. Обитатели этого мира взаимодействуют друг с другом в двух равноправных телесных модусах – людей и насекомых. Каждое действие героя как насекомого немедленно отзыается в нем как в человеке. Жизнь людей-насекомых оказывается непрекращающейся взаимосогласованной симуляцией актов существования. В романе прослеживается мысль о том, что источник всех бед – нравственная неполноценность личностного начала, неизбежным следствием которой является общая социальная неустроенность. По замечанию критика А. Гениса, В.Пелевин пишет в жанре басни, «мораль» из которой должен извлекать сам читатель.

Таким образом, номинации насекомых в современной художественной прозе выполняют следующие функции: 1) создание образной наглядности при изображении пространственно-временного континуума, 2) экспликация эмоционального состояния персонажа, 3) оценочная характеристика человека, 4) выражение символического значения и создание подтекста, 5) выражение аллегории. Указанные функции играют важную роль в реализации авторской интенции в художественном дискурсе.

Т. В. Степаненко

Восприятие и понимание коммуникативного поведения литературного персонажа

Статья посвящена изучению вербально-семантической составляющей в структуре языковой личности, что способствует более объективному описанию литературного персонажа в традиционном филологическом анализе текста.

Выдающийся немецкий философ XIX в. Артур Шопенгауэр (1788 -1860) создал неожиданный, но необычайно яркий образ для того, чтобы показать, как ведут себя люди, общаясь друг с другом. Он сравнил людей с

дикобразами зимой. Животным холодно, и они стараются теснее прижаться друг к другу, чтобы согреться. Но мешают иглы, и звери вынуждены сохранять между собой определенную дистанцию. Мы тоже в некотором смысле такие дикобразы: с одной стороны, человек жаждет тепла, эмоционального контакта; с другой стороны, он стремится сохранить свою индивидуальность, не желает «потерять себя» в общении, не хочет чрезмерной близости. Получается, что наше поведение в общении с другими есть некий баланс, равновесие двух противоположных тенденций - стремления к близости, к контакту и стремления к отделению от других, сохранению «собственного я».

Предпочтение (выбор) одной из возможных тенденций и проявления этого предпочтения в речевом общении назовем коммуникативной стратегией. Коммуникативное сотрудничество проявляется в трех основных коммуникативных стратегиях:

- I. Стратегия близости;
- II. Стратегия отказа от выбора;
- III. Стратегия отстранения.

Выбор той или иной коммуникативной стратегии определяется:

- 1) особенностями речевой ситуации — тем, кто ее участники, каковы отношения между ними, о каком предмете идет речь;
- 2) личностными, индивидуальными особенностями говорящего:
 - a) психофизиологическими особенностями — темпераментом, характером;
 - б) особенностями речевых традиций социальной группы и семьи, в которой вырос человек
 - в) национальными речевыми традициями; Так, если мы сравним речевое поведение итальянца с таковым англичанина или скандинава, то увидим, что для первого характерна выраженная коммуникативная стратегия близости, а для второго — отстраненности.

Мы проанализируем коммуникативные личности Чичикова и Манилова с точки зрения их взаимодействия в дискурсе. Материалом для этого анализа будет глава вторая с того момента, как Чичиков подъехал к дому Манилова. Определяющими для коммуникативной личности являются характеристики, которые составляют три основных ее параметра: мотивационный, когнитивный и функциональный.

Мотивационный параметр связан с потребностью получить и передать какую – либо информацию. Он служит стимулом для коммуникативной деятельности. С этой точки зрения дискурс Манилова и Чичикова можно разделить на две части: псевдокоммуникацию (бесцельный разговор) и собственно коммуникацию. «Но позвольте прежде одну просьбу» – с этих слов можно говорить о начале обмена информацией. Мы предлагаем рассмотреть когнитивный и мотивационный уровни вместе.

Выражением мотивационного уровня являются слово и жест. Выражением когнитивного уровня являются совокупность слова, внутренней речи, мимики и комментария автора. Коммуникация Чичикова

и Манилова начинается с неверbalного уровня. «Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжающий экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более»¹.

Таким образом, Манилов с самого начала задает тон их общению, выражая свой интерес и доброжелательное отношение к гостю. Во всем его облике читается благоприятный настрой и готовность к коммуникации (глаза, улыбка), которая затем подкрепляется и верbalным уровнем: «Павел Иванович! – вскричал он, наконец, когда Чичиков вылезал из брички. Насилу вы таки нас вспомнили! Оба приятеля очень крепко поцеловались»². Чичиков и Манилов находятся на интимном расстоянии друг от друга. «Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга»³. Изначально между ними устанавливается дружеский доверительный тон общения.

Говоря об особенностях коммуникативного поведения, необходимо заметить, что у Манилова в большей степени, чем у Чичикова слово подкрепляется жестами. Можно также говорить, что в ряде случаев жесты заменяют формы верbalного выражения мысли: «Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, – говорил Манилов, показывая ему рукой на дверь»⁴. В данном примере жест, указывающий на дверь заменяет речевую формулу «проходите». «Здесь он еще что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукой в воздухе»⁵. Здесь жест замещает конец мысли.

Кроме жестов рук, для Манилова также характерны мимические сигналы, преимущественно прищуривание глаз и улыбка. Рядом почти с каждой репликой в авторских комментариях встречается «сказал с приятной улыбкой», «присовокупил Манилов с улыбкой», «сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза», «от удовольствия почти совсем зажмурив глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем»¹⁰.

Среди жестов характерных для Манилова можно также выделить жесты тактильные, которые сопровождаются прикосновением: «Манилов был чрезвычайно доволен и, поддерживая рукой спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную»⁵. Тактильные жесты характерны для тактик речевого воздействия на собеседника. Если в первой части общения Чичикова и Манилова для последнего характерны жесты, располагающие к себе собеседника, то во второй части, когда речь идет о сделке с мертвыми душами, ему присущи жесты удивления. Также, если в первой части в центре внимания оказываются руки, глаза и улыбка, то во второй – акцент делается прежде всего на рот и трубку: «Манилов

⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т.7 С.134

¹⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7 С.145

выронил тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут»; «ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым очень тонкою струею»⁶. Открытый рот в данном случае говорит о состоянии удивления и испуга.

На протяжение всего диалога главным носителем невербальной информации являются губы: «Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице». Сжатые губы трактуются кинесиками как признак внутреннего напряжения и зависимости от ситуации.

Общение Чичикова и Манилова напоминает собой зеркало: один в точности отражает настроение и жесты другого. Неслучайно поэтому широкое употребление глаголов и конструкций взаимного действия: пожали друг другу руки, поцеловались, протиснулись в дверь. В некоторых случаях даже комментарий автора после слов героев совпадает:

- Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.
- Нет, не курю, - отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.
- Отчего? – сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления¹¹.

Для коммуникативной личности существенным является знание коммуникативных систем (кодов), обеспечивающих адекватное восприятие смысловой и оценочной информации и воздействие на партнера. Таким коммуникативным кодом в общении Чичикова и Манилова является лесть и похвала, при помощи которой Чичиков добивается расположения хозяина. Вторым таким кодом является страх Манилова перед законом, чем его гость и пользуется и что помогает ему успешно провести сделку: «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон – я немею пред законом»¹².

С точки зрения дискурса в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами речевого этикета, следует отметить четыре основных этапа построения коммуникативного акта. Первый этап – начало коммуникации, когда Чичиков только приезжает в дом Манилова. На этом этапе общения он использует так называемую стратегию «отказа от выбора». Он предоставляет своему собеседнику самому выбрать тональность их общения, что Манилов и делает, используя стратегию близости – «будь дружелюбен».

- Павел Иванович! - вскричал он, наконец, когда Чичиков вылезал из брички. – Насилу вы таки нас вспомнили!

Оба приятеля очень крепко поцеловались¹³.

¹¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7, С.140

¹² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7, С.141

¹³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7, С.141

Тем самым, стратегия близости, выбранная Маниловым, осуществляется не только на вербальном, но и на физическом уровне.

Второй этап коммуникации – псевдокоммуникация, когда оба участника дискурса ведут неинформационный разговор, так называемую «легкую» беседу. На этом этапе Манилов опять исполняет функцию ведущего. Он избирает стратегию похвалы гостя: *«Не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю»⁶*. Этую стратегию подхватывает Чичиков, лестно отзываясь о городе и его обитателях: *«Очень хороший город, прекрасный город, - отвечал Чичиков, - и время провел очень приятно: общество самое обходительное»¹⁴*. Следующая стратегия Чичикова на этом этапе – проявление интереса к собеседнику:

- Вы всегда в деревне проводите время?
- Какие миленькие дети, - а который год?¹⁵

Третий этап – собственно коммуникация. Чичиков излагает свое желание купить мертвые души. Он избегает категоричности высказываний и начинает издалека: «Но позвольте прежде одну просьбу...». Теперь роль ведущего в диалоге исполняет он. Именно Чичиков теперь направляет Манилова в их общении. Взгляд Манилова «снизу ему в лицо» подчеркивает доминирующую роль Чичикова. Говоря о коммуникативных ролях можно отметить, что Манилов исполняет роль ребенка, а Чичиков – взрослого.

- Так вы полагаете?...
- Я полагаю, что это будет хорошо.
- А, если хорошо, это другое дело: я против ничего, - сказал Манилов и успокоился¹⁶.

В этом коротком отрывке очевидно, что Чичиков, используя одно из основных качеств оратора – уверенность, ставит себя как бы над собеседником, тем самым направляя его тем путем, который выгоден ему.

И последний, четвертый этап – выход из коммуникации. Первым из коммуникации выходит Чичиков, используя при этом один из дейктических жестов или жестов - регуляторов – он берет шляпу и откланивается, давая тем самым понять собеседнику, что разговор закончен. Анализируя поведение Чичикова, нужно отметить, что в общении с Маниловым он проявляет три необходимых качества оратора: уверенность, дружелюбие, искренность. Об уверенности дружелюбии уже говорилось ранее. Искренность Чичиков демонстрирует своими жестами: *«Здесь, вот где, - тут он приложил руку на сердце, - да здесь пребудет приятность времени, проведенного с вами»¹⁷*.

Таким образом, мы рассмотрели, как на вербальном и невербальном уровне выражаются коммуникативные стратегии Чичикова и Манилова. Подобный подход позволяет более глубоко осознать специфику приемов

¹⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7 С.139

¹⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7 С.139

¹⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7 С.140

¹⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений Т.1 – 14 Л., Ак.наук СССР, 1937 Т. 7 С.145

передачи авторского отношения к литературному персонажу; оценить мастерство автора-повествователя, с присущей ему манерой психологического литературного портрета.

Фирдевс Бураихи Карим

Оккциональное употребление деструктивных глаголов в художественном тексте как средство речевого воздействия

В группу деструктивных глаголов входят лексические единицы, объединённые семантическим компонентом «каузировать не быть», который может быть разграничен по двум аспектам: 1.уничтожить объект полностью (сжечь письмо); 2.уничтожить целостность объекта и/или функциональную структуру (сломать стул). В художественном тексте данные глаголы на фоне типовой объектной сочетаемости могут быть использованы в сочетаниях оккционального характера.

Рассмотрим это на примере глагола ломать – сломать, который имеет следующую семную структуру – «каузировать не быть, нарушая конструктивную организацию, тела с твердой структурой, сгибать, нажимать, действуя двумя или несколькими разнонаправленными силами». Количество существительных, вступающих в языке в сочетания с данным глаголом велико, и они могут принадлежать к различным ЛСГ. Так, можно ломать различные инструменты, орудия (лопату, сверло, нож, лезвие, карандаш, перо и т. д.), растения и их части (дерево, ветка), части тела (нога, рука, шея, спина), строения (дом, сарай), механизмы (веялки, молотилки), мебель (стул, стол, сундук). В подобных сочетаниях глагол употребляется в первичном денотативном значении. Системными являются и некоторые сочетания, в которых рассматриваемый глагол имеет значение «резко, круто изменять» и выступает в статусе семемы К 1 (ломать привычки, характер и т.д.). Однако на этом фоне как оккциональные воспринимаются такие сочетания:

Девочка рассказывала: косогор ползет, ломая дорогу... (Г. Коновалов)

В данном сочетании семема глагола утрачивает семы «тело», «разнонаправленные силы» и приобретает статус Д2, актуализируя значение «разрушать».

Дорога сломала степь напополам (В.Высоцкий).

В этом контексте утрачиваются все выше названные семы и актуализируются семантические признаки «разделить» и «резко», и семема приобретает статус Д2, но уже с иным набором сем, чем в предыдущем примере.

С чувством горечи и удивления следил Павел, как ломается, казалось, так крепко сколоченная дружба (Н. Островский).

В этом примере окказиональным является и употребление причастия от глагола сколотить, который имеет производно-номинативное значение «изготовить, прибивая что-либо к чему-либо, соединяя части гвоздями, шипами». В сочетании сколотить дружбу утрачиваются семантические компоненты «прибивая что-либо к чему-либо» и «соединяя части гвоздями, шипами», но актуализируются потенциальные семы «прочность» и «постепенность», которые наряду с семой «созидание» обусловливают трансформацию семемы в первичную коннотативную. Поэтому вполне оправданным становится употребление в данном сочетании антонимичного глаголу сколотить глагола ломать в семенном статусе К1.

Обычное спокойствие покинуло его. Ломая в себе внезапно вернувшееся чувство боязни, он говорил Чубатому... (М. Шолохов).

Аким отказывался. - Мы не можем ломать решения. Пойми же, Павлуша, что это для тебя лучше (Н. Островский).

Сломан обычный, привычный порядок жизни... (А. Чаковский)

В приведенных примерах в глаголе актуализируются семы «разрушение» и «усилие», остальные утрачиваются, что обусловливает переход семемы в статус К1.

Прозрачная весна над черною Невой

Сломалась, воск бессмертья тает.

О, если ты звезда, - Петрополь, город твой,

Твой брат, Петрополь, умирает! (О. Мандельштам)

В этом контексте посредством необычного сочетания передается образная картина: прозрачный весенний воздух над темной водой Невы утрачивает свою прозрачность, приобретая темный цвет, и как бы сдвигается, изменяя очертания, что вызывает ассоциацию с нарушением целостности, переломом.

Сема «нарушение целостности» актуализируется и в таких примерах:

Удары молнии сквозь слезы

Ломали небо на куски (Н.Заболоцкий).

*Он (пролетарий) шел, скрепив периферию,
И ветр ломался вокруг него (Н.Заболоцкий).*

И только

Когда

Над пачкой соломинок

В коне заговорила привычка древняя,

Толпа сорвалась, криком сломана... (В. Маяковский)

Кроме того, в данном контексте актуализируются семы «изменение формы» и «резко, внезапно», что позволяет создать у читателя наглядное образное представление ситуации.

Сема «изменение формы» актуализируется и в таких контекстах:

И горечь, и жалость, и ветер ночей,

*Холодный, как рыбья кровь,
Осенним свинцом наливают зрачок,
Ломают тугую бровь (В. Луговской).*

*Сколько раз она (гроза) меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром! (Н. Заболоцкий)*

Несколько иначе происходит трансформация семемы в другом примере этого автора:

*Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг! (Н. Заболоцкий)*

Здесь актуализируется компонент «отрицательное воздействие, вред».

«Именем Советской власти!» -

В этот грохот он (матрос) кричит.

«Именем...»

И прям и светел,

С бомбой падает в века.

Мир ломается (А. Прокофьев).

Представляется, что в данном сочетании в семантической структуре глагола на первое место выходят семантические компоненты «изменяться» и «резко».

Таким образом, окказиональное употребление данного глагола разными художниками слова и в разных контекстах показывает, насколько мобильна его семантическая структура, насколько многослойен репрезентируемый им концепт, как отличается соотношение национальных и индивидуальные признаков данного концепта в концептосферах разных авторов.

Рассмотренные примеры наглядно свидетельствуют о том, что нестандартную сочетаемость следует рассматривать как одно из свойств художественного текста. Поскольку в процессе порождения художественной речи осуществляется и коммуникативная и эстетическая функция языка, представляется совершенно бесспорным, что в художественном тексте синтагматические отношения обусловлены закономерностями формирования целостного речевого единства, направленного на реализацию авторского замысла и обеспечения соответствующего этому замыслу воздействия на получателя информации. Специфической особенностью художественного текста является то, что в нем совмещаются две тенденции: с одной стороны – стремление к понятности, а, следовательно, к регулярности используемых средств, что проявляется в узуальном словоупотреблении и узуальной сочетаемости (так осуществляется коммуникативная функция), с другой – к выразительности, образности (так осуществляются эстетическая и прагматическая функции языка).

Содержание

Теория коммуникации

Антонова Л.Г. (Ярославль) Отношения «автор» – «адресат» в современном медиапространстве	3
Бузальская Е.В. (СПб). Механизмы и этапы письменного творчества	8
Припадчев А.А. (Воронеж) Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «житие»)	11

Национальное коммуникативное поведение

Богачев С.В. (Воронеж) Особенности делового общения с китайскими партнёрами	21
Морозова Ю.Г. (СПб) Sisu как основополагающая черта финского национального характера	24
Стернин И.А. (Воронеж) Заметки о сербском общении	26
Сычев А.К. (Воронеж) Из наблюдений над коммуникативным поведением и характером американцев	28
Умерова Д.Р. (Астрахань) Из наблюдений над турецким коммуникативным поведением	32

Профессиональное коммуникативное поведение

Кончаревич Ксения (Сербия) Литургическое возрождение и актуальные изменения в сербской сакральной коммуникативной культуре	37
Сметанина-Болдвин Ю.В. (США) Межкультурные коммуникативные различия и сфера здравоохранения в США	49
Стеблецова А.О. (Воронеж) Коммуникативное взаимодействие врача и пациента в англоязычном медицинском дискурсе	62

Возрастное коммуникативное поведение

Долгополова Ю.И. (Воронеж) Развитие коммуникативного поведения дошкольника (на материале развития общения ребёнка от 2 до 5 лет)	68
Османова К.И. (Воронеж) Экспериментальное исследование возрастных особенностей речи носителей языка	80

Гендерное коммуникативное поведение

Гетте Е.Ю. (Воронеж) Методики исследования гендерного коммуникативного поведения	85
--	----

Массовая коммуникация

Азиз Тахсин Раззак (Ирак) Из наблюдений над концептосферой авторов текстов периодической печати новейшего времени (по материалам воронежской прессы)	100
Беляевская А.В.(Ярославль) Средства выражения авторской интенции в региональных печатных СМИ	106
Колышкина Т.Б., Шустина И.В. (Ярославль) Уровень восприятия читателем текстов массовой коммуникации	112
Коробкова О. С. (СПб) Коммуникативные стратегии в языке вражды	120
Кузнецова В.В.(Волгоград) Стратегия создания имиджа интервьюируемого журналистом (на материале французской и русской прессы)	123

Хованец Марек (Словакия) Языковая игра в современных российских СМИ 128
 (на материале аббревиации и дезаббревиации)
 Ухова Л.В (Ярославль) Речевое поведение радиоведущих: жанровые и 133
 имиджевые параметры

Художественная коммуникация

Борисова Л.М. (Воронеж) К анализу неуспешного диалога в 137
 художественном дискурсе
 Брыжина Т.С. (Волгоград) Пародийная тональность в текстах с 144
 карикатурной имитацией жанра
 Гончарова Н.В. (Воронеж) Заглавие и подзаголовок в художественном 150
 тексте
 Синан Заки (Ирак), О.Н.Чарыкова (Воронеж). Функции существительных, 154
 называющих насекомых, в выражении авторской интенции в современном
 художественном дискурсе
 Степаненко Т.В. (Ярославль) Восприятие и понимание коммуникативного 157
 поведения литературного персонажа
 Фирдевс Бураихи Карим (Ирак) Окказиональное употребление 162
 деструктивных глаголов в художественном тексте как средство речевого
 воздействия
Содержание 165